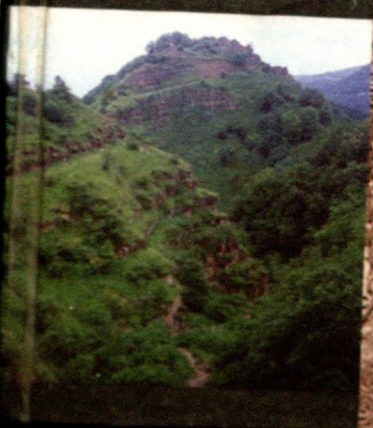

М.Г. Магомедов
А.Р. Шихсаидов

Калакорейи

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ОРДЕНА ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

М.Г. Магомедов, А.Р. Шихсаидов

КАЛАКОРЕЙШ

(Крепость курейшитов)

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЮПИТЕР"
МАХАЧКАЛА 2000

М-12 Магомедов М.Г., Шихсаидов А.Р.

Калакорейш (Крепость курейшитов). – Махачкала: Изд-во “Юпитер”, 2000 г. – 168 с. + 62 илл.

ББК 63,4 (2Р-6Дag)

Книга рассказывает об уникальном памятнике Калакорейше, остатки которого сохранились недалеко от селения Уркарах Дахадаевского района. Рассчитана на историков, археологов и широкий круг читателей.

Авторы выражают искреннюю благодарность председателю Комитета по делам молодежи и туризма Зумруд Запировне Сулеймановой, начальнику управления “Дагавтодор” Магомеду Молласвичу Магомедову, председателю Верховного суда РД Анвару Магомедалиевичу Магомедову за финансовую помощь в издании этой книги.

© М.Г. Магомедов, А.Р. Шихсаидов, 2000 г.

© Издательство “Юпитер”, 2000 г.

ISBN 5-7895-0032-3

ВВЕДЕНИЕ

Среди богатейшего культурно-исторического наследия народов Дагестана особое место занимает уникальный памятник под названием Калакорейш, остатки которого сохранились недалеко от селения Уркарах, центра Дахадаевского района. Селение было расположено на вершине крутой горы, только небольшая перемычка длиной в 40 и шириной в 5 м соединяла селение-крепость с внешним миром.

Сравнительно широкая, в свое время основательно и добротно проведенная колесная дорога через крутые склоны и скальные выходы “уткнулась” в эту перемычку. Колесная дорога, пройдя через лес, выходила на запад к сенокосным участкам, а ныне - к главной дороге, ведущей в Кубачи.

Гора, на которой расположился Калакорейш (рис. 1), перехвачена двумя глубокими ущельями, на дне которых течет Буган (“ХулахIаркI” - “большая река”) и безымянная речка, что на дне ущелья “Магъакъатти” (къатт” - ущелье). Обе речки соединяются за селением на востоке, чтобы затем слиться с рекой Уллучай, уходящей в Каспийское море.

Уллучай

Только узкая тропинка над крутым, почти отвесным обрывом "Магакатт" ведет к единственному входу селения, которые в случае опасности закрывались наглухо. Высокие двухэтажные дома, глухой стороной обращенные к ущелью, довершали защитный комплекс, обеспечивающий устойчивую обороноспособность селения. Калакорейш-"крепость курейшитов" действительно была крепостью, который сыграл значительную роль в истории народов Дагестана как крупный административно-политический, культурный и идеологический центр средневековой эпохи. О его роли в истории Дагестана свидетельствует и сохранившееся здесь большое число первоклассных памятников материальной и духовной культуры (остатки крепости, мечеть XI-XIII вв. со штуковым михрабом, могильники с полуцилиндрическими ("саркофагообразными") или традиционными каменными стелами, надгробиями, мавзолеей и пантеон кайтагских правителей-уцмиев, сторожевые и сигнальные башни, караван-сарай, мельницы, старые кварталы, главная площадь селения, медресе, памятники арабской эпиграфики и др.).

Уникальный характер этих памятников и выдающаяся роль Калакорейша в истории Дагестана, особенно в освободительной борьбе, давно привлекли к нему внимание ученых, искусствоведов, путешественников, военных деятелей. Из поколения в поколение передаются предания о том, что первыми его обитателями были арабы из племени курейшитов, что и отразилось в названии резиденции. Курайш - мекканское арабское племя, из которого происходил пророк Мухаммед.

Несмотря на уникальный характер памятников Калакорейша, они недостаточно изучены, а некоторые из них не исследовались вообще. Настоящая книга -

только начало комплексной характеристики выдающегося историко-культурного центра средневекового Дагестана. Дальнейшее его исследование позволит раскрыть ряд сложных и актуальных проблем средневекового Дагестана: процесс формирования раннефеодальных государственных образований, сложение историко-культурного, административного и идеологического центра, этапы исламизации процесса, культурные контакты с другими историко-культурными регионами, структура резиденции феодального владения, памятники ее материальной и духовной культуры. Ниже мы даем описание некоторых важных памятников Калакорейша.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КАПАКОРЕЙША

Кайтаг (Кайтагское уцмийство) давно стал объектом внимания многих авторов, писавших на арабском, персидском, тюркском, русском языках. Наиболее ранние известия о Кайтаге (Хайдак) принадлежат арабским историкам IX-X вв. ал-Йакуби, ал-Белазури, ат-Табари, ал-Куфи, анонимному автору "Худуд ал-алам" ("Пределы мира"), написанному на персидском языке в X в., арабским авторам XII-XIII вв. Абу Хамиду ал-Гарнати, Ибн ал-Асиру и Абу-л-Фида. Первые местные, дагестанские исторические хроники, рассказывающие о Кайтаге, относятся к XII-XVI вв. Это "История Ширвана и Дербенда" анонимного автора, "Тарих Дагестан" Мухаммеда Рафи, "История Каракайтага", "Хроника" Махмуда Хиналугского, "Дербенд наме" Мухаммеда Аваби Акташи¹. Политические события XVI-XVII вв., на фоне которых Кайтагское уцмийство играло выдающуюся роль в системе ирано-турецких взаимоотношений, нашло освещение в изданном недавно в русском переводе сочинении "О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей"². К XVI-XVII вв. относятся также многочисленные

фирманы иранских и турецких правителей на имя дагестанских правителей.

В XVII в. были особо популярны путешествия и описания этих путешествий. Для нашей темы особо важны сочинения двух путешественников: немецкого ученого, участника гольштинского посольства в Москве Адама Олеария (1600-1671)³ и знаменитого турецкого путешественника Эвлия Челеби⁴. Оба автора бывали в Дагестане и оставили интересные сведения о столице уцмийства - Калакорейше.

Социально-политическая структура Кайтага и социальный статус отдельных слоев общества XVI-XVII вв. нашли яркое отражение в "Постановлении уцмий Рустамхана, выдающегося памятника обычного права Дагестана"⁵.

Особая категория источников, отличающаяся своей многочисленностью, информированностью и разносторонностью - это материалы на русском языке - дипломатическая переписка, отчеты, официальная документация, воспоминания политических и военных деятелей, путешественников.

В упомянутых выше источниках исследователь найдет ценные сведения о государственных образованиях Дагестана, в том числе Кайтага на протяжении VII-XVII вв., его столице Калакорейше, социальной, экономической, культурной и идеологической жизни кайтагского общества, о междагестанских международных контактах и военно-политической, торгово-экономической и конфессиональной сферах, о месте Кайтага и его резиденции во взаимоотношениях с Юго-Восточной Европой и ближневосточным миром.

Литература XVIII-XIX вв. занимает особое положение, являясь предметом внимания и источниковедения и особенно - историографии. Можно сказать, что именно XVIII век положил начало научной историографии Дагестана.

Западноевропейская и российская историческая и общественно-политическая мысль обратила свои взоры на Дагестан, его общественную структуру, особую политическую культуру, систему межэтнических взаимоотношений, конфессионального плюрализма, междоцивилизационных контактов. Большое значение имела деятельность Российской академии наук во всестороннем и глубоком изучении отдельных регионов многонационального Российского государства.

Среди важных кавказоведческих работ первой половины XVIII в. выдающееся место занимает труд И.-Г. Гербера, принимавшего участие в “Персидском походе” Петра I летом 1722 г. и составившего в 1728 г. карту прикаспийских областей Кавказа и обстоятельное их описание⁶. Здесь мы находим одно из ранних описаний в европейской литературе “народа Карахайдаки”, “особливого хайдацкого языка”, уцмий и его власти, хозяйства и “деревни великой, крепкой и сильной... Кара-Гураш...”, который “имеет крепкую ситуацию”⁷.

Непосредственное изучение памятников Калакорея началось со второй половины XIX в.

После завершения Кавказской войны и присоединения Дагестана к России, Дагестан стал объектом пристального внимания не только царской администрации, но и центром притяжения многочисленных исследователей, путешественников, любителей старины и экзотики. Нараставший интерес к родине Шамиля был вызван не только феноменом Кавказской войны, выразившимся в длительной и героической борьбе свободолюбивых горцев против Российской империи, но и своеобразием природы Дагестана, его истории, культуры и языков. Начавшийся во второй половине XIX в. процесс открытия Дагестана для народов России и Европы охватывал самые разнообраз-

ные вопросы истории и быта, материальной и духовной культуры. Повышенный интерес специалистов сразу же вызвал и многочисленные памятники старины, среди которых особое внимание привлекли и остатки крепости Калакорейш.

Первым ученым, открывшим превосходные памятники Калакорейша, был известный русский востоковед академик Б.А. Дорн (1805-1881). В 1861 г он посетил ряд дагестанских селений, в том числе Кубачи и Калакорейш. В последнем он посетил мечеть, кладбище, местные медресе, срисовал и эстампировал ряд надписей⁸. Как писал исследователь, посетив сначала Кубачи в мае 1861 г., “на обратном пути мы остановились на ночлег в кайтагской горной крепости Кала-Курейш, которую в простонародии называют Кара-Курейш, а ошибочно Кириш... Здесь находилось прежде место пребывания уцмиев; на открытом кладбище я видел гробницы Ахмед-хана, Мухаммед-хан-бен-Ахмед-Султана, Эмир-Хамза уцмий бен Мухаммед бен Ахмед-хан-уцмия и Рази-уцмия бен Хан-Мухаммеда”.

Открытие пантеона кайтакских правителей-уцмиев было не единственной заслугой ученого. Он воспроизвел (рисунок) куфическую надпись, обрамляющую по периметру михраб джума-мечети Калакорейша. Это была уникальная штукаевая эпиграфическая полоса (XII-XIII вв.), ставшая впоследствии объектом внимательного изучения искусствоведов и востоковедов.

Однако не все памятники Калакорейша были обследованы известным востоковедом. В начале XX в. Е.И. Козубский впервые вскользь упомянул “древние могилы особого вида около Калакорейша и Уркараха”⁹. Лишь примерно через 30 лет этот выдающийся памятник декоративно-прикладного искусства сред-

невекового Дагестана привлек внимание исследователей.

После установления Советской власти, исследования памятников истории и культуры в Дагестане осуществляли в 20-х гг. ряд экспедиций под общим руководством профессора Н.Ф. Яковлева. В составе экспедиции работал и профессор А.С. Башкиров, который впервые предпринял попытку научного осмысления памятников декоративного искусства Калакорейша¹⁰. В своих статьях, посвященных этому уникальному памятнику, он впервые дает описание саркофагообразных (полуцилиндрических) надгробий на могильнике к западу от селения, датируемых им временем "не позднее конца XII в." и анализирует воспроизведенные на одном из надгробий сюжетные композиции, ошибочно рассматривая их как буквы неизвестного алфавита. Специальные статьи посвятил А.С. Башкиров и описанию уникальных деревянных дверей мечети Калакорейша¹¹. Несмотря на отсутствие четкости и ясности в воспроизводстве многих деталей орнаментальных мотивов и сюжетов на дверях, а также не всегда убедительных аналогий им, в целом А.С. Башкиров правильно обосновывает близость их сюжетных композиций средневековым каменным рельефам сел. Кубачи¹². Двери мечети Калакорейша привлекли внимание и выдающегося этнографа Е.М. Шиллинга, который справедливо относит их к кругу памятников средневековой культуры Кубачи¹³.

Попытки осмысления обширных коллекций резных камней и надмогильных памятников с. Кубачи и некоторых соседних селений, в том числе и полуцилиндрического надгробия из Калакорейша, предприняла в начале 60-х гг. Э.В. Кильчевская. В своей монографии она дает подробное описание изображений и орнаментальных мотивов памятника, прослеживает

общие закономерности и самобытные черты культуры и искусства исследуемого региона, которые обусловлены конкретно-историческими условиями местного развития¹⁴. Изобразительные мотивы памятника позволяют, по мнению автора, отнести его к домусульманскому периоду, примерно к VIII-X вв., однако мнение это не обосновано убедительными данными.

Полуцилиндрическое надгробие из Калакорейша, изобразительные мотивы и арабские надписи на них стали предметом усиленного внимания ученых, попытки их хронологической интерпретации вызвали дискуссию, которые и поныне не имеют окончательного решения.

Известный кавказовед Л.И. Лавров, пользуясь фотографиями, изданными А.С. Башкировым и Э.В. Кильчевской, воспроизвел (к сожалению, не точно) надписи горизонтального надгробия и отнес их к XI-XII вв. по палеографическим признакам, детально не расшифрованным¹⁵.

Л.И. Лавров не был в Калакорейше, но тем не менее добился значительных успехов в чтении надписей, прорисовки или же фотографии которых уже были изданы (Б.А. Дорн, П.М. Дебиров). Прежде всего он предпринял попытку прочесть “надписи, трижды обрамляющие нишу михраба мечети”, частично расшифровал и перевел их на русский язык, отнеся записи к XI-XII вв.¹⁶

Л.И. Лавров определил ареал распространения на Северном Кавказе горизонтальных полуцилиндрических надгробий, выделив три обособленных района их распространения (Дербентский, Кайтаго-Кубачинский и Маджарский)¹⁷. О “саркофагообразных” надгробиях, выявленных в с. Уркарах, что в трех километрах к северо-западу от Калакорейша, сообщает Р.М. Магомедов. Среди 20-ти подобного рода памятников

из Уркараха на четырех имелись арабские надписи XI-XII вв.¹⁸

Л. И. Лавров сделал еще одно важное открытие - по прорисовке Б. А. Дорна и фотографии Э.В. Кильчевской прочитал и перевел арабскую надпись на каменной плите у северной стены внутри мечети. Таким образом была обнаружена эпитафия на могиле местного правителя, "обладателя (сахиб) Калакурайша Ах.с.б.р сына Хиздана". Как писал Л.И. Лавров, "...это самый ранний, неизвестный по другим источникам, предшественник и, возможно, предок усмиев, однако, как видим, еще не носивший титула усми". Эта ценная надпись отнесена автором к периоду "не позднее XIII в."

Значительный вклад в исследование камнерезного искусства Дагестана внес П.М. Дебиров, который в своей монографии "Архитектурная резьба Дагестана"¹⁹, воспроизвел точный рисунок штукowego михраба, дал подробный искусствоведческий анализ как михраба в целом, так и особенностей арабских надписей, обрамляющих главную нишу михраба. На основе анализа штукowych рельефов и эпиграфической ленты михраба, датируемых XII-XIII вв., П.М. Дебиров прослеживает поразительную композиционную близость и сходство орнаментальных мотивов михраба Калакорейша с подобного рода памятниками Закавказья, Средней Азии и Ирана. Исследователю принадлежит также подробное описание джума-мечети Калакорейша, он выделяет ряд черт, отличающих ее от других подобного рода культовых сооружений Дагестана, представив вместе с тем схематический план мечети и прорисовки редких для культовой архитектуры Дагестана каменных фигурных опорных столбов. Для определения датировки калакорейшской мечети большое значение имеет наблюдение П.М. Дебирова о том, что

обнаруженные им остатки кирпичной кладки свидетельствуют о существовании первоначально арочного перекрытия здания мечети.

Вслед за важным исследованием П.М.Дебирова была опубликована работа А.Ф. Гольдштейна "Архитектурные памятники Кайтага"²⁰, где культовым сооружениям посвящен специальный раздел. Описание мечети и деревянных дверей (в основном, по данным П.М. Дебирова и А.С. Башкирова) проведены в самых общих чертах, однако автор акцентирует внимание на двух обстоятельствах: "необычность фасада мечети с двумя симметрично расположенными порталами входов, заключенных в ризалиты (выступы)"; орнаментация деревянных дверей мечети "существенно отражает влияние ирано-сасанидского и средневекового грузинского искусства". Впоследствии эти описания были повторены автором вместе с общим описанием "сундукообразных надгробий, горизонтальных, из цельного камня" (они датируются автором "ориентировочно XII в."), а также михраба, выполненного "художественной резьбой по гипсу" (михраб этот "выполнен мастерами из Ирана"). В книгах помещены четкие, хорошо выполненные фотографии мечети, "надгробия горизонтальной формы", михраба и каменного опорного столба мечети²¹.

Тщательный анализ камнерезного искусства Дагестана, в том числе и горизонтальных полуцилиндрических надгробий Калакорейша, а также первоклассных деревянных дверей мечети, дается в капитальной работе искусствоведа М.М. Маммаева "Декоративно-прикладное искусство Дагестана"²². обстоятельное изучение орнаментальных мотивов и арабской надписи на саркофаге, привлечшего внимание почти всех исследователей памятника, дали ему возможность пересмотреть существующие суждения о разновремен-

ном характере памятника и надписей и предложить новую его датировку в пределах XIII-XIV вв.

За последние годы усиленно изучается эпиграфическое наследие Дагестана, в том числе и Калакорейша. Одному из авторов этой книги принадлежит открытие и перевод большого числа арабских надписей, сохранившихся здесь до наших дней, им же открыт ряд других памятников Калакорейша. Общее описание Калакорейша и его памятников было дано в статье Б.Г. Алиева и А.Р. Шихсаидова²³.

В целом, несмотря на неоднократные попытки исследования памятника, предпринимавшиеся с конца XIX в. и эпизодически продолжавшиеся в наше время, Калакорейш продолжает оставаться малоизученным объектом.

Проводившиеся ранее успешные исследования касались, главным образом, специфики архитектуры мечети, ее михраба, а также орнаментальных особенностей сохранившихся к западу от крепости отдельных саркофагообразных надмогильных памятников. В подобных исследованиях, основанных на сопоставительном анализе отдельных архитектурных элементов и орнаментальных мотивов, не рассмотрены вопросы об истоках и хронологических рамках новых традиций в местном зодчестве, в целом же памятник не изучен как единый комплекс градостроительных, хозяйственных памятников истории и культуры, сочетание градостроительных, хозяйственных, общественно-политических традиций на фоне исторического развития средневекового дагестанского общества. Уникальные памятники Калакорейиша требуют дальнейшего и всестороннего изучения.

Для воссоздания целостного представления о столице Кайтагского уцмийства, крепости и составных его частей и выяснения предпосылок его возникнове-

ния и последовательных этапов обживания здесь были проведены специальные и историко-археологические обследования.

В 1995-1997 гг. памятники Калакорейша изучала историко-археографическая экспедиция Дагестанского государственного университета (руководитель – проф. М.Г. Магомедов). Экспедиция начала комплексное изучение одного из выдающихся историко-культурных, административных и идеологических центров Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Минорский В.Ф.** История Ширвана и Дербенда. М., 1963; “Тарих Дагестан” **Мухаммед Рафи** - Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993; “История Каракайтага” - там же; **Махмуд из Хиналуга.** События в Дагестане в XIV-XV вв. Пер. с арабского, составление, предисловие, комментарии и приложения А.Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997; “Дербенд наме”- Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения; **Мухаммед Аваби Акташи.** Дербенд-наме. Перевод с тюркского и арабского списков, предисловие и библиография Г.М.-Р. Оразаева и А.Р.Шихсаидова. комментарии Г.М.-Р. Оразаева. Махачкала, 1992.

2. “О борьбе дагестанцев против иранских завоевателей. - Дагестанские исторические сочинения.

3. **Олеарий А.** Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию. СПб., 1906, с.495, 504.

4. **Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Перевод и комментарии. М., 1970. Вып.2. с. 117-118.

5. Постановления Кайтахского уцмий Рустам-хана. - Из истории права народов Дагестана. Составил А.С.Ома-

ров, Махачкала, 1968; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963.

6. Полиевктов М.А. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. с. III; Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. - История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIXвв. М., 1958.

7. Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 84-85.

8. Дорн Б.А. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и по южному берегу Каспийского моря. Спб., 1864; Дорн Б.А. Атлас к путешествию по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. Спб., 1895.

9. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура. Вып.1 1902.

10. Башкиров А.С. Средневековый памятник дагестанского аула Кала-Корейш // Труды ОАИАИ РАНИОН. 1926, т.1.

11. Башкиров А.С. Деревянные двери дагестанского аула Кала-Корейш. Труды ОАИАИ РАНИОН. 1926, т.1.

12. Башкиров А.С. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931.

13. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.-Л., 1949.

14. Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968.

15. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Кн. 1, с. 77, 174.

16. Там же, с. 76-77.

17. Там же, с. 111.

18. Магомедов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 1968.

19. Дебиров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.

20. Гольдштейн А.Ф. Башни в горах. М., 1977, с. 115-116.

21. Там же, сс. 118, 120, 121.

22. **Мамаев М.М.** Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989.

23. **Шихсаидов А.Р.** Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.). Махачкала. 1969; Он же. Надписи рассказывают. Махачкала. 1969; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.; **Шихсаидов А.Р., Алиев Б.Г.** Калако-рейш - древняя столица Кайтага - журн. "Гьалмагъдеш", 1973. № 3 (на дарг. яз).

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

КРЕПОСТЬ КАЛАКОРЕЙШ

✓ Название Калакорейша, употребляемое даргинцами в устной речи - УрцІмуц (житель селения Калакорейш - урцІмуцан, мн. ч. - урцІмуц). Кайтагцы называют селение УркІмуц. Кубачинцы АцІмаце. В современном литературном даргинском языке пишется Къара-Къурейш¹. Имеются и другие названия селения.

По сведениям нашего информатора, директора средней школы № 8 города Избербаша, Магомедова Раджаба Акаевича, предки которого являются выходцами из Калакорейша, сел. УрцІмуц располагалось не только на естественно защищенном месте, но и было сильно укреплено. В нем жили свободолюбивые и мужественные горцы, которые вели независимый образ жизни, подчиняясь лишь совету старейшин, который ежегодно избирался сельским джамаатом (обществом). Неоднократные попытки со стороны соседей покорить аркмакинцев были безрезультатными. Покорить их удалось лишь арабам, в борьбе с которыми погибли многие аркмакинцы. Оставшиеся из них вынуждены были принять мусульманскую религию. И с этого времени селение, якобы, получило название Калакорейш.

Остатки крепости Калакорейш сохранились на вершине горного массива (рис. 1, 10, 12, 62), достигающего 1000 м высоты над уровнем моря и протяженностью 400 м при ширине около 200 м. Оно ограничено со всех сторон крутыми и большей частью отвесными скальными обнажениями, местами почти до 100 м высотой. Лишь с западной стороны крепость соединена с окружающей системой гор узким 5-м ширины перемычкой, укрепленной по бокам подпорными стенами с целью расширения дороги на этом участке (рис. 8). Это единственное направление, по которому можно проникнуть на территорию крепости. За перевалом и вокруг крепости возвышается живописная система гор, покрытая смешанными лесами. Их основания пересекают глубокие каньоны, по которым текут небольшие горные речки.

Поросшая лесом и кустарником вершина крепости и частично менее крутые южные ее склоны представляют собой остатки развалов жилых хозяйственных и культовых сооружений (рис. 2), сохранившиеся стены которых достигают нередко до 4-5 м высоты. Вытянутые с запада на восток по вершине горы остатки жилых кварталов крепости на всем протяжении расчленены между собой извилистой центральной улицей, от которой разветвляются узкие боковые улочки. Подобные проходы расчленяют территорию крепости на небольшие кварталы, включающие в себя комплексы жилых и хозяйственных помещений, состоящих обычно из 2-6 камер. Наиболее возвышенную центральную часть крепости занимают остатки джума-мечети, с северной стороны которой сохранилась небольшая площадь для сходов. Огражденное стеной высотой 1-3 м фамильное кладбище кайтагских правителей (площадью 60 x 25 м) примыкает к мечети с восточной стороны (рис. 18). По всей площа-

ди кладбища возвышаются тончайшей работы надмогильные каменные стелы XIV-XIX вв. А в начале XX в. над несколькими надгробными сооружениями XVI-XVII вв., связанных с наиболее именитыми местными правителями, здесь был воздвигнут квадратный в плане мавзолей, увенчанный высоким конусообразным куполом (рис. 9, 43). Следует также отметить, что к остаткам культовых сооружений, расположенных в центральной части крепости, примыкают и наиболее крупные кварталы жилых нередко и двухэтажных сооружений, связанных, очевидно, со знатью кайтагских уцмиев.

Территорию крепости (рис. 19) защищали от возможного вторжения врага не только отвесные склоны горы, но и тщательно продуманная ее планировка, а также система обороны, особенно со стороны вытянутой с запада на восток дороги на крепость. Дорога, петляя по склонам, тянется вверх от перемычки и далее вдоль западного склона горы ведет до "парадного" въезда. Для усиления обороны с этого опасного направления въезд был укреплен специальными при vratными башнями, а также нависающей над дорогой и особенно ее подпорными стенами, выступавшими оборонительной линией западной границы крепости. Целям обороны крепости служили и примкнувшие друг к другу жилища, возвышающиеся над дорогой. Остатки их тянутся сплошной линией с запада на восток в виде единой оборонительной стены. В наружных стенах верхних этажей жилищ сохранились и отдельные бойницы, предназначавшиеся, очевидно, держать под обстрелом дорогу в крепость, протянувшиеся ниже основания жилых комплексов на протяжении более 300 м.

Оборонительные функции выполняли и остатки въезда в крепость, сохранившиеся в средней части

южного его направления. Для проезда повозок (арб) здесь между жилыми сооружениями предусмотрен специальный проезд шириной около 4 м, который в пределах крепости вымощен плитами. Длина проезда между боковыми стенами жилищ и до центральной улицы крепости достигает 15 м. Для удобства проезда арб наружная угловая стена въезда с западной стороны специально закруглена, а с внутренней – восточной стороны у въезда на крепость сохранились и остатки небольшой камеры привратника площадью 4 x 3 м. Следует также отметить, что у сторожевой камеры ширина въезда сужается до 3-х м, и, по характеру конфигурации угловых выступов, здесь, очевидно, находились внутренние ворота крепости. В целом, судя по ширине и длине дороги, высоте нависающих над ней 2-этажных жилых сооружений, а также специально предусмотренной камеры привратника, видно, что защите этого уязвимого направления в обороне крепости придавалось важное значение.

На восточной окраине Калакорейша сохранились вытянутые горизонтальными ярусами выступы сланцевых пород и чередующиеся с ними скальные обнажения, ступенчато протянувшиеся вниз по склону до отвесного обрыва. Нависая друг над другом, массивные выходы скал здесь достигают до 2-х м толщины. На отдельных участках перед ними лежат отколотые от основного массива отдельные экземпляры блоков размерами около 4 x 2 м. Судя по своим прямоугольным формам и сохранившимся на них следам орудий труда, они были специально отколоты от основного массива скал. Примечательно, что на одном из подобных блоков четко сохранились и следы обработки, предназначавшегося, судя по его округлой конфигурации, для изготовления саркофагообразной надмогильной плиты, подобной тем, что сохранились и на

кладбищах вокруг крепости. Предназначенный в качестве заготовки для саркофага, он, очевидно, был забракован из-за крупного скола, сохранившегося на цоколе блока (рис. 14). Наиболее оригинальные экземпляры подобных саркофагов, покрытые различными орнаментальными мотивами, в том числе и арабскими надписями, сохранились к западу от крепости, вдоль дороги, ведущей от крепости в сторону с. Кубачи. Образовавшиеся от длительной добычи блоков-заготовок уступчатые восточные склоны крепости не оставляют сомнений, что их добыча и изготовление саркофагообразных надмогильных плит, в том числе возможно и стел, производились в пределах крепости на месте выхода скальных обнажений. Судя по общей структуре сохранившихся на окраине крепости блоков, а также установленных на могильниках надгробных памятников – здесь находилась главная камнерезная мастерская Калакорейша. Изготовленные здесь надгробные саркофаги и стелы, очевидно, доставлялись на место назначения, где подвергались окончательной обработке (нанесение текста и орнаментальных мотивов).

В оборонительный комплекс Калакорейша входила также система оборонительных и сигнальных башен, зрительно связанных между собой и с крепостью (рис. 11).

Развалы сторожевой башни (№ 1) сохранились на небольшой возвышенности у западной границы крепости. Судя по конфигурации сохранившихся здесь развалов диаметром около 10 м, башня имела круглую форму диаметром около 6 м и была сооружена на выступе горы над перемычкой, возвышающейся более чем на 50 м. На подступах к башне дорога образует крутой изгиб в сторону въезда, где сохранились 3-4-м высоты подпорные стены дороги, а также развалы бо-

ковых привратных башен. Судя по крутому изгибу дороги и наличию остатков привратной башни, возвышающейся над дорогой, протянувшейся вниз к перемычке, здесь были установлены основные наружные ворота крепости. С закрытием ворот доступ в крепость практически был невозможен. Далее от ворот, по краю западного карниза горы, дорога тянется вверх к остаткам развалов башни № 1 и, обогнув их по южному склону горы, сворачивает на восток в сторону крепости. На всем протяжении, от наружных ворот и до въезда в саму крепость, дорога была также укреплена с наружной крутой стороны массивными подпорными стенами, достигающими на отдельных участках 4-6 м в высоту.

Сама башня, по месту ее расположения у края горы, откуда просматривались единственно доступные подступы к крепости, позволяла держать под обстрелом дорогу от перемычки и до самых ворот. Расположенная здесь башня имела не только оборонительное, но и сторожевое назначение. По сохранившемуся преданию среди местных жителей, последней защитницей башни при внезапном вторжении врага была молодая девушка, погибшая здесь, вместе со своей собакой, защищаясь от вторгшихся в ночное время в крепость кубачинцев. Поэтому развалы башни на основании этой легенды превращены в настоящее время в святилище и местные правоверные устраивают здесь поминальные обряды и развешивают разноцветные лоскуты на ветках дерева (дикая слива), выросшей у развалов башни. Местность эта известна под названием "Къадила къулгъу диркъан" (рис. 17).

Башня № 2 расположена на густо поросшем деревьями холме в 300 м к западу от крепости, возвышаясь над дорогой, ведущей к перемычке со стороны Кубачи. Остатки башни (рис. 15) имеют округлые формы

диаметром 6 м. С южной стороны сохранившаяся ее высота составляет 2,8 м. А с северной, крутой стороны холма, она обвалилась почти до основания. Сооружена башня из хорошо обработанных рваных блоков известняка без применения скрепляющего раствора. Интересно, что на всю сохранившуюся высоту она возведена сплошной кладкой по всей ее площади. Поэтому у основания башня не имеет входного проема. Подобная конструкция нижних ее ярусов, может являться свидетельством того, что лишь верхние этажи башни могли иметь жилое назначение, проникнуть в которые можно было с помощью прикладных лестниц.

Судя по скоплению завалов вокруг и по конфигурации самой башни, она имела не менее трех этажей с учетом первого этажа, выполнявшего роль ее основания. Общая высота башни составляла, таким образом, примерно 10-12 м, что "подключало" ее в систему сигнальных башен и обеспечивало ее зрительную связь не только с остальными башнями, но и с крепостью.

Остатки еще одного башнеобразного сооружения сохранились у подножия Калакорейша, на противоположном берегу реки Буган. Они занимают небольшой покатый участок над поляной, где сохранились древние искусственные террасы. Размеры его составляют 5,1 x 5,3 м при толщине стен 0,6 м.

Она возведена методом сухой кладки стен из слегка обработанных массивных блоков известняка. Вход в нее был сооружен с западной стороны, где сохранился проем шириной 1,1 м. Высота сохранившихся остатков стен составляет около 1 м. Подобную ее сохранность можно объяснить вывозом строительного камня с этого доступного для транспорта участка. Остатки этого сооружения наряду со сторожевым имели, очевидно, и хозяйственное назначение.

И, наконец, остатки еще одной башни, по рассказам местных жителей, сохранились на труднодоступной горе, возвышающейся к северо-востоку от крепости. Она господствует над остальной системой гор и соответственно позволяет контролировать дальние подступы к Калакорейшу, особенно с “приморского направления”, откуда, возможно, было вторжение неприятеля. По информации местных пастухов, башня частично разобрана для возведения жилого сооружения при расположенной недалеко животноводческой ферме.

Местные знатоки старины считают, что в систему сигнальных и оборонительных (сигнально-оборонительных) башен входило 4 крупных сооружения: в Трисанчи-Джурмачи - “Бухъаначибил башня” - Калакорейшская круглая башня.

В комплекс древних сооружений Калакорейша входила и система колесных дорог, протянувшихся от крепости в трех направлениях (рис. 18).

В западном направлении дорога от перемычки у крепости тянется вверх, петляя по склонам проросшего густым лесом горы в сторону села Кубачи. Вторая дорога протянулась от перемычки вниз на север по склону к реке Буган. Здесь еще в древности был сооружен мост, от которого начинается двухкилометровый подъем в сторону села Дибгалик, расположенного почти на одном уровне с Калакорейшем. Наконец, третья дорога протянулась к востоку от крепости. Петляя по крутым склонам горы, она круто спускается к реке Буган и далее вдоль нее тянется в сторону селения Маджалис. У реки дорога имеет ответвление и в сторону Кубачи. Две колесные дороги (в сторону Кубачи и Маджалиса) получили название уцмийские. Они предназначались для движения колесного транспорта (арб). На некоторых, особенно пологих, скло-

нах дороги несколько расширены с целью разъезда встречных повозок, а на крутых склонах перепад смягчается ступенчатой выкладкой дороги из хорошо обработанных каменных блоков.

На наиболее крутых отрезках горных склонов, дороги обычно укреплены массивными подпорными стенами из обработанных блоков. Высота их на подобных участках достигает до 5-6, а иногда и более метров (рис. 19).

Помимо самой крепости, вокруг Калакорейша сохранились остатки различных хозяйственных и подсобных построек, функционально связанных с жизнедеятельностью его обитателей. В большинстве своем они сосредоточены в ущелье к юго-западу от крепости, по которому протекает небольшая речка с чистой и всегда холодной водой. Ее образуют многочисленные родники, расположенные вверх по ущелью между склонами горной системы, возвышающихся над Калакорейшем с юго-западной стороны.

Среди сохранившихся вокруг Калакорейша сооружений примечательны остатки родников (рис. 20). Один из них находится у западного подножия крепости на крутом берегу речки, который, по существующим преданиям, являлся, якобы, основным источником водоснабжения жителей крепости. Специальная тропа для пешеходов вниз к роднику пробита возле перемычки. Вдоль подпорной ее стены тропа круто тянется вниз, петляя между ярусами скальных обнажений. Сам родник представляет собой обложенное рваными блоками небольшую запруду с чистой проточной водой, выбивающейся из-под скалы. Родник не имеет дополнительных построек.

Второй родник находился на северной стороне крепости у основания крутого ее склона, где сохранилась небольшая ложбина. От родника, располагавше-

гося в 100 м от западных жилых сооружений крепости, сохранилась лишь небольшая впадина, окруженная у основания валообразной насыпью, густо проросшей травой. Судя по конфигурации сохранившихся здесь остатков, из основания которого просачивается тонкая струйка воды и в наши дни, родник в древности имел, очевидно, иной вид и соответствующую надстройку. Об этом свидетельствуют и отдельные экземпляры камней, разбросанных вокруг родника. Судя по месту его расположения на недоступном для врага склоне крепости, а также слабому напору воды он, вероятно, имел подсобное значение. Им, очевидно, пользовались при чрезвычайных обстоятельствах и вероятнее всего при осаде крепости врагом. Тем более, что при подходе неприятеля к западным подступам крепости, дорога к основному источнику воды у реки полностью перекрывалась.

Остатки еще двух родников находятся вверх по ущелью в 500 м к юго-западу от крепости, где сосредоточены и другие хозяйственные сооружения. По этой причине к ним пробита и специальная дорога для арб шириной 3-4 м. Она начинается сразу же за перемычкой, ответвляясь к югу от основной дороги, ведущей в сторону сел. Кубачи. На всем протяжении она пробита вдоль крутого западного склона ущелья и также укреплена, подобно другим дорогам, подпорными стенами, достигающими 2-4 м высоты. Причем камень для подпорных стен выбирался вдоль боковой стороны дороги в процессе ее расширения.

В 400 м от перемычки, у края дороги, здесь сохранились остатки каменного четырехугольного сооружения размерами 5 x 4 м. Перекрытая деревянными балками крыша его выходит на уровень полотна проложенной рядом дороги. Своим фасадом оно обращено в сторону речки. Вся наружная его сторона, обра-

шенная на восток, оформлена в виде единой арки высотой и шириной у основания по 3,5 м. Его глухие боковые стены упираются в толщу специально срезанного здесь склона горы. Причем внутренняя его стена выполняет одновременно и функции подпорной стены, проложенной сверху дороги. По сведениям местных жителей, строение это предназначалось для молитв и называется "моленной". О подобном ритуальном ее характере свидетельствует и приподнятое почти до 2 м основание моленной. С наружной – восточной стороны его основание возвышается на двух арках 1,5-м высоты, выполнявших, как и боковые, роль не только подпорных стен моленной, но являвшихся одновременно и входом в камеру для омовений (кул'а, рис. 21). Подобная усложненная его конструкция является свидетельством того, что место для сооружения моленной выбрано с учетом наличия здесь родника с проточной водой. Родник с арочным перекрытием пристроен к южной стене моленной и достигает 2,5 м высоты при ширине около 2 м. Арочный вход в родник более чем наполовину наполнен наносами селевых потоков.

Таким образом, соорудив двухарочный проход в полуподвальное помещение для омовений, сверху строители возвели и саму моленную, которой путники пользуются и в наши дни.

В 100 м к югу от моленной, вверх по течению реки сохранились развалы водяной мельницы. Она была возведена в наиболее узкой части ущелья, над которой с востока нависают отвесные скалы высотой около 40 м. Остатки самой мельницы сохранились у основания скального карниза менее крутого противоположного ее берега. По горизонтальной поверхности карниза в сторону мельницы тянутся остатки отводного канала, наружные борта которого укреплены на отдельных

участках каменными выкладками. Для поворота отводного канала в сторону мельницы здесь под прямым углом к карнизу была возведена специальная подпорная стена протяженностью около 5 м при ширине 2 м и сохранившаяся на высоту до 4 м. От ее вершины вода из отводного канала падала к лопастям оси мельничных жерновов по почти вертикально установленной деревянной трубе. Под каменными развалами самой мельницы сохранились незначительные остатки основания двух боковых стен. Судя по этим фрагментам, внутренняя площадь мельницы составляла примерно 4х4 м.

И, наконец, в 10 м перед развалами мельницы у основания противоположного скального навеса сохранился еще один родник. Вода здесь вытекает из трещины основания скального массива и далее по специально установленному желобку стекает в небольшую запруду. Родник примечателен тем, что по сравнению со всеми остальными здесь течет самая холодная вода ("любимый родник уцмия").

По сообщению местных старожил, родников с подобной низкой температурой воды нет, якобы, во всей округе.

Одно из сооружений хозяйственного назначения находится и в самой крепости.

На восточной окраине Калакорейша рядом с камнерезными мастерскими сохранилась свободная от застройки небольшая ровная поляна округлых очертаний диаметром около 15 м. По своей конфигурации она напоминает обычный для дагестанских селений ток для обмолота зерна (рис. 22). О подобном хозяйственном его назначении могут свидетельствовать и остатки входного отверстия в зернохранилище, сооруженного в его центральной части. Отверстие выдолблено в толще скальных обнажений на уровне дневной

поверхности, имеет четырехугольную форму размерами 0,6 x 0,5 м. По рассказам местных старожилов, зернохранилище имеет, якобы, внушительные размеры. К настоящему времени оно завалено камнями и тем не менее до сих пор в сохранившейся щели просматривается значительная его глубина. Расчистка его входного отверстия показала, что само зернохранилище выдолблено в толще скального массива.

Одна из дорог, как уже отмечалось, тянется от крепости в восточном направлении в сторону сел. Маджалис. У основания крепости рядом с "арабским" могильником, она круто спускается вниз и тянется, петляя, между крутыми ярусами скальных обнажений, образующих крутые восточные склоны горы. У ее основания на расстоянии около 3 км от крепости дорога выходит к реке Буган (рис. 23), где на небольшой поляне, протянувшейся по правому берегу реки, сохранились каменные развалы изолированно расположенного сооружения. Среди развалов здесь четко прослеживаются остатки относительно хорошо сохранившихся стен, воссоздающих общую прямоугольную планировку сооружения, вытянутого с юга на север на 23 м и шириной около 13 м. Вдоль южного направления здесь сохранились остатки трех жилых камер размерами 4 x 3, перед которыми расположен огражденный каменным забором двор площадью 19x13 м. Въезд во двор шириной около 3 м был сооружен в северной стене ограды, где вдоль реки к нему тянется колея древней дороги.

Представители старшего поколения дибгаликцев называют это сооружение караван-сараям (рис. 13, 56) и рассказывают, что он функционировал еще в начале XX в. Судя по месту его расположения и планировке жилых сооружений с дверными проемами в сторону огражденного двора, он действительно выступает вре-

менным пристанищем путников. Об этом говорит и то, что к месту расположения караван-сарая спускается специально пробитая по крутому склону дорога для колесного транспорта (арб) не только со стороны Калакорейша. К нему ведут также дороги со стороны селений Кубачи и Дибгалика. У этого узлового пункта все они сливаются с главной дорогой калакорейшских уцмиев, которая далее тянется вдоль реки в сторону сел. Маджалис, а оттуда в Приморский Дагестан и в Дербент, в частности. В этой связи следует также отметить, что колесный транспорт, направляющийся из Маджалиса в сторону Калакорейша, за световой день мог добраться лишь до места расположения караван-сарая. А тяжелый подъем по извилистой дороге вверх на крепость в ночное время было, очевидно, небезопасно. Крутые подъемы и сужающаяся, особенно на поворотах, дорога, где они нередко укреплены 5-6-м высоты подпорными стенами, исключала подобную возможность. Все эти обстоятельства и обусловили необходимость сооружения здесь специального караван-сарая.

В этой связи следует отметить, что исторически сложившийся в Дагестане институт куначества не способствовал широкому распространению в стране специальных караван-сараев, как это имеет место в Закавказье, Передней и Средней Азии. Поэтому возникновение подобного пункта на подступах к Калакорейшу обусловлено отсутствием здесь населенного пункта для ночлегов. Формирование караван-сарая на подступах Калакорейша связано таким образом не только условиями местного рельефа, но и является свидетельством оживленных связей политического и культурного центра кайтагских уцмиев с подвластными им территориями в Прикаспии. А в период своего могущества в его состав входили, как уже указыва-

лось, не только земли собственно Кайтага, но и обширные территории современных Каякентского, Сергокалинского и Дахадаевского районов Республики Дагестан.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. Маммаев. К вопросу о происхождении названия "Кубачи" и этимологии самоназвания кубачинцев "угьбуг" (гугьвуг)//Дагестан в эпоху великого переселения народов. Махачкала, 1998, с. 58-59. Здесь же - библиография.

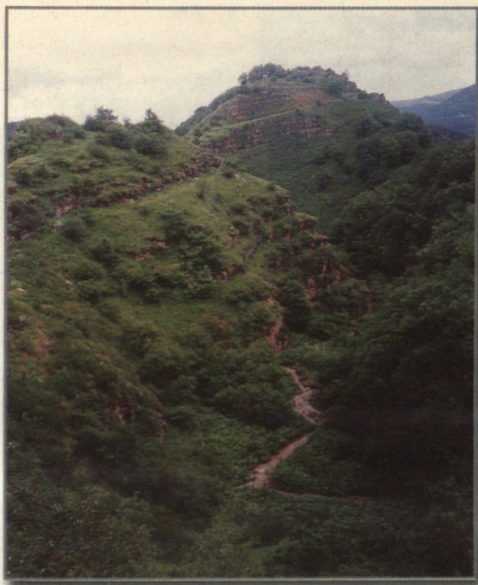

Рис. 1. Калакорейш.
Общий вид на
крепость.

Рис. 2. Остатки
жилищно-бытовых
сооружений
крепости.

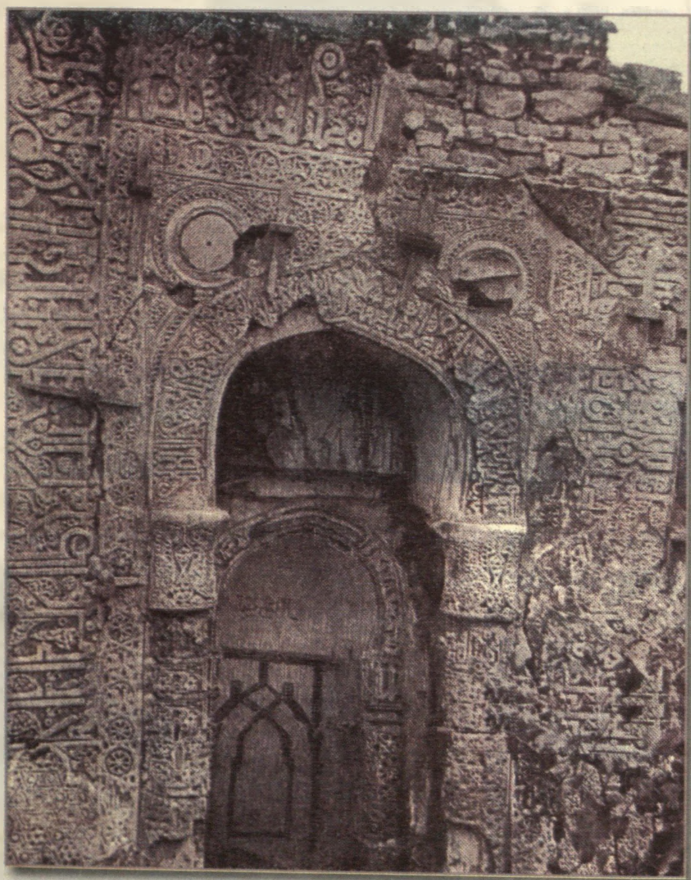

Рис. 3. Калакорейш. Штуковый михраб (XII-XIII вв.)
джума-мечети.

Рис. 4.
Полуцилиндрическое
надгробие
(XIII-XIV вв.).

Рис. 5. Полуцилиндрическое надгробие (XIII-XIV вв.).
Восточная часть.

Рис. 6.
Полуцилиндрическое
надгробие.
Торцевая часть.

Рис. 7. Историко-археологическая экспедиция.
Работа на мусульманском кладбище.

Рис. 8. Дорога на крепость у перемычки.

Рис. 9. Мавзолей
кайтагских уцмиев.

Рис. 10. Общий вид крепости.
Остатки жилищно-бытовых сооружений.

Рис. 11. Остатки сигнальной башни.
Спуск к "уцмийскому" роднику.

Рис. 12. Вид на крепость с востока.

Рис. 13. Остатки караван-сарая.

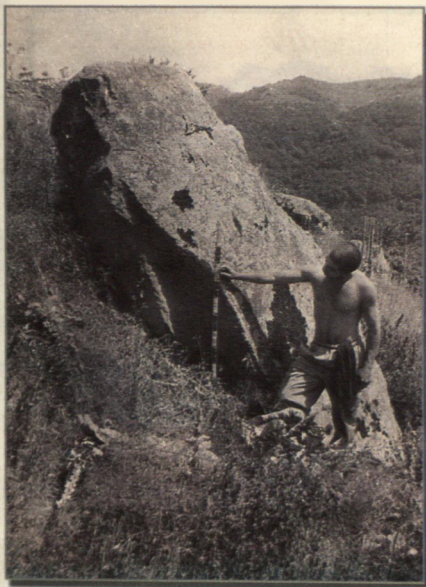

Рис. 14. Блок-заготовка саркофага.

Рис. 15. Остатки сторожевой башни.

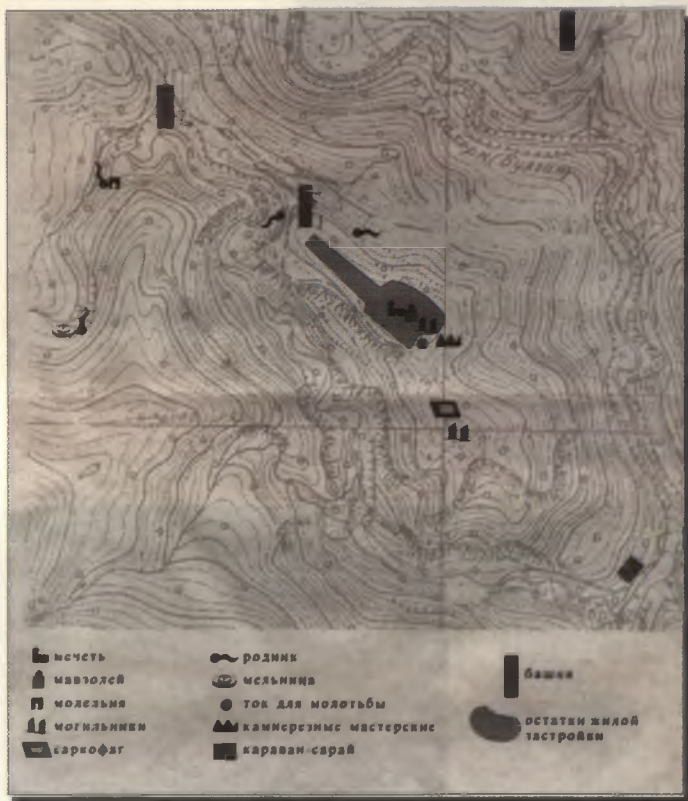

Рис. 16. План Калакорейша.

Рис. 17. Священное
дерево ("пир")
у въезда в крепость.

Рис. 18. Вымостка
полотна дороги.

Рис. 19. Парадная стена
дороги, ведущей к
караван-сараяю.

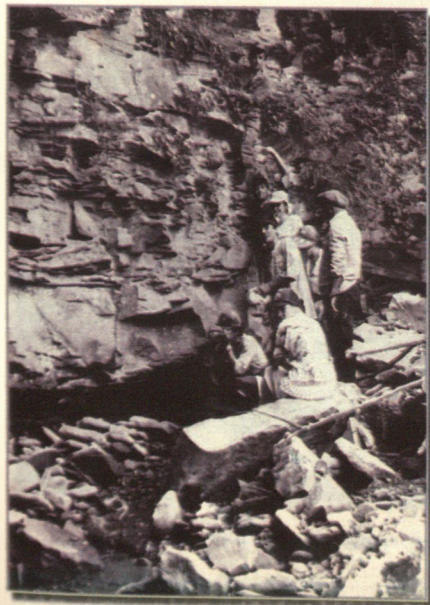

Рис. 20. “Уцмийский”
родник.

Рис. 21. Молитвенное здание (къулгӀа)
у "ущмийского" родника.

Рис. 22. Зернохранилище на току.

Рис. 23. Мост
через реку Буган.

Рис. 24. Джума-мечеть. Центральный фасад.

Рис. 25. Центральный вход джума-мечети.

Рис. 26.
Боковой вход
джума-мечети.

Рис. 27.
Джума-мечеть.
План и фасад.
(сост.
М.С. Гаджиев).

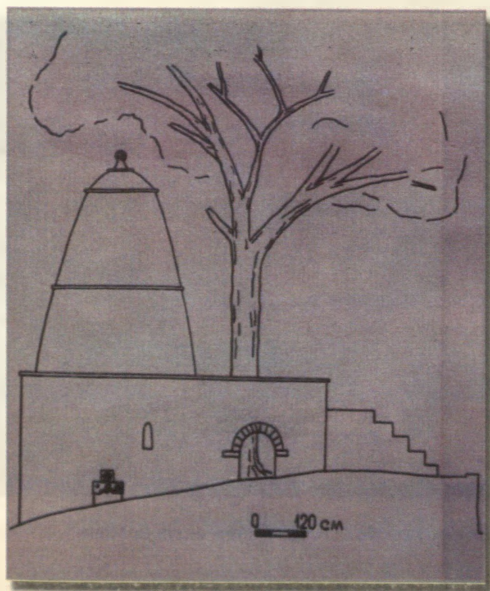
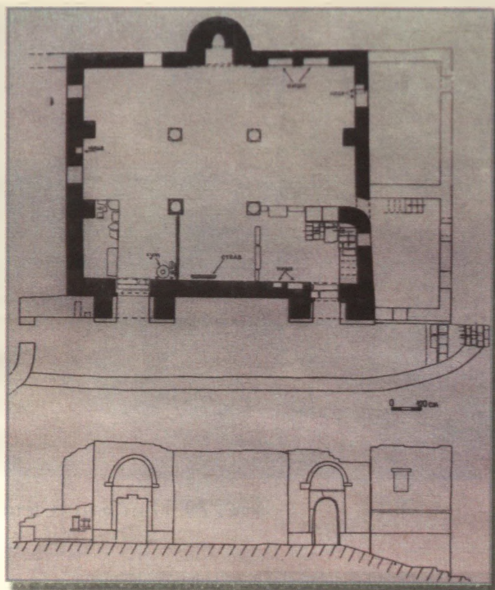

Рис. 28.
Центральный
фасад мавзолея.
(сост. М.С. Гаджиев).

Рис. 29. Интерьер мечети.

Рис. 30. Джума-мечеть. Остатки каменных колонн.

Рис. 31. Интерьер мечети.

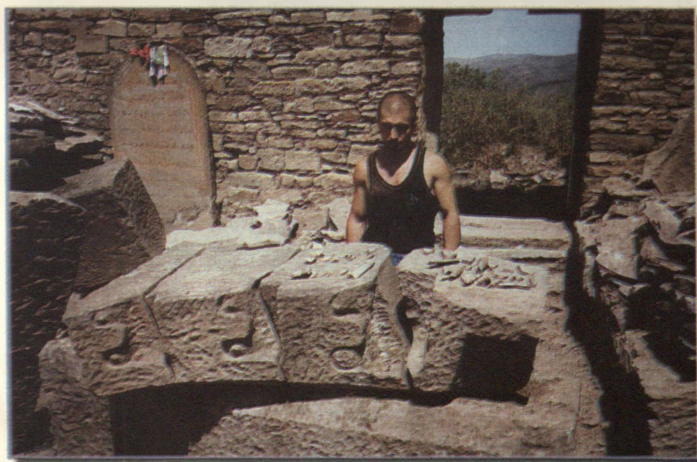

Рис. 32. Блоки каменной колонны.

Рис. 33. Здание медресе при мечети.

Рис. 34. Интерьер
джума-мечети.

Рис. 35. Каменный
столб опоры свода.
Фото Н. Кожевникова.

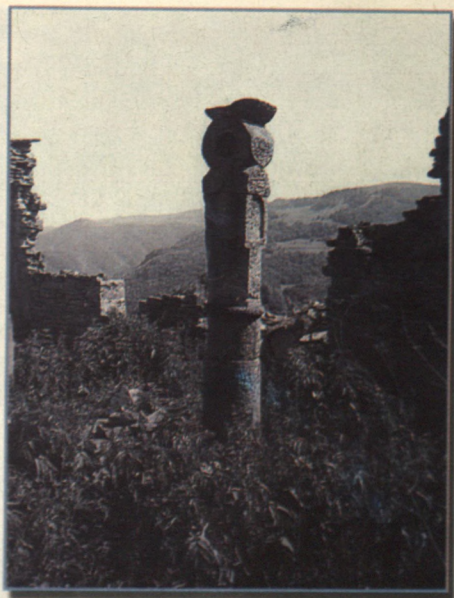

Рис. 36. Штукатурный
михраб XI-XII вв.
джума-мечети
Калакорейша.

Рис. 37. Фрагмент
штукатурного михраба.

Рис. 38. Резные камни центрального фасада Джума-мечети.

Рис. 39. У могилы
“владельца Калакорейша”
Ахсибара сына Хиздана
XIII-XIV вв.

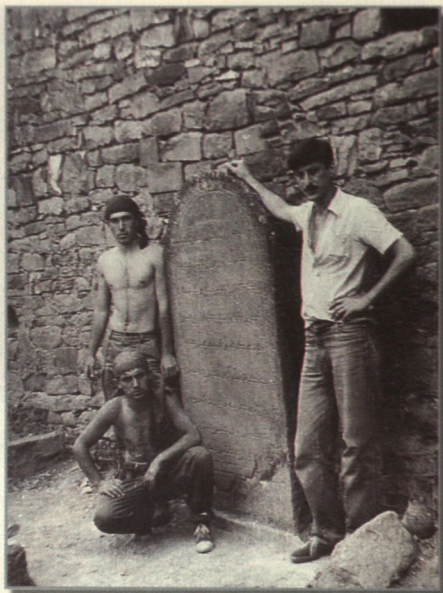

Рис. 40.
Каменная стела на
могиле “владельца
Калакорейша” Ахсибара
сына Хиздана
XIII-XIV вв.

Рис. 41. Орнаментированное полуцилиндрическое надгробие
XIII-XIV вв. на западной окраине Калакорейша.

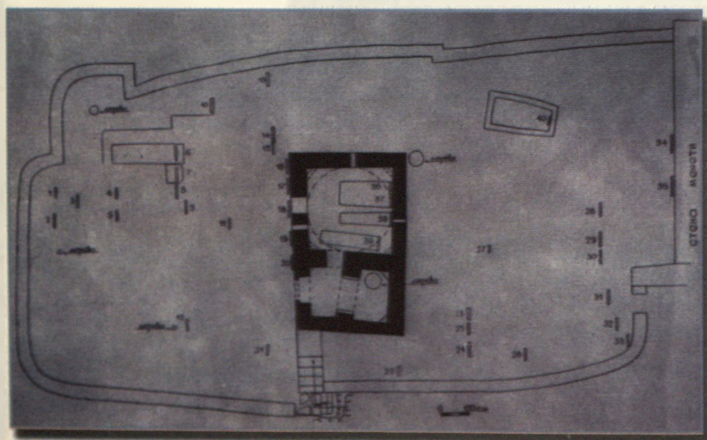

Рис. 42. Планы кладбища и мавзолея кайтагских уцмиев
XIV-XIX вв. (сост. М.С. Гаджиев)

Рис. 43. Мавзолей
кайтагских уцмиев.

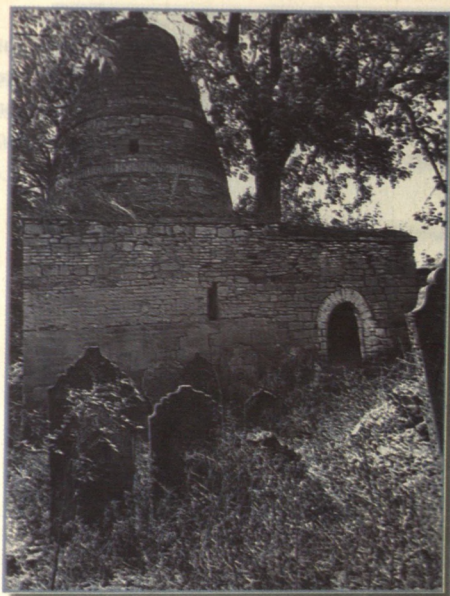

Рис. 44. Интерьер
мавзолея уцмиев.

Рис. 45. Надмогильная
стела Мухаммед-хана
сына Султан-Ахмада.
Конец XVI в.

Рис. 46.
Надмогильная стела
уцмия Ахмад-хана
(ум. 1749 г.).

Рис. 47.
Надмогильная стела
имаму Али
сына Султан-Ахмада.
XVIII в.

Рис. 48. Древнейшая
надмогильная стела
уцмийского кладбища
(стела № 34)
XIII-XIV вв.

Рис. 49. Древнейшая
надмогильная стела
уцмийского кладбища
(стела № 35)
XIII-XIV вв.

Рис. 50. Каменная
стела с эпитафией
на могиле
Амир-Хамза-уцмия
(ум. нач. XIX в.).

Рис. 51. У могилы
Амир-Хамза-удмия
(ум. в нач. XIX в.)

Рис. 52.
Стела на могиле Амир
хамза-удмия
(оборотная сторона).

Рис. 53. Стела на
уцмийском кладбище.
XVII-XVIII вв.

Рис. 54. "Арабское" кладбище на юго-восточной окраине
Каламкейша. X-XIII вв. Общий вид.

Рис. 55. "Арабское" кладбище на юго-восточной
окраине Калакорейша. X-XIII вв.

Рис. 56. Эпитафия XIV-XV вв.
на восточном кладбище Калакорейша.

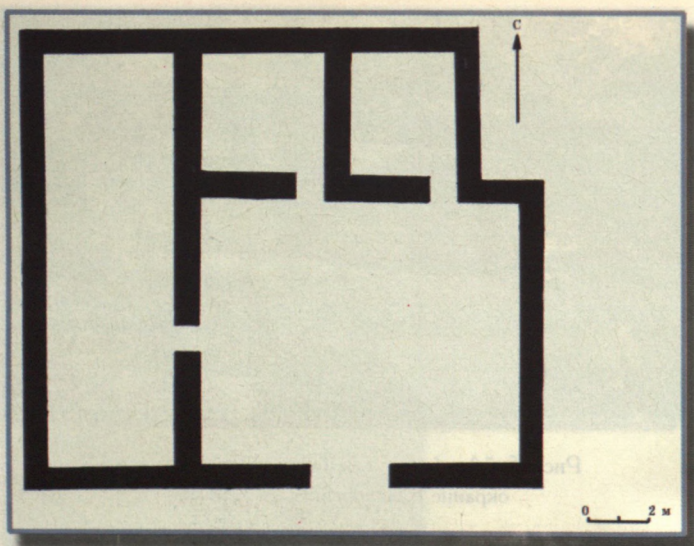

Рис. 57. План караван-сарая.

Рис. 58. Могила
Ахмад-хана-уцмия.

Рис. 59. Каменная
стела "удмийского"
стиля XVIII в.

Рис. 60. Дорога
Калакорейш-Дибгалик.

Рис. 61. На арабском кладбище.

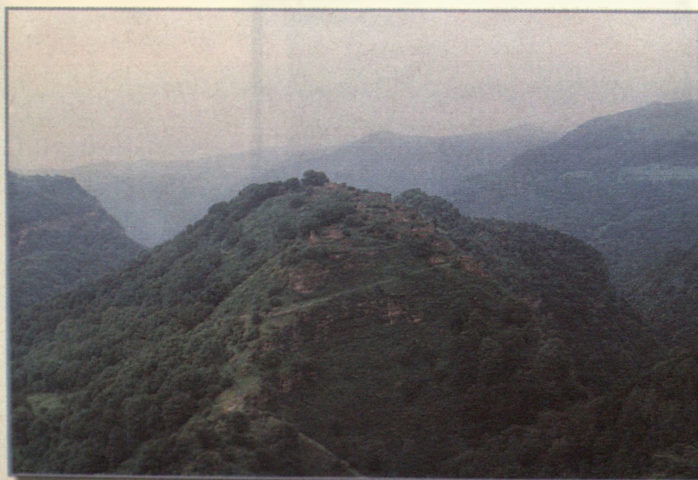

Рис. 62. Крепость Калакорейш (вид с западной стороны).

ДЖУМА-МЕЧЕТЬ

Мечеть - древнейшее мусульманское сооружение Дагестана. Расположена в центральной наиболее возвышенной части селения, представляет собой небольшое подпрямоугольное в плане здание, сложенное из местного рваного камня на глиняном растворе и ориентированное по оси - запад-восток (рис. 27). В южной стене был сооружен михраб, состоявший из двух ниш (большой и малой), встроенных одна в другую, с первоклассным штукатурным обрамлением (рис. 3, 36, 37). В настоящее время штукатурный михраб не сохранился, он был уничтожен лет 20 тому назад в итоге "подготовки" реставрационных работ. Сохранилась незначительная часть внутренней ниши. К фасаду мечети примыкает площадка длиной 12 м, на которую ведет невысокая каменная лестница. Северная стена имеет два сравнительно высоких портала. Помещение мечети - это неправильной формы прямоугольник, длина стен: южной - 12 м, северной - 12,2, восточной - 9,4, западной - 10,1 м (рис. 29, 31, 34).

Впервые подробное описание мечети дано П.М. Дебировым: (по его данным, внутренние размеры мечети: 11,5 x 9 м). Опорные столбы поставлены на невы-

сокую каменную площадку квадратной формы (50 x 50 см). Крыша и перекрытие мечети не сохранились, стены разрушены. Полностью сохранилась только северная стена (высота – 4,2 м). Перекрытие мечети опиралось на 4 каменных столба сложной конфигурации, каждый из которых имел высоту в 3,7 м. Каменные столбы – не цельные, а составные, сложены из четырех хорошо обработанных фигурных блоков. В нижней части столбы имеют квадратную форму, переходящую в цилиндр, завершающийся венчиком. Выше венчика – столб, имеющий в сечении восьмиугольник, на который посажена призма, завершающаяся конструкцией в форме “опрокинутого” цилиндра. П.М. Дебиров выделил также ряд черт, которые отличают эту мечеть от других подобных культовых сооружений в Дагестане: фасад мечети имеет два симметрично расположенных портала (рис. 24, 25, 26); входные дверные проемы находятся в северной стене; истинным украшением мечети были двери деревянные, двустворчатые (в настоящее время они находятся в Дагестанском Республиканском музее)¹. Деревянные двери, создание которых относится ко времени строительства мечети, покрыты богатым растительным орнаментом. Искусствовед А.С. Башкиров посвятил этим дверям специальную статью “Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш”². По преданию, эти двери раньше находились в домусульманском культовом здании в селении Кубачи, но после того, как кубачинцы приняли ислам, они были перенесены в Калакорейш. А.Ф. Гольдштейн полагает, что характер орнаментации калакорейшских дверей существенно отражает влияние ирано-сасанидского и средневекового грузинского искусства.

Перекрытие мечети поддерживалось четырьмя опорными каменными столбами, сложенными из не-

скольких хорошо обработанных каменных блоков (рис. 30, 32, 35). Высота столбов вместе с площадкой-основанием - около 4 м, но по своей форме ни один столб не повторяет другого. Этот своеобразный прием разнохарактерного оформления был характерен для многих первых культовых сооружений Дагестана. Так, например, в сел. Хив Хивского района сохранилось 17 каменных опорных баз столбов, и ни один столб не похож на другой по своей форме³. Точно так же сделаны опорные базы столбов в старейшей в Дагестане мечети селения Рича Агульского района.

После тщательной расчистки завала мечети экспедиция провела расчистку пола. Пол перекрыт тонкими каменными плитами. Слева от входа, к восточной стене пристроена невысокая, длиной в 1 м площадка - место для ритуального омовения. Справа от входа - ниже поверхности пола - врыт большой глиняный кувшин для хранения воды. При расчистке пола обнаружены фрагменты штукатурки михраба (рис. 3, 36, 37). Они извлечены и сложены в помещении мавзолея уцмиев для дальнейшего изучения.

В северной стене два каменных проема шириною в 1,75 и 120 см, имеющих разное завершение (аркообразное - у восточного, трапециевидное - у западного), старая кладка сохранилась только в южной стене (высота 7,20 м), остальные стены (восточная высота от 4,20 м до 7,20 м; западная от 4,20 до 5,70 м; северная - 4,20 м). Резкий перепад высот объясняется тем, что мечеть была построена на покатом склоне горы. В северной стене сохранились арабские надписи (нач. XIX в.), свидетельствующие о восстановлении стены в XIX в.

К зданию мечети примыкает двухкамерная пристройка (рис. 33), северная стена которой имеет длину 4,90 см, западная - 5,95 м. Судя по надписи в стене пристройки, то она имела назначение хужры (комна-

та; комната для учащихся медресе) и была построена в 1334/1916 г. "во время пребывания Мухаммеда... имамом для жителей этого селения".

Калакорейшская мечеть была сложена из местного строительного камня (гъургъа къаркъа), а в восточной и южной стенах дагестанский искусствовед П.М. Дебиров нашел остатки кирпичной кладки, причем кирпич имел не продолговатую, а квадратную форму (27х27 см). Истинным украшением мечети является штукатурный (смесь алебаstra с гипсом) михраб, подробно описанный П.М. Дебировым в книге "Архитектурная резьба Дагестана"⁴.

Как известно, резьба по штукатурке стала со временем одним из видов архитектурного декора в монументальном искусстве Ближнего Востока и Средней Азии. Декоративное использование алебаstra находило широкое применение на Ближнем и Среднем Востоке еще с древних времен. Еще в парфянскую эпоху в Ассуре пользовались штукатурной резьбой. В Северном Иране, близ Дамгана, в Ктезифоне (VI в.) резной штукатуркой украшали сасанидские постройки, а позднее в Самарканде (IX в.), временной столице арабских халифов, резьба по штукатурке была представлена совершенными образцами во дворце халифа, построенного в период кратковременного расцвета города в 836-883 гг.

В Средней Азии прекрасные образцы резьбы по штукатурке (ганчу) обнаружены на территории древнего города Варахша (близ Бухары, III-VIII вв.), на стенах мавзолея Хакима ат-Термези в древнем Термезе (IX в.), дворца термезских правителей (XI-XII вв.), в Рабат-и Малик (XII в.), мечети Шир-Кабир близ развалин Мешед-и Мисриана, мавзолея Араб-Ата в селении Там близ Самарканда, мечети Магоки-Аттари в Бухаре (XII в.), мавзолея Султана Санджара в Мерве (XIII в.) и т.д.⁵

Эти примеры говорят о том, что резьба по штукатурке была заметно распространена в Средней Азии и Иране в предмонгольское время. Строительство штукатурного михраба в Дагестане, в частности в селении Калакорейш, как и в селении Каракюре Ахтынского района⁶, свидетельствует о значительных творческих контактах мастеров Средней Азии и Ирана – с одной стороны, и дагестанских – с другой.

Калакорейшский михраб расположен в южной стене мечети и состоит из двух ниш, по верхней части которых нанесены куфические надписи, и из колонн, которые также имеют надписи, причем весь михраб (его высота - 3,2 м) напоминает портал мечети. По контуру михраба идет П-образная рама, причем обрамление вокруг главной ниши образовано арабской надписью почерком куфи. Буквы нанесены рельефом, их высота - от 36 до 41 см. Ширина поля с надписью - 43 см. Колонны внутренних стрельчатых арок также несут круговую запись.

Даты строительства михраба нет, но основным датирующим материалом служат надписи, выполненные в стиле “цветущего куфи”, декоративные возможности которого мастера использовали в полной мере. П-образная эпиграфическая лента, а также куфическая надпись малой ниши состоит из нескольких коранических формул, а может быть, и из имени мастера, которое трудно прочесть из-за повреждения верхней полосы главного обрамления.

Изучение калакорейшского михраба (П.М.Дебиров) показало, что он во многих своих формах родственен средневековым штукатурным михрабам Ирана и Средней Азии, особенно последней области: это П-образное обрамление, образованное эпиграфической полосой, ниши как бы вставленные одна в другую, орнаментальные фигуры каплеобразной формы, надпи-

си в стиле “цветущего куфи”. Основным датирующим материалом стали надписи, их стиль, начертание отдельных букв, вычурный стиль куфи, так часто встречающийся в среднеазиатских надписях. Все это вместе взятое позволило П.М. Дебирову датировать михраб в Калакорейше XII-XIII вв. Эта датировка кажется нам наиболее убедительной⁷.

На дагестанской почве орнаментальные и эпиграфические мотивы резьбы по штуку Ирана и Средней Азии нашли своеобразное преломление, и калакорейский михраб нельзя считать простой копией среднеазиатских образцов. Многие элементы (украшения) декора (свастикообразные фигуры, узор из соединения одинаковых фигур, написание букв) имеют местное происхождение и связаны с местными традициями резьбы по камню. Орнамент калакорейского михраба повторил многие черты архаического слоя местного орнаментального искусства, как бы обогащая среднеазиатский и ближневосточный материал местными мотивами, утверждая тем самым оригинальность и своеобразие михраба. Весь внешний облик калакорейского михраба, не прямоугольного, как в Иране и Средней Азии, а трапециевидной формы — подчеркивает это своеобразие.

Михраб из Калакорейша впитал в себе элементы местной культуры и, в свою очередь, наложил отпечаток на камнерезное искусство, прежде всего на форму надмогильных плит, особенно в тех селениях, которые расположены близ Калакорейша. В самом Калакорейше, Варсите, Калкни и др. населенных пунктах в этом можно убедиться и теперь. Близ селения Калкни, в местечке Цурцли сохранились поселение и старый могильник, которые, судя по сохранившимся надписям, можно отнести к XV-XVI вв. В данном случае важны не надписи, а форма надмогильных плит, на-

поминающие трапециевидную форму калакорейшского михраба. В случаях, если сама плита не имеет трапециевидную форму, т.е. если она прямоугольна, то в виде трапеции оформлено поле лицевой стороны, на которое нанесена надпись.

Внутри мечети и в ее стенах сохранилось несколько арабских надписей. Наиболее старая из них - эта надпись на могиле одного из правителей Калакорейша (рис. 39). Надмогильная плита (180 x 94 x 8) расположена внутри мечети, у северной стены.

Врезной арабский текст - полукуфи гласит: "Царство принадлежит Аллаху, единому, всепобеждающему. Хозяин (сахиб) этой могилы - в знаниях он напоминает деяния пророков, благочестие его подобно благочестию Абу Бакра, доблесть его подобна доблести Али, справедливость его подобна справедливости праведных халифов, а он владелец (сахиб) Калакорейша Ах.с.б.р сын Хиздана, - да осветит Аллах его могилу, да простит Аллах его грехи"⁸.

Текст в рамке, по периметру: "Все сущее тленно, кроме лика его. За ним решение, и к нему вы будете возвращены. О боже! Прости его, смилуйся над ним, помилуй его" (рис. 40).

Эта надпись не имеет даты, но по почерку ее можно отнести к XIII или XIV вв. Характерно, что "сахиб Калакорейша" носит немусульманское имя, хотя сам и был мусульманином. Имя его отца также немусульманское. Это чрезвычайно интересная деталь - владелец Калакорейша в XIII-XIV вв. не связан по своему происхождению с арабами из племени Корейш, которым предание приписывает установление своей власти в Кайтаке. Это было отражением закономерного процесса выделения местных феодализирующихся слоев общества.

Несколько надписей и рисунков вмонтировано в стену мечети (рис. 38). Одна из них рассказывает о чуме, охватившей почти все селение: "Умерло от чумы (много) жителей Калакорейша, так что осталось 40 домов из 150 домов. После этого (события) и была построена эта стена...". Дата этого события не указана, но она устанавливается по надписи на другом камне, в той же северной стене: "Разразилась чума в это время. Владелец этой стены Бахмуд сын Хасана. 1235 год". 1235 год хиджры соответствует 1819 или 1820 году.

Таким образом, приведенная выше надпись сообщает о двух обстоятельствах: о чуме, унесшей 110 семейств (примерно 500 человек), и о том, что в начале XIX в. Калакорейш был уже средним по величине селением, имевшим 150 хозяйств. После чумы селение стало значительно меньше - там осталось только 40 домов.

Известный искусствовед Н.Б. Бакланов обратил внимание на местную практику при строительстве мусульманских культовых сооружений:

"Мечеть отличается от жилого дома только величиной своего основного и единственного зала и, в зависимости от величины, некоторыми деталями конструкции... Даже минарет... здесь часто заменяется примечетской вышкой на плоской крыше здания, а иногда и этого не имеется".

Как писал А.Ф. Гольдштейн, простейшая мечеть Дагестана в объемно-планировочном и конструктивном решениях, а также в деталях повторяет однокамерный жилой дом. Это обычная планировочная ячейка со срединным столбом, продольным прогоном, галереей у продольной стены, дверью и окнами, выходящими на галерею. Зачастую выступает единственное отличие: в том месте, где в жилом доме имеет-

ся ниша камина, в мечети находится молитвенная ниша-михраб.

Дагестанские мечети, продолжает автор, имеют построение и облик, характерный для традиционного местного народного зодчества. Минареты при них "имели типично азиатский характер и в облике и в строении". Это круглые башни высотой 12-18 м, сужающиеся кверху с винтовой лестницей внутри с ходом против часовой стрелки. Обычно минарет пристроен к зданию мечети, но нередко - размещается отдельно от здания мечети, рядом с ним.

Древние мечети Дагестана (Дербент, Каракюре, Калакорейш, Кубачи, Тама, Фите, Кумух, Зиль, Хури, Джибахни и др.) действительно не имели минаретов. В ряде случаев минареты появлялись потом, пристраивались, обычно, к северо-западному углу (Рича, Хив, Тпиг и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дебиров П.М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.
2. Башкиров А.С. Деревянные двери дагестанского аула Калакорейш. // Труды ОАИАИ РАНИОН. 1926, т. I.
3. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. X-XVII. М., 1984, с. 187-188.
4. Дебиров П.М. Указ.соч., с. 14-17.
5. Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М. - Л., 1939; Шишкин В.А. Варахша. М., 1963; Ахбаров И., Ремпель Х. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971; Пугаченкова Г.А. Ну-Гумбед // Советская археология. М., № 3; Котов Г.И. Михраб Мешед-и Мисриан. - III Между-

народный конгресс по иранскому искусству и археологии.
Л., 1939.

6. Дебиров П.М. Указ. соч., с.26: Шихсаидов А.Р.
Указ.соч., с. 137-138.

7. Дебиров П.М. Указ. соч., с. 27, Шихсаидов А.Р.
Указ.соч., с. 137-146.

8. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на
арабском, персидском и турецком языках, ч. I. Надписи X-
XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и при-
ложения Л.И. Лаврова. М., 1966, с. 111.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

МОГИЛЬНИКИ КАЛАКОРЕЙША

За время почти тысячелетнего существования крепости Калакорейш вокруг нее соответственно складывались и могильники разных времен. В настоящее время на территории самой крепости и особенно за ее пределами сохранилось несколько небольших по размерам могильников, которые занимают, естественно, ограниченные площади вершин хребтов и их склонов. В большинстве своем они расположены к западу от крепости и примечательны разнообразием форм надмогильных памятников, покрытых различными резными орнаментальными композициями и нередко арабскими надписями.

Отсутствие площадей, пригодных для расширения подобных могильников в самой крепости, и явилось причиной поочередного их возникновения за ее пределами, главным образом вдоль дороги, ведущей в сторону сел. Кубачи. Пересеченный рельеф и ограниченность территории для их разрастания являются соответственно и причиной хронологических различий между последовательно возникавшими здесь могильниками. Наиболее ранние и особенно погребения

знати сооружались непосредственно на территории самой крепости, а могильники рядовых жителей поочередно отдалялись от него в западном направлении.

Экспедиция обследовала несколько мемориальных объектов (кладбищ), расположенных на западной и юго-восточной окраинах селения. К западу от селения, на невысокой горке, расположенной слева от ущийской дороги в сторону Кубачи сохранилось четыре “сундукообразных” надгробия, которые являются наиболее выразительными среди подобного рода надмогильных сооружений Калакорейша, привлечших наибольшее внимание исследователей.

Одно из этих надгробий (№1) привлекли внимание историков и искусствоведов (А.С. Бацкиров, Л.И. Лавров, П.М. Дебилов, М.М. Маммаев)¹.

Оно датируется XIII-XIV вв. (другие датировки VII, VIII, IX вв.). Экспедиция собрала дополнительные данные о группе “сундукообразных” (“полуцилиндрических”) надгробий. Аналогичный тип надмогильного памятника обнаружен исследователями в Дербенте (“Кырхляр”) и в ряде населенных пунктов Дербентского, Табасаранского, Дахадаевского районов Дагестана, а также на территории Ширвана². Генезис типа надгробий не был еще предметом специального исследования. Экспедиция собрала дополнительные данные о группе “сундукообразных” надгробий.

Надгробие № 1. Горизонтальная поверхность “сундукообразного” надгробия имеет длину 2,10 м в верхней части и 1,97 в нижней. Торцевая часть имеет рисунок полуциркульной арки, скошена во внутрь, высота ее 0,57 м. Каменное двухступенчатое основание (“цоколь”) – платформа надгробия имеет длину 2,28 м, ширину – 0,73 м (рис. 4, 5, 6, 41).

Надгробие № 2. Длина – 2,10 м, ширина – 0,37 м. Высота памятника вместе с двухступенчатым основанием – 0,58 м, ширина основания – 0,66 м.

Надгробие № 3. Частично завалено слоем земли. Данные наземной части: длина – 1,20 м, ширина – 0,28 м, высота – 0,50 м. Погребальное сооружение разрушено (смещение почвы), что дает возможность изучить подземную часть сооружения. Погребение представляет собой каменный ящик – две цельные продольные плиты на скальном выходе, перекрытые также цельной плитой. Наземная часть сооружения (“саркофаг”) водружался на этот каменный ящик.

Надгробие № 4. Длина не фиксирована, высота торцевой части 0,34 м, ширина – 0,42 м, основание плиты – 0,74 м.

Непосредственно к восточной стене джума-мечети Калакорейша примыкает фамильное кладбище уцмиев – феодальных правителей Кайтага (рис. 42). Родовое уцмийское кладбище занимает площадь, вытянутую по линии запад-восток (27,20 x 14 м), замкнутую невысокой стеной (высотой от 1 м до 2 м при ширине 30-40 см) из рваного камня, на глиняном растворе. На территорию мемориального комплекса ведут два нешироких входа к северной стене. К северной стене примыкает здание мавзолея уцмиев. Он представляет собой возведенное в начале XX в. купольное сооружение (высота 5,37 м), “встроенное” в прямоугольник неправильной формы (высота – 3,63 м). Обстоятельному изучению здание не подвергалось.

Это мавзолей кайтагских правителей (рис. 9, 43). Он построен из местного строительного камня (песчаник), уложенного горизонтально, на глиняном растворе. Иногда кладка сложена из красного обожженного кирпича квадратной формы (20 x 20 x 5 см). Основание мавзолея вытянулось в длину с севера на юг

на 7,3 м, при ширине около 5 м. В мавзолей ведет невысокий арочный вход в восточной стене. Внутренняя почти квадратная камера (3,5 x 3,7 x 3,3 x 3,3 м) переходит на высоте 1,7 м в круглое основание купола мавзолея.

В стену купола мавзолея вмонтирована небольшого формата каменная плита (23 x 23 м) с врезной арабской надписью, свидетельствующей о сооружении мавзолея: “Построил этот дом Иса, сын Хасана ал-Куриги, ради рая”.

В помещении мавзолея имеется четыре богато орнаментированных надгробных плиты XVI-XVIII вв. (рис. 44), с нанесенными на них именами кайтагских ушмиев или представителей ушмийского дома. Три надгробия сохранили арабский текст эпитафий:

Надпись № 1 (рис. 45):

“Это могила счастливого мученика, нуждающегося в милости владыки Всемилоственного Мухаммад-хана сына Султан Ахмада. В тысяча пятом году”. 1005 г. хиджры соответствует 1596-97 г. Размер плиты: 156 x 43 x 9 см. Подробно см. ниже: “Материалы по хронологии кайтагских ушмиев”. Памятник вставлен в каменную “обойму” высотой в 15 см. Боковые плоскости покрыты растительным орнаментом.

Надпись № 2 (рис. 46):

“Хозяин этой могилы Ахмад-хан, который оставался во власти (фимулк) пятьдесят лет и умер в мухарраме 1163 года”. Мухаррам 1163 г. хиджры падает на время от 11 декабря 1749 до 9 января 1750 г.” Размеры плиты: 193 x 73 – 60 x 9 см.

Обе могилы ориентированы с востока на запад, имеют одно невысокое плоское глиняное надмогильное сооружение (215 x 98 x 16), покрытое, как и плита, кусками материи.

Надпись № 3 (рис. 47):

“Хозяин этой могилы имам Али сын Султана Ахмада”. XVIII в. Размеры стелы: 113 x 68 – 64 x 9 см. Горизонтальное невысокое глиняное сооружение (206 x 50 x 13).

Надпись № 4:

(85 x 72 – 68 x 12) – надпись не читается. Глиняная надгробная площадка:

240 x 47 – 58 x 10 – 14).

На территории уцмийского кладбища с двух сторон мавзолея сохранилось 39 погребений с надгробными стелами, датируемыми в пределах XIV-XVIII вв. (рис. 48, 49, 50, 51, 52, 53, 59). Они составляют в целом памятники “уцмийского стиля”, которые могут быть подразделены на несколько подтипов. Экспедиция произвела предварительное обследование только наземной части сооружений, а именно, надгробные плиты (нумерация проведена условно, с востока на запад, без учета хронологической последовательности). Все плиты выполнены из местного камня скальной породы, имели, как правило, гладко обработанную поверхность с рельефными (в преобладающем большинстве) арабскими надписями на “лицевой” стороне (а иногда по боковым поверхностям) и крупными, на всю заднюю сторону плиты геометрическими и растительными мотивами в низком рельефе. В XVII-XVIII вв. выработался определенный тип памятников уцмийского стиля – высокая, подтрапециевидная каменная плита, обращенная узким основанием книзу с верхним краем сложной конфигурации или тимпанообразным завершением. Лицевая (восточная сторона) имеет, как правило, широкую эпиграфическую ленту по всему периметру, содержащую коранические тексты. Центральное поле полностью занято композицией – переплетение двух видов резьбы по камню – геометрического и растительного орнамента, воспроизво-

дящего нередко "генеалогическое древо". "Тыльная" сторона памятника – обычно не имеет рисунка, но иногда снабжена крупными растительными деталями в плоском и низком рельефе, окружающими внушительных размеров диск, заполненный арабской эпиграфической вязью.

Среди представленных здесь могильников особо выделяется своими размерами и спецификой погребальных сооружений ("Бухъина цилда" – "длинные надгробия") – могильник, расположенный непосредственно у крепости, с юго-восточной его стороны. В отличие от остальных могильник здесь не только был защищен самой природой, но и выделяется среди других более крупными размерами. Могильник (рис. 7, 53, 54, 55) занимает территорию небольшой покрытой лесом и кустарником горки, вытянутой с запада на восток на 300 м и шириной около 200 м. На отдельных участках вершины горки и особенно по боковым ее склонам, здесь наблюдается концентрация надмогильных сооружений двух типов.

Наиболее примечательными и многочисленными из них являются надмогильные каменные саркофаги, которые в большинстве своем сосредоточены на западной стороне возвышенности, хорошо просматриваемой со стороны крепости. Вторую группу составляют погребения с характерными мусульманскими вертикальными надмогильными стелами. Как и саркофаги, они в большинстве своем лишь частично выступают над поверхностью (рис. 55).

Следует отметить, что основная масса могил со стелами сосредоточена на удаленной от крепости восточной стороне горки. Однако провести четкую границу между двумя представленными здесь типами погребальных сооружений затруднено, поскольку они в большинстве своем углубились в грунт и на поверхно-

сти просматриваются лишь частично. Более того, отдельные надмогильные стелы встречаются и на месте сосредоточения саркофагов. И тем не менее заметная концентрация обоих типов погребальных сооружений на противоположных сторонах могильника очевидна.

Судя по характеру расположения могильника в пределах самой крепости, а также своеобразию представленных на нем саркофагообразных надгробий не исключалась возможность, что здесь производились самые ранние захоронения, связанные с первыми обитателями Калакорейша. На это указывали и значительные по сравнению с остальными размеры могильника, а также концентрация здесь наибольшего количества саркофагов, являющихся, как уже указывалось, нехарактерными для местных традиций типом надмогильных сооружений.

Поэтому предполагалось, что исследования этого могильника могли дать ответы на вопросы о месте зарождения ритуала погребений под саркофагами и соответственно о происхождении данного типа погребальных традиций. Для решения этих сложных вопросов и были предприняты исследования представленных здесь саркофагов. Предполагалось, что вблизи от крепости на относительно ровной и удобной для сооружения могил поляне должны быть представлены, соответственно, и наиболее ранние захоронения обитателей крепости. О концентрации здесь подобных захоронений свидетельствовали и частично выступавшие на поверхности отдельные фрагменты саркофагов. Для их исследования здесь была произведена тщательная расчистка площади размерами 10 x 10 м, позволившая выявить густое их расположение под толщей смытых с боковых склонов горки наносов (рис. 53, 54,). Всего на этой ограниченной площади оказались погребенными до 13 саркофагов и стел

(всего обнаружено 18 памятников). Саркофаги были строго ориентированы по длине с запада на восток и тянулись тремя относительно параллельными рядами. Некоторые из них вплотную примыкали друг к другу и различались между собой лишь размерами и отдельными элементами конструкций самих саркофагов.

Все исследованные здесь надгробия представляют собой монолитные каменные конструкции, состоящие из вытянуто-четырёхугольных горизонтальных оснований, над которыми на специальном ступенчатом выступе возвышаются саркофаги. Некоторые исследователи подобные надгробия называют сундукообразными или полуцилиндрическими. Вдоль западной границы расчищенного участка сохранились четыре саркофага одинаковой формы, основания которых составляют в среднем около 3 x 1,2 м размерами. Под основанием саркофагов сохранились ступенчатые выступы в среднем около 10 см высотой и шириной. Возвышающиеся над ними полуцилиндрические надгробия размерами 1,9 x 0,65 м по бокам были слегка скошены вниз.

Второй ряд надгробий, расположенных с восточной стороны, примечательны различными размерами самих саркофагов, свидетельствующих о возрастных различиях погребённых. Крайний из них, с северной стороны при полном своем сходстве с предыдущими имеет меньшие размеры. Основание его составляет 1,5 x 1,0 м. Соответственно и полуцилиндрический саркофаг, возвышающийся над выступом, достигал 1,2 м длины при высоте 0,6 м. Следующий с южной стороны саркофаг, наоборот, выделялся среди остальных более крупными размерами, достигавшими до 2,2 м длины при высоте 0,7 м. Соответственно и основание его имеет более крупные размеры, составляющие 3,5 x 1,6 м.

Представляют интерес два детских саркофага, расчищенные с южной стороны. Они отличаются от остальных не только более мелкими размерами, но и несколько иной конструкцией. Основание их составляют 1,0 - 0,8 м длины при ширине 0,6 - 0,5 м. Сами надгробия размерами 0,7 - 0,6 м длины и 0,4 м высоты не имеют под основанием характерные ступенчатые выступы и бока их не скошены к основанию подобно остальным. Примечательны саркофаги и тем, что по их верху сохранились остатки врезных арабских надписей, очень невыразительной сохранности. Текст куфической надписи на первом саркофаге (одна строка) читается лишь частично:

“Это могила ... к, сына Ибрахима”.

Текст надписи на втором саркофаге (одна строка, куфи) “... сын”.

Оба текста палеографически можно датировать в пределах XI-XII вв.

Следует также отметить, что в 0,5 м с восточной стороны от крайнего детского саркофага сохранилась надмогильная стела высотой 0,6 м. Судя по размеру, стела относится к детскому погребению, возможно, и само захоронение относится к более позднему времени. Крайний восточный ряд сохранившихся здесь 4 саркофагов выделяется на фоне остальных отсутствием определенного порядка в их расположении. Крайние из них сохранили свое первоначальное горизонтальное положение, а две средние были сдвинуты к востоку почти на 1 м от своих первоначальных положений и соответственно несколько наклонены вниз. Нарушение первоначального порядка их расположения связано с наличием перед ними крутого склона, обусловившим сползание не только грунта, но и самих саркофагов.

Все сохранившиеся саркофаги на этом участке по своим конструкциям и размерам полностью повторяют формы надгробий северо-западного ряда. Исключение составляет второй саркофаг, который, в отличие от остальных, имеет не полусферическую, а горизонтальную поверхность. "Сундук" (194 x 40 x 29) и двухступенчатая платформа (118 x 22) высечены из цельного блока-заготовки.

В целом все исследованные саркофаги на этом участке могильника имеют общие стандартные формы, различаясь между собой лишь незначительными конструктивными деталями. Среди этих деталей следует отметить и небольшие четырехугольные углубления, сохранившиеся в одном из углов основания саркофагов. Подобные углубления имеют лишь отдельные саркофаги, и они по своим формам напоминают чашечки для воды.

Примечательно также и густое расположение самих саркофагов. Подобная их концентрация на исследованном участке с учетом отдельных саркофагов, расположенных на вершине и на противоположных склонах горки, свидетельствуют не только о значительных размерах могильника, но и длительном времени его функционирования (вся площадь могильника от основания горы до ее вершины занимает примерно 10 га). Для решения проблемы о происхождении представленного здесь обряда погребения под саркофагами важное значение имеет и уточнение вопроса о времени и территории их распространения в Дагестане.

Описанные выше надгробия расположены у подножия горы. В 70 м к юго-востоку от комплекса саркофагов расположена надгробная плита особой формы, не типичной для Калакорейша. Плита имеет подтрапцевидную форму. По периметру стелы идет широкая П-образная эпиграфическая полоса - изящное

цветущее куфи в низком рельефе, текст не читается. В центральном же поле – врезная надпись почерком полукуфи (рис. 55):

“Смерть – истина. Жизнь – тленна. Хозяин (сахиб) этой могилы...” Палеографически надпись относится к XIII-XIV вв.

На северном склоне и вершине горы также сохранились подобной формы каменные стелы с полукуфическими надписями, которые можно датировать в пределах XIII-XV вв.

Таким образом, расположенный к юго-востоку от крепости горный массив использовался под кладбище примерно до XV в. Впоследствии, примерно с XVI в. эти функции перешли к участкам, расположенным к западу от селения.

Уже отмечалось, что хронологические рамки 4 саркофагов из Калакорейша, ранее выявленных к западу от крепости, установлены исследователями в пределах XIII-XIV вв. Предположение Э.В. Кильчевской о возможности датировки саркофага № 1 в пределах VIII-X вв. вызывает возражения исследователей. Остальные саркофаги не имеют надписей и подобной орнаментации и поэтому их синхронизация является чисто условной, поскольку временные различия между ними могут быть и более существенными.

Уже отмечалась, что эта группа саркофагов вынесена за пределы крепости и, возможно, что возникли они позже по сравнению с подобными же надгробиями в пределах крепости. Арабские надписи XI-XII вв., сохранившиеся на детских саркофагах этого могильника, воссоздают наиболее ранний этап их появления здесь. Хотя очевидно, что подобная дата может и не являться начальным этапом их возникновения на могильнике в Калакорейше. Судя по датированному XIV в.

саркофагу к западу от крепости, можно говорить о многовековой традиции существования подобного обряда в некоторых районах Южного Дагестана. Важными источниками для выяснения времени их появления и довольно продолжительной традиции существования в регионе остаются письменные свидетельства.

О принадлежности аналогичных саркофагов на Кирхлярском кладбище в Дербенте арабским воинам сообщают, как отмечалось, не только местные предания. Об этом свидетельствует и такой источник, как “Дербенд-наме”, в котором отмечено, что погребения в Кирхляре относятся к VII в. и хранят останки 40 арабских мучеников во главе с Салманом ибн Рабиа, погибшим в Прикаспии в сражении с хазарами. Однако эти предания и подтверждающие их сведения письменных источников вызывают сомнения ряда исследователей. Основанием для подобных сомнений послужила зафиксированная еще Кантемиром легенда о том, что Кирхлярские саркофаги принадлежат племенам огузов. Тюркская интерпретация памятника подержана и рядом других авторов. В частности, Эйхвальд считает возможным связать Кирхлярские погребения с сельджуками, ссылаясь на надгробные надписи на отдельных саркофагах, которые относятся к XII в. Однако попытки связать Кирхляр только с сельджуками требуют более точных обоснований.

В принципе, речь не идет исключительно о сельджуках, а о тюркском элементе (точнее – о газиях) – распространителей идей ислама. Распространение саркофагов в Южном Дагестане, в Калакорейше, Табасаране, Уркарахе и др. местах подтверждает эту мысль.

Попытки связать Кирхлярский памятник уже конкретно не с гузами и сельджуками, а вообще с тюркским этносом предпринимались и другими ис-

следователями. Основанием для подобных утверждений служит найденный М.А. Казембеком в петербургской версии "Дербенд-наме" перечень имен "50 мучеников" в борьбе за веру. Полагают, что имена их сопровождаются тюркским титулом "султан". Среди этих имен в "Дербенд-наме" указаны, в частности, - султан Пир Али Дамасский, султан Чумга, султан Кух-Хан, султан Хаджжи Шамс ад-Дин, султан Баба, султан Пир Ибадуллах, султан Пир Мурад Руми, султан Кучек и др. Широкое распространение новых тюркских топонимов в Дагестане могло иметь место в кипчакскую эпоху, когда окончательно оформился и тюркский вариант кумыкского языка, получившего распространение в Приморском Дагестане после XI в. Тюркское название Кирхлярского кладбища, несомненно, связано с компактным и длительным проживанием в самом Дербенте тюркоязычных народов, способствовавших распространению в районе Дербента новых тюркоязычных топонимов.

Таким образом, различные предположения об этнической принадлежности саркофагов Дагестана (или социальном их облике) требуют обстоятельного исследования, с использованием комплекса источников, в том числе и местных преданий и сведений письменных источников. Представляется оптимальным исследование проблемы с учетом более широкой, чем это делалось до сих пор, этнической или социальной базы памятников-саркофагов.

Помимо Калакорейша и Кирхляра подобные надмогильные сооружения встречаются, главным образом, на территории Южного Дагестана и далеко не случайно, что они представлены в районах, тяготеющих к Дербенту. Саркофагообразные памятники сохранились на могильниках в Маджалисе, Мараге, Ерси, Белиджи, Уллу Гатаг и др.

Как же освещается вопрос о своеобразных сооружениях-надгробиях в дагестанских исторических сочинениях (в частности, в "Дербенд-наме", а также в сочинении Гасан-эфенди Алкадари "Асари Дагестан". В своей работе, ссылаясь на сведения историка Ибн-Кесири об арабо-хазарских войнах, Алкадари пишет, что "... когда Салман ибн-Рабиа стал главнокомандующим, между мусульманами и хазарами произошли ожесточенные битвы около сел. Тарки и здесь Салман и с ним многие воины пали за веру. Уцелевшие мусульмане, потерпев жестокое поражение, бежали отсюда назад, но взяли с собой тела Салмана и его товарищей и похоронили их на северной окраине Дербента на известном кладбище Кирхляре"³.

Проблеме распространения ислама в Дагестане посвящена обширная литература и интерес к ней особенно возрос в последнее время в связи с началом повсеместного возрождения мусульманской религии и культуры. Носителями идей новой религии в Дагестане являлись первоначально арабы, предпринявшие ряд походов в Дагестан против хазар, начиная с Салмана ибн Рабиа в середине VII в. Последовавшая за тем серия арабских походов во главе с Масламой ибн Абд ал-Маликом в 706-707 гг., ал Джаррахом ибн Абдаллах ал-Хакимом в 722-723 гг., Масламы в 733-734 гг., и наконец самого крупного похода Мервана ибн Мухаммеда в 737 г. положили начало процессу активной исламизации народов, особенно Южного Дагестана.

В результате этих походов в Дагестан проник соответственно и значительный арабский этнический элемент⁴. Арабы, как свидетельствуют письменные источники, не только утверждают в Южном Дагестане, но и выдвигают из своей среды правителей для сложившихся здесь государственных образований. И

наиболее плодотворной в этом плане была деятельность Масламы (по местным хроникам - Абумуслима). Как сообщают источники, Маслама (Абумуслим) построил в Дербенте великолепную соборную мечеть, сохранившаяся до наших дней. Кроме того, небольшие мечети им были построены и в отдельных магалах города. Об этом свидетельствует "Дербенд-наме", в котором отмечено, что взяв Дербент, "... Абумуслим построил мечети и утвердил религию ислама... он разбил город на 7 магалов и в каждом магале поселил группу мусульман, приведенных с собой.

Кроме большой соборной мечети, каждая мечеть построенная в магале, была названа сообразно происхождению поселенных в них арабских воинов". Мечети магалов получили соответственно наименования: мосульской, палестинской, дамасской, хомсской, иорданской, мессопотамской, а седьмой была соборная мечеть.

По данным "Дербенд-наме", наряду с Дербентом, Кайтаг и Табасаран также выступают наиболее ранними центрами исламизации, связанного с именем Масламы (Абумуслима)⁵.

Таким образом, военные походы, а затем и переселенческая политика арабских халифов, способствовали укреплению позиции ислама в южных районах Дагестана. Переселившиеся сюда арабы составляли наиболее активную часть населения, способствовавшую распространению арабской культуры.

Как мы уже говорили, значительная арабская прослойка населения Южного Дагестана не только способствовала исламизации страны, но и выдвигали из своей среды правителей местных государственных образований. Однако подобные правители не могли выступать решающим фактором распространения ислама во всех его районах. По данным источников, наи-

более реальной силой, которая, где силой, а где и миссионерской деятельностью, методически занималась распространением ислама в специфических условиях Дагестана, выступают газии (борцы за веру)⁶. Объединенные в специальные отряды газии представляли в Дагестане, как и во многих странах Арабского халифата внушительную силу, с которой местные правители вынуждены были считаться. "Газии, - как отмечал А.Ю. Якубовский, - сила в истории Востока IX-X вв. крупная, с которой ни одному правительству нельзя было не считаться"⁷.

Сформировавшиеся с возникновением первых очагов ислама в Дагестане отряды газиев пополнялись и местными сторонниками новой религии. К ним присоединялись и недовольные своим социальным положением крестьяне и ремесленники, а также "добровольцы" из разных областей. Как отмечает Мухамад I рафи, Дагестан, "был областью войны (дар ал-харб)" и поэтому газии стекались сюда для ведения религиозных войн. "Сословие борцов за веру имело, как все сословия на Востоке корпоративное устройство, начальники добровольных дружин нередко пользовались официальным признанием". Деятельность "борцов за веру" всячески поощрялась и находилась в поле зрения как центральной власти, так и власти на местах. Для их поддержания халифы и местные правители выделяли определенную часть хараджа, собираемого с той или иной области, или завещали определенное количество деревень в вакф, доход с которого шел на содержание "борцов за веру". Доходы газиев составляла и добыча в процессе многочисленных походов на соседние государства. Подобные походы против "неверных" с целью добычи и облажения их хараджем в пользу газиев неоднократно совершались, как отмечает "Дербенд-наме", в страны Газикумух, Кайтах, Таба-

саран⁸. Неоднократные походы в IX-XI вв. совершали дербентские эмиры во главе газиев на территории Шандана и Серира и другие государства, которые сопровождались убийствами “неверных”, угоном женщин, детей, скота и захватом имущества.

Как отмечает В.Ф. Минорский “... в менее благочестивые дни газии охотились и на людей, чтобы продавать их в рабство”. Именно возможность поживиться за счет “неверных” привлекали в отряды газиев деклассированные элементы⁹.

Наряду с Дербентом, превратившимся в главный центр распространения ислама и место пребывания контингента “борцов за веру”, а также мусульманских богословов и законоведов, подобные центры формируются в Кайтаге, Табасаране и в других пунктах Дагестана. Среди них выделяется Казикумух (Газикумух), который превращается не только в важный центр распространения ислама, но и резиденцию шамхалов-валиев Дагестана. Подобные центры, как свидетельствуют источники, возникают в Уркарахе, Дибгаши, Чишили, которые использовались арабами в качестве аванпостов. В них располагались и значительные отряды “борцов за веру”. Строительство подобных укрепленных пунктов арабы практиковали повсеместно в процессе распространения ислама¹⁰. Об огромном количестве укрепленных городков, так называемых рибатов, построенных арабами на границе мусульманских стран в процессе распространения ислама в Средней Азии и в других странах, сообщается во многих источниках. Одним из подобных исламских центров Дагестана, где газии “завоевали славу борцов и мучеников за веру” в области Хайдак и выступает Калакорейш (крепость курейшитов). Когда эмиром Хайдака был сын Султана-Хайдара, он построил здесь, как сообщают источники, “много селений”¹¹.

Как отмечается в “Тарих ал-Баб”, после убийства Мугаваккиля (867 г.) халифат распался “...жители ал-Баба и газии пограничных областей собрались и сделали Хашима своим эмиром и преданно повиновались ему”. Как отмечает Масуди “в его дни в делах пограничных областей и “центров” царствовал порядок и враги боялись его”¹².

Таким образом, уже к середине IX в. на территории Южного Дагестана существовало несколько центров, где были сосредоточены “воители за веру”, основной задачей которых было распространение ислама. Реальной силой распространения ислама после прекращения арабских походов в Дагестан выступают газии “борцы за веру”, которые набирались впоследствии и из обедневшей части местных крестьян и ремесленников.

И не случайно, что именно в этих центрах газиев сосредоточены основные могильники, на которых представлены саркофагообразные надгробные памятники. Своим возникновением подобные, ранее не встречавшиеся на территории Дагестана памятники, несомненно, имеют “исламское происхождение”. Чести быть погребенными под каменными саркофагами удостаивались, очевидно, не все, а лишь павшие мученики или “борцы за веру” (газии). Подобные ограничения захоронений по новому почетному обряду является, очевидно, и следствием незначительного количества саркофагов, сохранившихся на известных могильниках Южного Дагестана. Они сохранились единицами или десятками среди огромного количества окружающих их мусульманских погребений со стелами. Подобная картина характерна и для Калакорейша, где захоронения под саркофагами также сопровождаются более значительными по количеству мусульманскими погребениями.

ниями со стелами. Более того могильник с саркофагами в пределах крепости Калакорейша местные жители прямо называют - "арабским".

В целом изучение Калакорейша в течение последних лет выявило незаурядный характер памятника, включающего в себя целый комплекс объектов, разбросанных по склонам окружающих гор. Необходимость их дальнейших исследований обусловлена тем, что ряд памятников, в том числе новые, ранее не известные могильники, выявленные экспедицией к западу от крепости, остатки древних мельниц, "молитвенные домики", караван-сарай и др. остались практически не обследованными из-за ограниченности времени и средств. Дальнейшее их обследование дадут возможность не только воссоздать цельную картину о Калакорейше, но и восполнить практически неизученную историю региона.

Особый интерес Калакорейш представляет и как памятник, свидетельствующий об интенсивных и многовековых культурных и этнических взаимосвязях народов Дагестана с среднеазиатским и ближневосточным миром в средневековую эпоху.

Учитывая огромную ценность памятников в Калакорейше, Совет Министров Дагестанской АССР принял от 27 января 1981 г. Постановление "Об охране и использовании памятников истории и культуры селения Калакорейш Дахадаевского района". Постановление предусматривало создание историко-архитектурного музея Калакорейш, производство восстановительных работ (в частности, уничтоженного михраба), превращение селения в республиканские туристские маршруты, создание цветного фильма и коллективной монографии о памятниках Калакорейша. Важное постановление не выполнялось, а вскоре было и совсем забыто.

Начало историко-археологических исследований в Калакорейше дает основание надеяться, наконец, на глубокое и всестороннее изучение одного из древнейших и интереснейших памятников истории и культуры Дагестана.

Меры эти были рассчитаны на спасение и эффективное использование Калакорейшского комплекса – средоточения ценных памятников истории, архитектуры, монументально-декоративного искусства средневекового Дагестана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башкиров А.С. Средневековый памятник аула Калакорейш // Труды секции археологии Института археологии и искусствоведения РАНИОН. М., 1926, т.1, с. 53-63, - табл. VII и VIII; Он же. Искусство Дагестана. М., 1931, табл. 32,39,40; Кильчевская Э.В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968, с. 53,57, рис. 21-23; Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966, ч.1, с.77; Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989, с. 105, 297-299, рис. 176-179.

2. Лавров Л. И. Указ. соч., с. 179; Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Баку, 1991, с.38, рис.7,7-а,7-б.

3. Гасан-Алкадари. Асари -Дагестан. Махачкала, 1994, с.19.

4. Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, с.212-214.

5. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993, с.31-34.

6. Ахмедов Ш.А. К вопросу о распространении ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Махачкала. 1975.

7. Якубовский А.Ю. Махмуд Газневи. Сб. "Фирдовси".
М.-Л., 1934. 2
8. Акташи Аваби. Дербенд наме. Махачкала. 1997.
9. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М.,
1963.
10. Там же.
11. Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.
Указ. соч.
12. Минорский В.Ф. Указ. соч.

КАЙТАГСКОЕ УЦМИЙСТВО И ЕГО СТОЛИЦА КАПАКОРЕЙШ

Упоминание о Кайтаге впервые встречается у арабских историков IX-X вв. в связи с описанием событий VI-VII вв., наряду с упоминанием других политических образований Дагестана — Лакз, Гумик, Серир, Зерехгеран, Филан и др.

Следует заметить, что арабские или персидские источники не знают термина Кайтаг, под которым в настоящее время он известен. Наиболее известная форма — это Хайдак (Хайдакъ). Известны и другие формы — земля Хайзан, крепость Хайзан, укрепление Хамзин, земля Хамзин, крепость Хайзадж, замин земля, Кайтак, город Хандан, Джидан, Джанда. Все эти разночтения восходят к одному слову, т.е. их можно рассматривать как неточную передачу названия Хайдак, что вполне допустимо при особенностях арабской графики.

Во время арабских походов на Дагестан Хайдак выступает как самостоятельное государство, ведущее независимую политику.

Персидский автор Балами (X в.) подробно описывает один из походов, организованных арабским пол-

ководцем Джаррахом в 113/731-32 г. для “наказания” жителей Хайдака и Табасарана. Джаррах “...позвал одного из своих приближенных, дал в его распоряжение три тысячи воинов и сказал ему: иди в сторону земли Хайдак, разорь (там) все, что встретишь, убивай каждого, кто вздумает оказать вам сопротивление и вернись ко мне до восхода солнца. Потом он позвал другого человека, дал в его распоряжение две тысячи воинов и сказал ему: иди в земли Йерси и Дарвак и тоже вой и разорь. Сам Джаррах с остальной частью армии отправился в сторону земли (замин) Нахраван, в шести фарсах от Баб ал-абваба. К утру (оба отряда) вернулись с десятью тысячами крупного рогатого скота и овец и тремя тысячами невольников...”

В 115/733 г. арабский полководец Маслама, покорив сначала Кумух, “отправился в вилайат Хайдак, сражался с его жителями, убил их хакима, обложил хараджем тех, кто принял ислам, убил тех, кто не принял ислам, и разделил их имущество среди участников сражения”¹.

Поход Марвана в Дагестан в 737-738 гг. — одна из тяжелых страниц в истории дагестанских народов. В итоге упорных боев арабскому полководцу удалось покорить многие земли Нагорного Дагестана, “крепости стран ас-Сарир, Хамзин, Туман и Шандан, а также те, до которых добрался”².

Эти события подробно описаны знаменитым историком ал-Куфи (ум. в 926 г.). Марван, покорив Серир и Туман, “... направился дальше и вскоре достиг крепости Хамзин. Защитники крепости вступили с ним в сражение. Марван и владетель крепости сразились в жарком бою, и муслимы потеряли много убитыми”. Затем крепость была взята, а “владетель крепости Хамзин-шах бежал от арабов, добрался до другой крепости, где и укрылся. Муслимы захватили в крепости имущество, женщин и детей”.

Преследуемый Марваном, Хамзин-шах вынужден был сдаться и заключить “с ним перемирие на условиях доставки ему ежегодно в город ал-Баб 500 пленников и 500 мудд провизии”³.

Это первое подробное упоминание Кайтага (Хамзин), столицы владения (“крепость Хамзин”) и местного правителя (“Хамзин-шах”).

Арабские авторы X в. сохранили нам современные им сведения о Кайтаге. Так, например, Ибн Русте пишет о “городе, называемом Хандан, царь которого называется Адзар-Нарса”⁴. Арабский географ ал-Истахри упоминает Хайдакан-шаха (в тексте: Хандакан-шах), независимого местного правителя. Хайдакан-шах – это уже вторая форма титула местного правителя (после титула “Хамзин-шах”).

В X-XII вв. Хайдак, судя по сочинениям дагестанских авторов, – одно из самых сильных и влиятельных дагестанских государств, играющих важную роль во внутривластической жизни Дагестана. “История Ширвана и Дербенда”, освещая события второй половины X - первой половины XI вв. в Дагестане, упоминает только три наиболее сильные в это время владения: Дербент, Серир, Хайдак.

Так, например, в 938 г. “конный отряд из жителей ал-Баба и жителей Хайдака” совершают нападение на Шандан, а в 1040 г. хайдакцы захватывают цитадель ал-Баба (Дербент) и берут в плен эмира города. Примерно через 25 лет дербентские эмиры находят в своей борьбе с местными раисами неоднократно поддержку и убежище в Хайдаке⁵. Правители Хайдака поддерживали родственные связи с представителями дербентской знати. А в 1065 г. упоминается Пируз (Фируз) ал-Хайдаки (Кайтагский), у которого воспитывался малолетний Абдалмалик, будущий эмир Дербента⁶. Это первое в дагестанской историче-

ской литературе сообщение о знаменитом институте аталычества.

Арабский автор X в. ал-Масуди о правителе Хайдака ("Джидана") писал: "Его царь – мусульманин, который заявляет, будто он араб из (племени) Кахтан. В настоящее время, а именно в 332/943 г., он известен как Салифан, а в его государстве нет других мусульман, кроме него, его сына и семьи. Я думаю, что этим прозвищем зовутся все цари этой страны"⁷. Салифан – это еще один титул кайтагского правителя, и происхождение этого титула отнесено к южноарабскому (йеменскому) племени. В 1064 г. правителем Хайдака был Р.в.м., названный уже эмиром.

По данным ал-Масуди, Кайтаг граничил на северо-западе непосредственно с Уркарахом (Карах), также одним из ранних владений, населенных даргинцами: "Со стороны Кабха и Сарира Хайдак граничит с (землей) царя, называемого Б.рзбан (Марзубан?), который мусульманин и город его называется К.рдж (Карах). Они вооружены булавами. Кадий правитель этого царства зовется Б.рзбан"⁸.

Б.рзбан, названный здесь – это скорее титул, нежели собственное имя. В.Ф. Минорский считает возможным, что речь в данном случае идет о термине "марзубан" – "хранитель пограничной области". В "Истории Ширвана и Дербенда" пограничные области обозначены двумя терминами: "сагр" (мн.число – "сугур") и "ал-маракиз ал-ислаимийа" ("исламские центры") с равнозначными по своему смыслу, означают "опорную зону, часть общего фронта"⁹.

Таким образом, определяются в общих чертах границы раннесредневекового Кайтага. Он был расположен северо-восточнее Дербента, занимая бассейн рек Буган и Уллучая, на территории современного Кайтагского и Дахадаевского районов. Уркарах представлял

собой в X в. самостоятельную единицу, как и Шандан (территория современных Акушинского и Левашинского районов) и Зерехгеран (Кубачи с прилегающими землями).

Известный кавказовед Р.М. Магомедов пишет, что территория Кайтагского уцмийства (Кайтаг-Дарго) была шире земель собственно Кайтага и что "до арабского нашествия под Кайтагом подразумевались верхняя территория, занятая населением Шурканти, Ирча-мула, Катагана, и нижняя территория, где проживали сами кайтагцы... При арабах Кайтаг-Дарго охватывал территорию Сюрга, Муйра, Гапш, Ганк, Каба-Дарго, Верхний и Нижний Кайтаг, Терекеме и Гамринский магал"¹⁰.

Следует только оговориться, что здесь употреблена современная географическая номенклатура, и для раннего средневековья она в источниках не зафиксирована.

Точных данных о первой столице Кайтага нет. Как уже указывалось, арабские и персидские авторы в связи с событиями VI-VIII вв. в Дагестане акцентируют внимание на роль и место дагестанских политических образований, не называя, как правило, ни местного титула правителя, ни названия его столицы. Столица обычно названа в сочетании с названием государства. Например, столица Хайдака: крепость Хамзин (т.е. крепость Хамзина), крепость Хайзадж (т.е. крепость Хайзаджа), крепость Х. мран.

Как мы видим, нигде собственно столица не названа. Не приводится, по традиции, и местное наименование. Поэтому наиболее важным и ценным является для нас местный (археологический, топонимический, письменный) материал. Устная традиция, сохранившаяся до сих пор в даргинских районах ранней столицей Кайтага называет город Жалаги (Джалаги, Жалагы)¹¹.

В настоящее время Жалаги - это городище на высоте примерно 1500 м над уровнем моря, близ селений Варсит и Бажлук Кайтагского района, входившее в Ирчамульский (Урчамильский) магал, один из значительных в Кайтаге. Здесь обнаружен ряд раннесредневековых поселений¹². Археографическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН обнаружила здесь куфические надписи XII-XIV вв. В "Истории Каракайтага" древность Жалаги подчеркивается тем, что его основание связывается с именем арабов, потомков дяди пророка Мухаммеда (точно так же, как и селение Калакорейш). Согласно этой исторической хронике, потомок Хамзы, дяди пророка, прибывает в Хайдак (дата этого события не указана), где "он построил многочисленные селения, а до того на горе, над их селениями, был громадный город, называемый Джалаги. Прибыль же для них и их работа были на равнине"¹³.

По всей вероятности, Джалаги действительно был крупным населенным пунктом, одним из важных политических центров Кайтага, самой ранней его столицей. Вполне возможно, что район Ирчамула стал со временем одним из "исламских центров", хорошо известным за пределами Дербента. Наличие в сел. Кирчик полуцилиндрических надгробий - одно из свидетельств этому утверждению. Одним из исламских центров был и Калакорейш.

Как известно, еще в эпоху сасанидов практиковалось сооружение на границах сасанидской державы, а затем и Арабского халифата различных "центров" (марказ - мн. маракиз) или же "пограничных областей" (сагр, мн. - сугур). В "Истории Ширвана и Дербенда" термин "сагр" встречается около 20 раз. Обычно он переводится как пограничная область. В дейст-

вительности же это слово несет более широкую смысловую нагрузку: прилегающие к городу земли, подчиненные ему; места за городом, где жили “борцы за веру” (гази); собственно город Дербент с прилегающими землями и его периферия; земли за пределами города, не подвластные ему¹⁴.

Что касается термина “маракиз” (ед.ч. “марказ” – центр), то первоначально в оборонительной системе ал-Баба были выделены специальные центры, каждый из которых охраняла одна из местных народностей (жители Табасарана, Филана, ал-Лакза, Лайзана). В.Ф. Минорский справедливо утверждает, что “марказ означало бы “опорную зону, часть общего фонда” и что это объяснение лучше подходило бы сасанидской эпохи, но оно не годится для времени, описанного в “Тарих ал-Баб”, так как эмиры ал-Баба имели мало влияния на соседние племена”¹⁵.

Относительно “исламских центров” высказано также мнение о том, что этот термин “относится к местам, где арабы были первоначально поселены как аванпосты для защиты Дербента”. Начало этому процессу было положено в середине VIII в., когда арабский халиф поселил в районе Дербента большое число арабских воинов, к которым были присоединены рабочие и строители. Как писал ал-Йакуби (ум. в 897 г.), халиф построил “города Камах и ал-Мухаммадию и Баб-Вак и другие города, которые обратил в опорные пункты для мусульман и куда поселил воинов”¹⁶.

Как писал известный дагестанский ученый Гасан Алкадари, при аббасидском халифе ал-Мансуре (757-775) его наместник Йазид ас-Сулами переселил в Дагестан “из Сирии, Месопотамии и Мосульского округа” семь тысяч мусульман с семьями, которые построили крепости в Рукеле, Кала-Суваре, Митаги, Мугатыре, Марага и Бильгади и обосновались в них¹⁷.

Миграция арабского этнического элемента в Дагестан продолжалась и в последующем¹⁸.

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что во всех населенных пунктах, опорных базах арабов, сохранились горизонтальные “полуцилиндрические” надгробия. Они обнаружены в Дербенте, Гимейди, Джалгане, Рукеле, Мараге, Якрахе, Хели-Пенджике, Бурханкенте, Кирцике, Нютюге, Куге, Хореле, Ашага-Стале, Уллулатаге. Местные жители эти надгробия считают арабскими (редко – “армянскими”). Сохранились данного типа памятники и в Уркарах и Калакорейше. Севернее или западнее этих пунктов полуцилиндрические надгробия не выявлялись. Уркарах и Калакорейш выступают здесь наиболее северными опорными пунктами (сагр или марказ) арабов на территории Дагестана. Но это были уже (в IX–X вв) самостоятельные, независимые “исламские центры”, не подчиненные Дербенту, ведущие самостоятельную политику. Можно с большой долей вероятности предположить, что и Калакорейш, и Уркарах превратились к указанному выше времени из военно-стратегических опорных пунктов в идеологические центры, опорные пункты ислама. Подобная трансформация наблюдается и во многих других населенных пунктах, бывших первоначально опорными пунктами Халифата.

Теперь обратимся к дагестанским историческим сочинениям. Хроника “Тарих Дагестан” Мухаммеда-Рафи, составленная в основной своей части в начале XIV в. (но с использованием старых текстов, восходящих к X в.), рассказывает об арабах, которые, выйдя из Аравийского полуострова после 200 года хиджры, т.е. в начале IX в. покорили по пути много земель, ворвались в Дагестан, овладели в том числе Хайдаком, убив его правителя Газанфара.

Хроника подробно описывает эти события: “И вели мусульмане сражения, битвы, борьбу и споры в Дагестане, (добиваясь) награды от Аллаха. Они разорили Хайдак, предали смерти эмиров неверных и эмира вилайата Хайдак. Они убили из числа храбрых и сильных эмиров неверных эмира их вилайата, султана по имени Газанфар ал-Гаррар. Мусульмане взяли в плен их жен, детей, после того как предали смерти их храбрецов и знатных людей. Затем они разграбили все имущество неверных с помощью Аллаха”¹⁹.

Далее “Тарих Дагестан” рассказывает о том, как арабы обосновались в Кайтаге, избрали себе резиденцию, основали Калакорейш: “Мусульмане поселились в этой области с радостью и в спокойствии. Престол Газанфара с гордостью и достоинством занял один из потомков шейха Ибрахима Абу Исхака (потомка Хамзы, дяди пророка) - эмир Чуфан... Он был первым, кто занял (престол) в вилайате Хайдак; он основал в Хайдаке большое число многолюдных селений и избрал своей резиденцией (дар ас-салтана) город Кала Курайш, расположенный на скале, над ущельями, при реке”²⁰.

Таким образом, арабы, захватив Кайтаг, сменили домусульманского правителя, создали новую цепь “исламских центров”, в том числе и новую столицу Калакорейш, с мусульманским правителем. Смена правителя сопровождалась сменой “языческих” представлений монотеистической идеей ислама. В хронике Калакорейш назван городом, а остальные населенные пункты - селениями.

После этого можно предположить, что упоминаемая в связи с событиями VII-VIII вв. крепость Хамзина или крепость Хайзаджа - это первая, ранняя столица Кайтага (Жалаги?). С IX же века столицей Кайтага выступает, по всей вероятности, Калакорейш. Когда

автор X в. пишет, что от крепости царя Серира (Хунзах) "проходит дорога, по которой можно выехать из Сарира ... и на расстоянии двенадцати перегонов (манзил) достичь города, называемого Хандан..."²¹, то, вероятно, в данном случае речь и идет о Калакорейше.

В настоящее время не совсем ясным остается для нас место Уркараха в политической жизни Кайтага. Профессор Р.М. Магомедов пишет, что центр Кайтагского уцмийства был перенесен в Уркарах. Сейчас не представляется возможным точно установить дату этого события. Если учесть, что согласно "Истории Ширвана и Дербенда" Кайтак и Карах (т.е. Уркарах) существуют в X - первой половине XI в. самостоятельно, то перенос центра имел место позже, когда Карах потерял свою независимость и оказался под властью кайтакских правителей. Может быть, это случилось в XII в. или же в начале XIII в., когда монголы активно вмешались в политическую жизнь дагестанских раннефеодальных государств. В самом Уркарахе также сохранились "полуцилиндрические" надгробия (их сохранилось 7, но со слов старожилов сравнительно недавно их было около 100), относящиеся к XI-XII вв., но они могут принадлежать также правящей верхушке Караха (Уркараха), связанного с арабами (корейшитами) по происхождению.

В самом Уркарахе до сих пор сохранилась легенда, совершенно противоположная той, которая зафиксирована в Калакорейше. Согласно этому преданию, записанному в 1968 г. в Уркарахе, Уркарах (по-даргински - Уркухъ) был первоначальной резиденцией кайтакского уцмийа - ведь местность, где в настоящее время расположено административное здание, и до сих пор называют "Уцмила хъурала бахъ", т.е. "Место, где стоял дом (или дома) уцмийа". Со временем, продолжает предание, местное население перестало подчи-

няться уцмию, и он вынужден был переселиться в соседний аул – Калакорейш, который до этого времени был “дополнительным центром уцмийства”²².

Существовала легенда и о другой последовательности смены столиц: из Калакорейша первоначально она была перенесена в Уркарах и лишь затем резиденция была перемещена в селение Маджалис и Янгикент²³.

Обе легенды – о величии Калакорейша и о величии Уркараха имеют историческую основу в том отношении, что оба они служили столицами отдельных государств (Кайтак и Карах), а также, хотя и в разное время – столицами Кайтакского уцмийства.

Мнение В.Ф. Минорского²⁴, поддержанное некоторыми исследователями,²⁵ о том, что в числе резиденций уцмиев был и Гапш, неточно, так как Гапш – это не населенный пункт, а группа селений, союз сельских обществ.

Традиция приписывает к столице уцмийства арабское происхождение, и соответственно этой традиции дается объяснение обоим названиям столицы – Карйа Курайш (“селение Курайшитов”) и Кала Курайш (“крепость корейшитов”). “Арабское кладбище” с горизонтальными “полуцилиндрическими” надгробиями на окраине Калакорейша – еще один существенный довод при этнической интерпретации кайтагской столицы.

В XI–XII вв. Калакорейш – один из влиятельных политических и идеологических центров Кайтага. Именно к этому времени относится строительство превосходной мечети со шtukовым михрабом. Именно к этому времени относится активная позиция кайтагского правителя в решении внутривластных проблем Дагестана и его взаимоотношений с Ширваном. В середине XI в. брат дербентского эмира долго жил в Хайдаке, скорее всего – в Калакорейше.

В 1068 г. в столице Кайтага нашел убежище эмир Дербента Абдалмалик ал-Лашкари. Как уже отмечалось, Абдалмалик воспитывался в свое время в семье знатного кайтагца. Как видим, правители Дербента и Кайтага поддерживали связи, которые можно назвать традиционными и дружескими. Исторические обстоятельства сложились так, что монгольские завоевания содействовали укреплению государственной власти в Кайтаге.

Как известно, Дагестан дважды подвергался опустошительному монгольскому нашествию (1222 и 1239 гг.). Наиболее разорительным был поход 1239-1240 г. в глубь гор по маршруту Дербент-Хив-Рича-Чираг-Кули-Кумух. По сообщению дагестанской хроники "Тарих Дагестан", аварский и кайтакский правители совместно выступили на стороне монгольского правителя Дербента против мусульманского Кумуха, который был взят и подвергнут разорению. Кайтакский правитель упрочил, таким образом, свои позиции, воспользовавшись поддержкой монгольского отряда.

Территория, населенная даргинцами, не представляла в X-XIII вв. единого целого, делилась на несколько самостоятельных территорий. Это обстоятельство и отразилось и в этнической номенклатуре, "подчиненной" местному, территориальному принципу: лакцы называют их даргал, акуши, цакар, хайдакул (акъуши, цахъар, хайдакъул); кумыки - даргилар, акушали; аварцы - акушали, акуш, цедех (акъушали, ахъуш, цѣдехл)²⁶.

Это было отражением реальной действительности. В X-XII вв. наряду с Кайтагом существовал ряд самостоятельных политических образований - Зерехгеран, Шандан, Филан, Зуклан, Карах (Уркарах). Наряду с ними существовала группа союзов сельских общин.

Укрепление же позиций Кайтага привело к тому, что в середине XIII - начале XIV вв. многие ранее независимые земли (Зерехгеран, Шандан, Карах — Уркарах) были присоединены к Кайтагу, который в начале XIV в. стал уже сильным и влиятельным государством Дагестана. К числу уцмийских владений, кроме собственно Хайдака, “относилась обширная полоса предгорий к северу от него. Это позволяло уцмиям контролировать торговый путь, соединяющий Дербент и Закавказье с северокавказскими городами и итальянскими городами-колониями на Черном море, а также с центром Золотой Орды на Нижней Волге”²⁷.

Прежде чем перейти к описанию положения Кайтага в XIV-XV вв., остановимся на титуле его правителя. В арабской исторической литературе IX-X вв. правитель Кайтага отмечен несколькими терминами: малик (царь, владыка), хамзин-шах, хайдакан-шах. Обнаруженная еще в 1861 г. академиком Б.А. Дорном и подробно интерпретированная Л.И. Лавровым эпитафия (“не позднее XIII в.”) на могиле местного правителя называет его “сахибом (владельцем, хозяином) Калакорейша”. Надпись эта представляет огромный интерес и поэтому мы приводим ее полностью:²⁸ “Царство принадлежит Аллаху, единственному, всепобеждающему. Владелец (сахиб) этой могилы в знании подобен деяниям пророков, набожность его — набожности Абу Бакра, доблесть его — доблести Али, справедливость его — справедливости праведных халифов. Он — сахиб Калакорейша Ах.с.б.р сын Хиздана (вар.: Хиздар) — да осветит Аллах его могилу, да простит Аллах его грехи”²⁹.

Л.И. Лавров относит эту надпись ко времени “не позднее XIII в.”, однако ряд палеографических особенностей (дугообразные соединения, редкость соединения букв под углом, отказ от явно подчеркнутой

горизонтالي, закругленные части отдельных букв) дает возможность датировать надпись более поздним временем, а именно концом XIII - началом XIV в.³⁰

Эта надпись - эпитафия может быть поставлена в связь с другой надписью на полуцилиндрическом надгробии, расположенном на возвышении, над дорогой к западу от селения, идущей в сторону Кубачи³¹. Подробный искусствоведческий анализ сюжетов и палеографический разбор арабского текста будут представлены позже, но сейчас отметим, что две надписи на каменном саркофаге из Калакорейша уже давно стали предметом серьезного изучения. Э.В. Кильчевская отнесла их к XI в., Л.И. Лавров - к XI-XII вв.³² Однако палеографический анализ текста показал, что надпись калакорейшского саркофага следует датировать XIII или началом XIV в.³³ М.М. Маммаев сначала отнес памятник к XI-XII вв., но впоследствии согласился с этой датировкой (XIII-XIV вв), выдвинув для этого дополнительный аргумент - "изображения, высеченные на саркофаге более близки изображениям, воспроизведенным на памятниках XIII-XIV вв."³⁴ Надпись на каменном саркофаге прочтена Л.И. Лавровым: "Это Хасан". Однако четкая фотография позволяет иное чтение: "Это Хиздан". Если принять во внимание парадный, богатый стиль "главного" калакорейшского саркофага, то можно предположить, что он сооружен на могиле представителя верховной власти. В таком случае можно продолжить цепь предположений: Хиздан - это отец Ахсибара, сына Хиздана, имя которого зафиксировано на каменной стеле внутри джума-мечети.

Можно предположить, что перед нами представители династии кайтагских правителей.

Как мы видим, никто из них не имеет титула уцмий. Впервые в дагестанской исторической литерату-

ре термин уцмий встречается в хронике Махмуда Хиналугского. Он связан с именем Султан Мухаммадхана, уцмия Кайтага в последней четверти XIV в. О более раннем времени хроника не сообщает, но вполне очевидно, что термин уцмий был известен и до XIV в.

Эта мысль косвенно подтверждается сообщением хроники: "Илчав Ахмадхан - сын Уллубекхан-усуми из рода в род наследственно вплоть до сегодняшнего дня управляют вилайатом Кайтак в Дагестане. По отцу они происходят от Аббаса, по матери - от Хамзы"³⁵. В XV - I половине XIX в. в местных источниках все правители Кайтага названы уцмиями.

Значение термина уцмий не установлено, хотя и выдвинуто несколько предположений. Как писал Е.И.Козубский, "владелец Кайтага, поставленный арабами, носил титул исми (именитый), откуда - уцмий, власть и достоинство которого уничтожены в 1820 г."³⁶ С. Броневский также придерживается этого мнения: "достоинство Усмея есть второе по старшинству, поставленное в Дагестане аравитянами. Усмей на арабском языке означает наместник повелителя"³⁷. Составитель одного из списков "Хроники" Махмуда из Хиналуга объясняет, что "слово уцмий (усми) взято от слова "самави", по-арабски в смысле высокий (али). Слово это означает "высокий", в смысле высокий по чину и должности. По отношению к уцмию этот титул употребляется в смысле высокий по своему родству и до сих пор их называют уцмиями"³⁸

"Арабской", раннеисламской концепции генезиса термина "уцмий" в дагестанской историографии выдвинута иная, "иудейская" концепция: "в загадочном термине ...мы склонны видеть иудейское слово "оцум" (мн.ч. - ацацим), означающее "сильный, мощный". Кто сколько-нибудь знаком с вопросами распространения иудаизма в прошлом в районе Южного

Дагестана и Дербента, и в частности в ущелье Хайдака, носящем у даргинцев название "Джуфугатта" – "еврейское ущелье", тот не отвергнет без внимания мое впервые высказываемое в литературе предположение, что вождь Хайдака мог для вящего почета носить звание из лексикона иудейского языка – языка священных книг древней религии ... Не лишено вероятия то, что иудейское "оцум" (сильный, мощный) и арабское усама (синоним льва) родственно тождественны по своей общесемитической этимологической природе..."³⁹

Эта точка зрения не нашла в последующем поддержки. Наиболее верным нам кажется мнение о местном, доарабском происхождении социальных терминов – титулов феодальных правителей, в том числе и титула "уцмий" (Р.М. Магомедов, Х.О. Хашаев, "История Дагестана").

Большой интерес представляет институт наследования власти и порядок избрания уцмийа. В принципе в уцмийстве право наследования опиралось на систему майората. Согласно этой системе наследовал старший, но в данном конкретном случае речь идет о старшем как в семье, так и в роде. После смерти уцмийа Султан Мухаммедхана в конце XIV в. уцмием был избран его сын Беккиши-хан ("по причине того, что Беккиши-хан по возрасту был старше, население и область кайтагов подчинились последнему").

Как показывают источники, обычай этот не всегда соблюдался, вернее, предпринимались попытки его изменить. Так после смерти указанного Султан Мухаммед-уцмийа в конце XIV в. его младшим братом Беккиши-ханом была предпринята успешная попытка занять (отнять) престол у старшего брата, причем в начавшейся тяжбе население уцмийства (точнее, население Калакорейша) разделилось на два лагеря – сторонников

старшего брата и сторонников младшего брата. Только вмешательство ширваншаха, дяди наследников, позволило дипломатическим путем решить спор: “незаконный” уцмий “нашел, что сопротивление - дело тщетное” и ушел в Ширван.

В то же время, как сообщает “Родословная книга кайтагских эмиров”, после смерти Амирхамзы (1788 г.) “его сын Али-бек должен был сделаться уцмием на его место в Кайтаге. Дядя (со стороны отца) Алибека Устархан, брат Амирхамзы - уцмия как старший, по обычаю Кайтага, говорил, что противно обычаю стать уцмием другому”. Здесь так же, как и 400 лет назад, мнения разделились, и только вмешательство шамхала решило проблему: он прибыл с войском, утвердил в должности уцмия Устархана (т.е. брата уцмия, а не сына), заявив при этом: “не следует поступать против обычая, уцмием должен быть старший по возрасту”.

Е.Н. Кушева отмечает, что в Кайтаге наследования по прямой линии не было, достоинство уцмия передавалось одному из старших в роде⁴⁰. В подтверждение этой мысли она приводит высказывание уцмия Рустам-хана (1633 г.), приехавшему в Башлы сыну боярскому Василию Надобному, что “в Кайдацкой земле на княжение он, уцмей, а после ево будут на княженье братья ево Чюкук да Устархан да сын ево Хан...”⁴¹

Все это свидетельствует о том, что в вопросе о наследовании по принципу старшинства столкнулись здесь две тенденции: признание старшинства в семье или же признание старшинства в роде. При этом в рамках каждой тенденции, отдельно взятой, “легитимность” не всегда соблюдалась, что неоднократно приводило к кровавым столкновениям (например: в конце XIV в. - противостояние Султан Мухаммадхана и Беккиши-хана; в 80-х гг. XVII в. - столкновение представителей маджалисской и великентской ветвей

уцмийского дома: после смерти Устархан-уцмий в 1789 г. – противостояние Мама, племянника умершего и сына Амир-Хамзы).

Процедура избрания уцмий неоднократно освещалась в литературе, однако материал относился к XVIII или XIX в. По этим данным, можно заключить, что процесс перехода звания уцмий сопровождался избранием и провозглашением уцмий на общем сходе: “достоинство уцмий переходило к старшему по летам, но всегда сопровождалось народным избранием и провозглашением на общем сходе представителей всех свободных обществ с соблюдением некоторых обрядов. При жизни уцмий тот, кто должен был наследовать его власть, назывался гаттым; по смерти уцмий гаттым призывался в сел. Башлы, куда собирался народ из всех свободных обществ, и на него возлагали шапку, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчамуль”⁴². Известный путешественник Я.Я.Стрейс еще в XVII в. обратил внимание на своеобразный обряд избрания шамхала: “В Дагестане много властелинов и князей, самые почитаемые из них Шамхал и Усмий. Первый самый могущественный. Он живет в местечке, называемом Бойнак и избирается бросанием яблока. Когда нужно избрать Шамхала, не принимают во внимание порядок престолонаследия. Но священник собирает всех князей и мирз и ставит в круг, берет золотое яблоко, бросает его в них, и тот, в кого он попадет, избирается королем, хотя он метко целит в того, кого считает самым достойным”⁴³.

Выше мы показали, что в XIII в. монгольские походы 1221 и 1239 гг. не оказали существенного влияния на хозяйство и общее состояние Кайтагского уцмийства. Оно в некоторой степени упрочило свое положение. Во второй половине XIV в. уцмийство про-

должало укрепляться по пути самостоятельности. В 80-х гг. XIV в. в противостоянии Тимура и Тохтамыша, уцмий поддержал последнего. В итоге - погром, учиненный Тимуром в 1395 г. Его войска "прошли через Дербент и дошли до иля и области... кайтагов... Обратив внимание на уничтожение и искоренение тех, он так напал на их стороны и края, что из множества спаслись (даже) немногие, из тысячи один"⁴⁴. О судьбе Калакорейша в это время источники сведений не дают. Вероятнее всего, столица уцмийства оставалась в стороне от военных действий. Известно также, что в 1396 г. при повторном походе Тимур не разрушил страну, ибо "кайтагский народ также покорился и просил помилования"⁴⁵.

Большую роль в стабилизации положения уцмийства сыграла политика ширваншаха Ибрахима I Дербенди (1382-1417), сторонника Тимура. Он был родственником уцмий, и в конфликте двух братьев, сыновей покойного уцмий Султанмухаммедхана поддержал младшего брата, Илчав Ахмад-бека, который "ушел из привычного места жительства, крепости Курайш (Калакорейш)" в Ширван.

Тимур оказал опальному наследнику уцмийского престола всяческую поддержку и фактически утвердил южнодагестанскую ветвь кайтагских уцмиев. Потомки уцмий управляли в середине XV в. многими крепостями и селениями в Южном Дагестане (Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кюре, Фий и др.)⁴⁶.

В XV-XVI вв. Кайтагское уцмийство - одно из сильных феодальных владений Дагестана, пользующееся международным престижем. В 1466 г. к уцмью, "шурина своему Алильбегу Кайтагскому князю" обратился Ширваншах⁴⁷. В Кайтаге долгие годы жил Шахрух Мирза ал-Кайтаги, будущий ширваншах Шахрух, сын Фаррух-Йассара (1635-1638 гг.).

Таким образом, в XV- XVI вв. Кайтаг занимал как собственно кайтагские земли с резиденцией в Калако-рейше, так и территорию севернее Табасарана в бассейнах рек Уллучай, Буган, Артозен, Гамри-озень, т.е. включал кайтагские, часть даргинских и кумыкских земель. В политической зависимости от уцмийства находилась часть лезгинских земель.

Уже в конце XVI в. в отписке терского воеводы от 6 июля 1598 г. Федора Лобанова-Ростовского указан "кабак (селение - ред.) Калакура, а в нем Усмый князь, у него с 500 человек конных, с 700 человек пеших"⁴⁸.

В середине XVII в. столица уцмийства (Калако-рейш или Маджалис) пережила страшное испытание: в 1652 г. было сильное землетрясение и пришла в движение земля... Разрушились дома и строения в вилайате Дагестан, в частности дома Амирхан-уцмий. И погибло под развалинами семь человек его семьи - жена, дочери и служанки. Это землетрясение произошло по хиджре в тысяча шестьдесят втором году"⁴⁹. Эта дата соответствует 1652 г.

По ряду сведений в середине XVI в. столица Кайтага была перенесена в Маджалис, но, скорее всего, это была вторая столица уцмийства, и вплоть до середины XVIII в. Калакорейш оставался идеологической столицей уцмийства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Ал-Куфи, Ахмад ибн Асам. Книга завоеваний. Пер. с араб. З.М. Буниятова. Баку, 1981. с. 46.
2. Там же, с. 55, 56.
3. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. с. 220.

4. Там же,
5. Там же, с. 66-79.
6. Там же, с. 75,76.
7. Там же, с. 202-203 (Приложение III: Масуди о Кавказе).
8. Там же, с. 203.
9. Там же, с. 124.
10. **Магомедов Р.М.** История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 83.
11. **Магомедов Р.М.** История Дагестана. М., 1991, с. 40.
12. **Козубский Е.И.** Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1903, с. 300-305; **Магомедов Р.М.** История Дагестана. М., 1991, с. 40; **Исаев А. И.** Из истории освободительного движения в средневековом Кайтаге. - В кн.: Освободительное движение в эпоху средневековья. Махачкала, 1986, с. 49.
13. **Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.** Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.
14. Подробно - см.: **Шихсаидов А.Р.** Дагестан в X-XIV вв., Махачкала, 1975, с. 141-142.
15. **Минорский В.Ф.** История Ширвана и Дербенда, с. 124.
16. **Якуби.** История, текст с перевод. Пер. с араб. П.К. Жузе. Баку, 1927, с.9.
17. **Алкадари Гасан-Эфенди.** Асари - Дагестан. Пер. и комм. Али Гасанова, 1929, с. 25.
18. Подробно - см.: **Шихсаидов А.Р.** Эпиграфические памятники, с. 397-401.
19. **Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.** Дагестанские исторические сочинения, с. 101.
20. Там же.
21. **Минорский В.Ф.** История Ширвана и Дербенда, с. 220.
22. **Шихсаидов А.Р., Алиев Б.Г.** Калакорейш - древняя столица Кайтага-журн. "Дружба". 1973, № 3 (на дарг.яз).
23. **Вейденбаум Е.** Материалы для историко-этнографического словаря Кавказа.-СМОМПК. 1895 XX, с. 19-20.
24. **Минорский В.Ф.** Указ. соч, с.129.

25. **Гаджиев В.Г.** Сочинение И.Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся". М., 1979, с. 119.

26. **Алиев Б.** Материалы по истории даргинцев. - РФ Института ИАЭ, ф.3, оп.1, д.360, с. 68.

27. **Магомедов Р.М.** История Дагестана, с. 59.

28. Мы даем перевод Л.И Лаврова лишь с некоторыми уточнениями в переводе терминов.

29. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч.1, с. III. Л.И. Лавров издал прорисовку надписи (с.284, рис. 268), а фотография издана А.Р.Шихсаидовым (Эпиграфические памятники Дагестана, с. 146).

30. **Шихсаидов А.Р.** Указ. соч., с. 147.

31. Библиографию - см. с. 66.

32 А.С. Башкиров, впервые давший подробное описание этого каменного саркофага, отнес его к XII в., но надписи на нем специально не изучал.

33. **Шихсаидов А.Р.** Эпиграфические памятники Дагестана, с.130.

34. **Маммаев М.М.** Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала, 1989, с. 105.

35. **Махмуд из Хиналуга.** События в Дагестане и Ширване. XIV-XV вв. Махачкала, 1997, с.41.

36. **Козубский Е.И.** Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып.1, с. 18.

37. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с.310.

38. **Махмуд из Хиналуга.** Указ. соч., с.86.

39. **Малачиханов Б.** К вопросу о Хазарском Семендере. - Уч.зап. Института ИЯЛ. Махачкала, 1965. т. XIV, с.179.

40. **Кушева Е.Н.** Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 48.

41. Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII в. Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958, с.126;
Кушева Е.Н. Указ.соч., с.48.

42. Феодалные отношения в Дагестане. XIX - начало XX в. Архивные материалы. Составление, предисловие и примечания. Х.-М.Хашаева. М., 1969,с.183.

43. Стрейс Я.Я. Три путешествия. Пер. Э.Бородиной. М. 1935, с.220.

44. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941, т. II, с. 119.

45. Там же, с. 185.

46. Махмуд из Хиналуга. Указ. соч., с.51.

47. Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1960, с.28-29.

48. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1888, с.293.

49. Шихсаидов А.Р., Исмаилов А.Ш. Анализ исторических данных о разрушительных землетрясениях середины XVII в. в Южном Дагестане. // Геодинамика и сейсмичность территории Дагестана. Махачкала, 1979, вып. 3(21), с.50.

МАТЕРИАЛЫ ПО ХРОНОЛОГИИ КАЙТАГСКИХ УШМИЕВ'

Кайтаг – одно из раннефеодальных государственных образований Дагестана. Арабским авторам он известен как Хайдак, иногда как Хамзин. Зафиксированное в X в. “царство” Джидан – это, как обратил внимание еще в 1828 г. Доссон, а в наше время убедительно доказал В.Ф.Минорский, ошибочная передача названия Хайдак.

Ниже мы приводим в хронологическом порядке известные нам сведения по хронологии кайтакских правителей.

Первое упоминание о правителях Кайтага относится ко второй половине XI в. Пируз (Фируз) б. Сакнан (ас-Сакбан) ал-Хайдаки. 457/1065, 461/1068 г. (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с.28, 29, 76, 77).

Салифан, малик Джидана (Хайдака), 304/916 г. (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с.66 (русск.пер.), с. 20 (араб. текст). Первое упоминание Салифана относится к 304/916 г., когда Салифан двинулся с хазарским войском в помощь Абд ал-Малику, правителю Дербента (ал-Баба). В “Истории Ширвана и Дербенда” он не назван правителем Хайдака (Кай-

така), но мы принимаем во внимание сообщение ал-Масуди (см. ниже). Возможно, Салифан не имя собственное, а титул правителя.

Салифан, малик Джидана (Хайдака), 332/943 г. (Macoudi. *Les Prairies d'or. Texte et traduction par B. de Meynard et P. de Courteille*, t. II. Paris, 1863, p.39; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 202: Приложение III. Масуди о Кавказе). У ал-Масуди Салифан – это титул правителя Джидана, но еще Доссон доказал, что последнее слово – это неточное описание страны Хайдак (D'Ohsson. *Des Peuples du Caucase*. Paris, 1928, p.20).

Принимая во внимание, что Салифан – это титул правителя, мы предполагаем, что под 916 и 943 гг. упоминаются разные лица.

Р. в. м., эмир Хайдака, рамадан 456/август 1064 г. (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 75 (русс. пер.), с. 26 (араб. текст). Варианты имени – Б. рум, З. м. з. м. По мнению В.Ф. Минорского (с. 75), “возможно Пируз”.

В конце XIII или же в начале XIV в. упоминается Ах. с. б. р., сын Хиздана (вар.: Хиздар), владелец (сахиб) Калакорейша. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. I. Надпись X-XVII вв./Тексты, пер., комм., введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1966, с. 112; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 146, рис. 50. Б.А. Дорн считает, что речь идет о “владельце крепости или замка” (Дорн Б.А. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1894, с. 278), но Л.И. Лавров поместил имя Ах. с. б. р. в списке кайтакских правителей (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. Надписи XVIII-XX вв./Тексты, пер., комм., введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1968, с. 157).

В последней четверти XIV в., но не позднее 1385 г., мы уже встречаемся с термином уцмий. Это Султан Мухаммад-хан-уцмий, сын Бек-киши-хана. – АКАК. Тифлис, 1868, т. II, с. 1074. Султан Мухаммад-хан-уцмий скончался незадолго до похода Тимура на Азербайджан, имевшего место в 1386 г. А.Е. Криштопа отмечает, что уцмий Султан Мухаммад скончался в начале XIV в. (Криштопа А.Е. Политическое развитие Дагестана в XIII-XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1981, с. 3, 9, 12).

До 1385 г. упоминается Ильча, сын Султан Мухаммад-хан-уцмия. – АКАК, ч. II, с. 1074. Ильча вместе со своим братом Ахмад-багадуром правил после смерти отца не более года. При походе Тимура на Азербайджан в 1386 г. он находился уже при “султанах Кершасибе”, т.е. ширваншахе Ибрахиме Дербенди (1382-1417).

Примерно с 1385 г. упоминается Бек-Киши-хан-уцмий сын Султан Мухаммад-хан-уцмия – АКАК, т. II, с. 1074-1075. В родословной кайтагских правителей, список которой датирован шабаном 1287 г.х. (октябрь или ноябрь 1870 г.) указывается, что Бек-Киши-хан (он же – Уллубий) имел сына по имени Амир-Шамхал, который стал уцмием после смерти отца; а после Амир-Шамхала будто уцмием стал его сын Султан Ахмад-бек (История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков. – Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 41 (на азерб. яз.), л. 61 (русс. пер.)). Бек-киши-хан правил примерно с 1385 г., а Султан Ахмед стал уцмием примерно через 200 лет, после 1580 г., т.е. сын первого не мог быть отцом второго. Из-за неясности и неточности сведений имя Амир-Шамхала мы не вносим в список уцмиев. По мнению Р.М. Магомедова, во второй половине XVI в. попеременно правили Амир-Шамхал и Хасан Али (Магомедов Р.М.

така), но мы принимаем во внимание сообщение ал-Масуди (см. ниже). Возможно, Салифан не имя собственное, а титул правителя.

Салифан, малик Джидана (Хайдака), 332/943 г. (Macoudi. *Les Prairies d'or. Texte et traduction par B. de Meynard et P. de Courteille*, t. II. Paris, 1863, p.39; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 202: Приложение III. Масуди о Кавказе). У ал-Масуди Салифан – это титул правителя Джидана, но еще Доссон доказал, что последнее слово – это неточное описание страны Хайдак (D'Ohsson. *Des Peuples du Caucase*. Paris, 1928, p.20).

Принимая во внимание, что Салифан – это титул правителя, мы предполагаем, что под 916 и 943 гг. упоминаются разные лица.

Р. в. м., эмир Хайдака, рамадан 456/август 1064 г. (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 75 (русск. пер.), с. 26 (араб. текст). Варианты имени – Б. рум, З. м. з. м. По мнению В.Ф. Минорского (с. 75), “возможно Пируз”.

В конце XIII или же в начале XIV в. упоминается Ах. с. б. р., сын Хиздана (вар.: Хиздар), владелец (сахиб) Калакорейша. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 1. Надпись X-XVII вв./Тексты, пер., комм., введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1966, с. 112; Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 146, рис. 50. Б.А. Дорн считает, что речь идет о “владельце крепости или замка” (Дорн Б.А. Отчет об ученом путешествии по Кавказу и южному берегу Каспийского моря. СПб., 1894, с. 278), но Л.И. Лавров поместил имя Ах. с. б. р. в списке кайтакских правителей (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. Надписи XVIII-XX вв./Тексты, пер., комм., введ. и прилож. Л.И. Лаврова. М., 1968, с. 157).

В последней четверти XIV в., но не позднее 1385 г., мы уже встречаемся с термином уцмий. Это Султан Мухаммад-хан-уцмий, сын Бек-киши-хана. – АКАК. Тифлис, 1868, т. II, с. 1074. Султан Мухаммад-хан-уцмий скончался незадолго до похода Тимура на Азербайджан, имевшего место в 1386 г. А.Е. Криштопа отмечает, что уцмий Султан Мухаммад скончался в начале XIV в. (Криштопа А.Е. Политическое развитие Дагестана в XIII-XIV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1981, с. 3, 9, 12).

До 1385 г. упоминается Ильча, сын Султан Мухаммад-хан-уцмия. – АКАК, ч. II, с. 1074. Ильча вместе со своим братом Ахмад-багадуром правил после смерти отца не более года. При походе Тимура на Азербайджан в 1386 г. он находился уже при “султанах Кершасибе”, т.е. ширваншахе Ибрахиме Дербенди (1382-1417).

Примерно с 1385 г. упоминается Бек-Киши-хан-уцмий сын Султан Мухаммад-хан-уцмия – АКАК, т. II, с. 1074-1075. В родословной кайтагских правителей, список которой датирован шабаном 1287 г.х. (октябрь или ноябрь 1870 г.) указывается, что Бек-Киши-хан (он же – Уллубий) имел сына по имени Амир-Шамхал, который стал уцмием после смерти отца; а после Амир-Шамхала будто уцмием стал его сын Султан Ахмад-бек (История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков. – Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 286, л. 41 (на азерб. яз.), л. 61 (русс. пер.)). Бек-киши-хан правил примерно с 1385 г., а Султан Ахмед стал уцмием примерно через 200 лет, после 1580 г., т.е. сын первого не мог быть отцом второго. Из-за неясности и неточности сведений имя Амир-Шамхала мы не вносим в список уцмиев. По мнению Р.М. Магомедова, во второй половине XVI в. попеременно правили Амир-Шамхал и Хасан Али (Магомедов Р.М.

Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-нач. XX вв. Махачкала, 1957, с. 203).

Афанасий Никитин называет в 1466 г. "Алильбека, князя Кайтаческого", шурина ширваншаха (Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1960, с. 28-29). По мнению Л.И. Лаврова, это Халил-бек (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157).

1535 (возможно, 1525) – год первого упоминания Шамхал Амира (Айтберов Т.М. Источники по социальной структуре Дагестана XIV-XVII вв. - Дисс. ... канд. истор. наук. Рукопись. Л., 1977 (со ссылкой на источники). В списках "Родословной..." отцом Шамхала назван Уллубий, сын эмира Султан Мухаммада (АКАК, т. 2, с. 1072; Айтберов Т.М. Аноним, с. 64). В надписи из Шиназа упоминается Шахрух-Мирза (Л.И. Лавров - Шах-Рух) ал-Кайтаги, завоевавший Шемаху в 942/1535 г. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа., ч. 2, с. 81. В записи Малиджа, сына Рамазана из Рутула имеется дополнение о том, что в 942/1535-36 г. Шахрух Мирза ал-Кайтаки занял престол (Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. - Уч. записки Института ист., яз. и литературы Дагфилиала АН СССР. Сер. истор. Махачкала, 1963, с. 180, 181). Вполне возможно, что Амир-Шамхал и Шахрух Мирза ал-Кайтаки поддерживали друг друга. Шахрух Мирза ал-Кайтаки, по предположению Л.И. Лаврова, "возможно, до событий 1536 г. ... проживал в Кайтаге". Шахрух Мирза ал Кайтаки - это ширваншах Шахрух, сын Фаррух-Йассара, правивший с 1535 (или 1536) по 1538 г. (Dorn B. Beitrage zur Geschichte der kaukasischen Lander und Völker aus morgenlandischen Quellen. 1 - Versuch einer Geschichte der Schirwanschache. S. 597). Халилулах и Бурхан-Али-

Султан (или Бурхан-Мирза) также длительное время пребывали среди кайтаков (Dorn B. Beitrage... S. 600; Эфендиев Октай. Азербайджанское государство Сефевидов. Баку, 1981, с. 89).

В 1580 г. впервые упоминается Хасан Али-уцмий (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX века. Махачкала, 1957, с. 203. Источник не указан. По А. Бакиханову, Хасан-Али-уцмий отец Султан Ахмад-уцмийа.

Сыном Хасан-Али-уцмийа был Султан Ахмад-уцмий (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 88; Магомедов Р.М. Общественно-экономический строй..., с. 203-204; Эпиграфические памятники Северного Кавказа..., ч. 2, с. 157). Он правил после 1580 до 996/1588 г. У Л.И. Лаврова указан просто XVI в.

В 996/1588 - 1005/1596-97 г. правил Хан-Мухаммад, сын Султана Ахмад-уцмийа (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 88; Эпиграфические памятники Северного Кавказа..., ч. 1, с. 153). Хан-Мухаммаду приписывается основание селения Маджалис, впоследствии столица Кайтагского уцмийства (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 88).

В пределах примерно 1596 или 1597 и не позднее 1601 или 1607 г. встречается имя Амир-Хамза-уцмийа сына Султана Ахмад-уцмийа (История происхождения рода уцмиев и кайтагских беков, л. 41 б (на азерб. яз.), л. 61 (русс. пер.). Хроника эта упоминает ракамы, выданные в 1003/1594-5 и 1016/1607 гг. шахом Аббасом II (1587-1629) на имя Амир-Хамзы (л. 41б, 61). Как сообщает А.А. Рахмани, на основе сочинения Искендера Мюнши, в 1607 г., по завоевании Дербента, "Аббас I уладил отношения с правителями Дагестана Рустам-ханом Дагестани, Масум-ханом Табасарани,

Уцмий-ханом Кайтаги, Али-ханом Захори" (Рахмани А.А. "Тарих-и алам арай-и Аббаси" как источник по истории Азербайджана. Баку, 1960, с. 111). Одновременное упоминание Рустам-хана Дагестани и Уцмий-хана Кайтаги говорит, на наш взгляд, об отсутствии единства в династии уцмиев. Но первое место занимал, очевидно, Рустам-хан, названный Дагестанским. По А. Бакиханову, Аббас I "послал приличные подарки Рустем-хан-уцмию" (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 96). А.С. Омаров и Р.Г. Маршаев датой смерти Амир-Хамзы, дяди будущего уцмий Рустам-хана, называет 1588 г. со ссылкой на данную хронику, но в хронике дата не отмечена (Омаров А.С., Маршаев Р.Г. "Постановления" Рустам-хана как источник по истории Кайтака XVII в. - Уч. записки ИИ-ЯЛ. Махачкала, 1960, т. 7, с. 169).

Мы располагаем некоторыми сведениями о Рустам-хан-уцмие сыне Мухаммад-хана - 1601 (?) - не ранее 1645 г. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157. Л.И. Лавров годами правления Рустам-хан-уцмий считает 1601-1638 гг. Первая дата подтверждена ссылкой на М.К. Ковалевского (Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. т. 2, с. 234), который указывает на источник - ... в конце хранящейся в Дербенте рукописи значится, что "после смерти отца своего Хан-Магомед-уцмий он вступил во владение Кайтагом, что случилось в 1601 г., умер же он в начале 1631 г. Рустам-хан получил две грамоты от Шах-Аббаса персидского в 1609 и 1610 гг., а третью - от Шах-Сафия в 1629 г.". Все же 1601 г. взят условно. По Р.М. Магомедову, Рустам-хан начал править примерно с 1600 г. (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй в Дагестане, с. 204). Однако всем известно, что в 1606 или 1607 г. Рустам-хан был уже уцмием Кайтака (Аббас-Кули-

Ага Бакиханов. Полистан-Ирам, с. 95/96, 98; Рахмани А.А. "Тарих-и алам арай-и Аббаси" как источник по истории Азербайджана, с. 111). Bellan. Chah Abbas I. Paris. 1932, p. 164.

Как известно, с открытием Волго-Каспийского торгового пути в товарообмен Руси с Востоком включились феодалы Дагестана. Важную роль играла сухопутная дорога Астрахань-Терский городок-Тарки-Дербент. Активное участие в 20-х гг. XVII в. принимали представители шамхала Сурхая и Ильдара Тарковско-го, доставлявшие товары в Москву. Купчины уцмий Кайтагского (Рустам-хан) также привозили в Москву свои товары. В 20-х годах один из кайтагских беков прислал в Терский городок на продажу 30 кулей пшеничной муки (Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией... М., 1963, с. 297-299).

Кайтагский правитель успешно пользовался условиями торговых сношений того времени: при провозе товаров по "Дагестанской дороге" на Дербент и обратно в Терский город и в Астрахань платили пошлину феодалу, через владения которого проезжали купцы. Так, в 1630-х гг. "в Тарках пошлину брал шамхал Ильдар, поскольку южнее ее требовал буйнакский владетель Бий-Багомад, далее в Кайтагской земле пошлину брал уцмий Рустам-хан, но претендовал на ее взимание и его брат Чукук" (Кушева Е.Н. Указ. соч., с. 301-302; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII вв. Составитель Р.Г. Маршаев. М., 1958, т. 1, с. 105, 114, 125 и 126).

Мнение о том, что 1638 г. был последним годом правления Рустам-хана, не подтверждается источниками. Рустам-хан-уцмий был смещен около 1645 г. Аббасом II (1642-1667). В 1645 г. уцмием уже был племянник Рустамхана Амирхан-султан (Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв.: Документы

и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958, с. 182, 185 (№ 78); Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. М., 1963, с. 322 (со ссылкой на "Кумыкские дела", 1645г. и на сборник документов и материалов "Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII вв."); История Дагестана. М., 1967, т. 1, с. 273. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1975, с. 178; О нем: Путуридзе В.С. Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии. Тбилиси, 1961, вып. 1, кн. 1, с. 11; Русско-дагестанские отношения..., с. 63-66; 169-171; Айтберов Т.М. Аноним, с. 64, 68, 69. В 1634 г. упоминается "брат" уцмья Рустамхана Чучук (Русско-дагестанские отношения, с. 126). Годы правления Амир-хан-уцмья 1645 – не ранее 1659-60 гг.

Л.И. Лавров временем правления "Амир-хана сына (?) Рустам-хана считает 1645 -1651 гг. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157). Амир-хан был назначен Аббасом II (1642-1667) уцмием примерно в 1645 г. (Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией, с. 332; Русско-дагестанские отношения XVII - первой четверти XVIII вв., с. 182). Однако власть Амир-хана-уцмья распространялась только на Нижний Кайтак, в то время как Верхний Кайтак оставался в руках Рустам-хана-уцмья (Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений..., с. 180-181). В 40-х годах XVII в. уцмийский дом фактически разделился на две линии - Маджалисскую и Янгикентскую, и каждый дом выдвигал на должность уцмья своего представителя (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 99). Иногда, в связи с внешними вторжениями, Кайтак имел двух уцмиев. Так случилось, что в середине 40-х годов XVII в., когда

шахской грамотой был утвержден в уцмийском достоинстве Амир-хан, а Рустам-хан продолжал считать себя законным уцмием. Рустам-хан обосновался в Калакорейше, а Амир-хан в Башлы.

Согласно родословной кайтакских уцмиев, после смерти Рустам-хана, уцмием стал его старший сын Амир-Хамза-бек. (История происхождения рода уцмиев и кайтакских беков, л. 416, 61), т.е. родословная не признает “незаконного” уцмий Амир-хана.

Год смерти Амир-хан-уцмий точно не устанавливается. По Л.И. Лаврову, он правил до 1651 г., однако Амир-хан-султан оставался в Нижнем Кайтаке еще во время и после антииранского восстания народов Дагестана 1659-1660 гг.

Мухаммад Тахир Аббас Казвини в “Аббас-наме” рассказывает об активном участии Уллубия сына Рустам-хан-уцмий в антииранском восстании 1659-1660 гг. И борьбе против Амирхан-Султана (Хрестоматия по истории СССР. XVI-XVII вв., с. 685-689). В 1665 г. Уллубий (“Улу-бек-хан”) правил еще в Кайтаке (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157 - со ссылкой на турецкое издание Эвлия Челеби, т. 7, с. 796-797). В родословной кайтакских уцмиев он назван “Уллубий-мирза”.

Когда в 1100/1688-89 г. Хусейн-хан, единственный оставшийся в живых потомок разгромленной маджалисской линии уцмиев, ставший кубинским ханом и сальянским ханом, подчинил Башлы, то уцмием в это время был Али-Султан (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 100-101). В памятных записях на полях рукописей иногда имя этого уцмий встречается. Так, в сел. Усиша Акушинского района на полях рукописи “Ал-Хисн ал-хасин”, принадлежавшей Магомеду Галбецову имеется запись: “пришли рафизиты в Баршли во время Алу Султана в 1100 году”, т.е. в 1688-

1689 гг. Год его смерти 1696 отмечен в ССКГ, т. 2, с. 8 (Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений..., с. 202).

Согласно А.-К.Бакиханову, Амир-Хамза был утвержден в звании уцмийа шахом в 1107/1696 г. и правил Кайтаком более десяти лет (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 101). Родословная кайтагских уцмиев также сообщает об утверждении Амир-Хамзы сына Рустам-хана уцмием от имени шаха Хусейна в 1107/1695-1696 г. (История происхождения уцмиев и кайтагских беков, л. 61). После этого он был свергнут Ахмад-ханом сыном Хусейн-хана, представителем Маджалисской линии, назвавшим себя уцмием. Амир-Хамза бежал "в верхние магалы, и, спустя несколько лет, умер". Согласно хронографу, обнаруженному нами в сел. Кишша Дахадаевского района, Амир-Хамза уцмий умер в 1122/1710-1711 г. Через два года после смерти Амир-Хамзы, Ахмад-хан сын Уллубий-уцмийа, сына Рустам-хана, овладел Башлы и частью Кайтака. Ахмад-хан сын Хусейн-хана удалился в Маджалис, где был убит одним из нукеров по указанию Ахмад-хана сына Уллубия (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 101).

Согласно родословной (л. 62), Ахмад-хан был сыном не Уллубий-уцмийа, а Амир-Хамзы сына Рустам-хана. Р.М. Магомедов поддерживает эту точку зрения.

Ахмад-хан сын Хусейн-хана (см. выше) до 1706 г. был уже уцмием и правил ранее 1711-1712 гг., сначала в Нижнем Кайтаке, в Башлы, затем - в Верхнем Кайтаке, в Маджалисе.

Ранее 1710-1712 гг. и в 1749 или 1750 г. встречается имя Ахмад-хана сына Уллубий-уцмийа. Л.И. Лавров в таблице правителей Кайтака указывает "1698-99 - 1735 - Ахмад-хан" (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 157). Очевидно, это не годы правления,

а годы, под которыми упоминается Ахмад-хан. Первая дата подтверждена Л.И. Лавровым со ссылкой на А.-К. Бакиханова. У А.-К. Бакиханова написано: “После смерти Али-Султана кайтакского уцмийа, вступил на его место Эмир-Гамза... Его сменил Ахмад-хан, сын Хусейн-хана, а затем Ахмад-хан, сын Удлубия”.

Это было, по А.-К. Бакиханову, в 1123/1711-1712 г. Эту дату мы условно принимаем за начало правления Ахмад-хана. Значит, дата 1698-1699 не обоснована. Более обстоятельно Л.И. Лавров пишет в примечаниях к надписи – эпитафии на могиле Ахмад-хана: “В документах его имя встречается в 1718-1735 гг. ...Из надписи узнаем год его смерти. Таким образом, правление Ахмад-хана приходится на время не позже 1718 и на 1737 г.” (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 2, с. 133). Указанием на 1718 год мы обязаны сочинению А.И. Лопухина “Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г.”, где упоминается “уцмийский Агметь хан” (История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.: Архивные материалы (Под ред. М.О. Косвена, Х.-М. Хашаева. М., 1958, с. 15).

Выше уже указывалось, что в “Гюлистан-ираме” первое упоминание Ахмад-хана отнесено примерно к 1712 г. (Это же и приблизительное время получения уцмийства). Родословная кайтакских уцмиев (л. 62) сообщает, что первый фирман от имени сефевидского шаха Хусейна I (1666-1694) Ахмад-хан получил в 1122 г. х., т.е. в 1710-1711 г. Таким образом, время между 1710 и 1712 гг. можно считать началом правления Ахмад-хана. Год 1735 также не является годом последнего упоминания. В родословной кайтакских уцмиев (л. 63) сообщается о фирмане турецкого султана Махмуда I (1730-1754) на имя Ахмад-хана-уцмийа в 1156/1743-1744 г. и от имени афшара Ибрахима в 1162/1748 г.

1737 г. назван Л.И. Лавровым годом смерти Ахмад-хан-уцмия ошибочно. Причиной тому неточное чтение надписи. Л.И. Лавров издал (по прописи Б.А. Дорна) текст эпитафии на могиле Ахмад-хана следующим образом:

Сахиб хаза-л-кабр Ахмад-хан, аллази хаана фи мулк. Санат хамсин ва миа ад-мухаррам. С соответствующим переводом: "Обладатель этой могилы Ахмад-хан, который имел успех в царстве. Дата: сто пятидесятый год, в мухарамме" (Эпиграфические памятники Северного Кавказа..., ч. 2, с. 54). Однако прорисовка Б.А. Дорна дает возможность иного, более точного чтения. В 1972 г. во время пребывания в Калакорейше мы ознакомились с эпитафией на месте. В действительности текст надписи выглядит следующим образом (рис. 46):

Сахиб хаза-л-кабр Ахмад-хан аллази бакийа фи мулк хамсина сана ва мата фи-л-мухаррам ат -тарих 1163. "Хозяин этой могилы Ахмад-хан, который оставался в государстве (мулк) (в течение) пятидесяти лет и умер в мухарамме 1163 г.". Мухаррам 1163 г.х. падает на время от 11 декабря 1749 г. до 9 января 1750 г. Таким образом, датой смерти Ахмад-хана следует признать не 1737, а декабрь 1749 или начало января 1750. Поэтому Р.М. Магомедов был прав, когда писал, что в 1747 г. Ахмад-хан освободил Дербент от персидского гарнизона (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с. 238).

Указание надписи о том, что Ахмад-хан правил 50 лет, создает нам еще одну трудность: получается, что он начал править в 1700 г., что не совсем согласуется с приведенными выше данными. Не совсем ясным остается сообщение местной хроники о завоевании Ардебилля "войсками уцмия Ахмед-хана в 1099/1687-1688 г."

У П.Г.Буткова, в связи с событиями 1752 г. (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч.1, с.239), находим единственное упоминание “Усми Магомета”. У Ахмад-хана был сын по имени Мухаммад-бек, может быть, о нем и идет речь. Согласно родословной кайтакских уцмиев (л. 64) после смерти Ахмад-хана уцмием стал не его сын Мухаммад-бек, а внук Амир-Хамза сын Мухаммад-бека. Может быть, из-за “незаконности” занятия престола он не назван в надписи-эпитафии уцмием: “Скончался эмир знаменитый Амир-Хамза-усмий б.Хан Мухаммад б.Ахмад-хан-усмий” (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с.91).

Л.И.Лавров (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с.392) со ссылкой на П.Г.Буткова (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с.392) упоминает в связи с событиями 1752-53 г. “каракайтагского Казим-хана”.

Далее мы можем назвать Амир-Хамза-уцмия сына Хан-Мухаммада (Мухаммад-бека) сына Ахмад-хан-уцмия.

Согласно родословной уцмиев (л. 64), после смерти Ахмад-хана уцмием стал его внук Амир-Хамза, но сведения эти не согласуются с данными об “Усми Магомете” и “каракайтагском Казим-хане”. У П.Г.Буткова имя Амир-Хамза упоминается, как это отметил Л.И.Лавров, под 1765 и 1774 годами (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869, ч.1, с.250; ч.2, с.13, 14). Р.М. Магомедов считает, что Амир-Хамза в 1752 г. был уже уцмием (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, с.240), но это основано, как нам кажется, на неточном толковании текста документа, приводимого П.Г.Бутковым. В этом документе упоминается имя Амир-Хамзы, но сообщается о событиях,

имевших место раньше, в 1752 году, когда, из уцмийства часть жителей бежала в Эндери (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч.1, с. 255). Что касается времени смерти Амир-Хамзы, то Л. И. Лавров указывает на 1211/1806-1807 г. Это противоречит всем последующим данным, согласно которым до 1807 г. после Амир-Хамзы правило еще 6 уцмиев). Ссылаясь на рисунок Б.А.Дорна, Л.И.Лавров следующим образом читает текст на надмогильной плите из Калакорейша (рис. 50, 51, 52):

Тувуффийа ал-эмир аш-шахир Амир Хамза-усми б.Хан-Мухаммад б.Ахмад-хан-усми. Гафара (Аллах лахума). 221.

“Скончался эмир знаменитый Амир-Хамза-усми б.Хан-Мухаммад б.Ахмад-хан-усмий. Да простит (их Аллах). 221”.

Последняя дата была исправлена на 1122 год, что и соответствует 1806-1807 г. Однако было бы правильным предположить, что при снятии копии осталась незамеченной точка и вместо 1202 была зафиксирована цифра 122, легко воспринятая за 1221 г. 1202 год же соответствует 1787-1788 г. Правильность такого чтения подтверждается записью хронографа на арабском языке: “Эмир-Хамза-усми скончался в селении Берикай в ночь вторника 17 джумада ал-ахир (25 марта 1788) и похоронен в Калакорейше близ могилы его брата Султана в 1202 г.” (Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 128).

Г.Алкадари ошибочно указывает (без ссылки на источник), что Амир-Хамза-уцмий скончался в 1199/1785 г. (Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. /Пер. Али Гасанова. Махачкала, 1929, с.86).

В памятной записи из сел. Кутиша, обнаруженной Т.М.Айтберовым, сообщается, что в 1217/1802-03 г. скончался “Мамма-усуми”. Имя это упоминается так-

же у С.Г.Гмелина, писавшего в 1774 г. о сыновьях уцмий Ахмед-хана Амир-Хамза Дустер-хане и Султане. "Первый есть теперешний исмей... Теперешний исмей владеет далеко не всей областью своего отца, но должен был уступить большую ее часть своим братьям и сыновьям сестер... Умершему брату исмея, Султану, достались селения Маджалис, Подар, Тотлар и Гударах, которыми теперь также управляет исмей из-за несовершеннолетия Мамма, сына своего брата" (Лавров Л.И. Эпиграфические памятники, ч.2, с. 138). Упомянутый здесь Султан, родной брат кайтагского уцмий Амир-Хамзы, скончался около 1764 г. (Лавров Л.И. Эпиграфические памятники, ч.2, с.62). Его сын Мамма назван в 1774 г. уцмием, но за малолетством (ему было более 10 лет) за него управлял его дядя Амир-Хамза. Стало быть, часть земель уцмийства находилась (в данном случае условно) во владении юного представителя маджалисской линии, также названного уцмием. "Мамма-усуми" сыну Султана, умершему, как указано выше, в 1217/1802-03 г., было уже около 40 лет. О его взаимоотношениях с Рустам-ханом сыном Алибека, вторично ставшим уцмием (1801/1804), нам пока неизвестно.

После смерти Амир-Хамзы уцмием на правах старшего стал не его сын Али-бек, а брат Устар-хан, но он скончался через несколько дней после утверждения уцмием (Родословная кайтагских уцмиев, л. 65). У Л.И.Лаврова Устар-хан указан и под 1791 г. со ссылкой на "Асари Дагестан" Гасана Алкадари (с.90). Мы останавливаемся на 1789 г. Таким образом Устар-хан сын Хан-Мухаммада, правил с 1788 или 1789 – примерно до 1789 г.

"Усми Али-бек" сын Амир-Хамзы неоднократно упоминался в 1795 г. в материалах, изданных П.Г.Бутковым (Бутков П.Г. Материалы для новой истории

Кавказа, ч.1, с.83; ч.2, с.349; Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с. 158). Как сообщает обнаруженный нами хронограф из сел.Мекеги, “скончался благородный эмир Али-бек уцмий в /месяце/ зул-када 1210 г. и в дни его смерти русские вошли в крепость Баб ал-абваб”. Зул-када 1210 соответствует времени между 5 мая и 6 июня 1796 г. Как сообщает П.Г. Бутков, “28 числа (апреля 1796 г.) войска Зубова прибыли к речке Гамри-Озень, во владения уцмий каракайтаского. Сей владелец лежал тогда на смертном одре и 13 или 14 мая умер, а сын его Мамабек или Рустам ему наследовал” (Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, ч.2, с.37). Так как Дербент был взят графом Зубовым 10 мая 1796 г. (Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 169), то к этому времени и можно отнести смерть Али-бека. По Г. Алкадари, уцмий Али-бек скончался в 1209/1795 г. (Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан, с.91).

Ему наследовал, по всей вероятности, его сын Рустам-хан (май 1796 -лето 1800). (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с.157-158 – со ссылкой на П.Г.Буткова, ч.2, с.375, 408, 454, 505; ч.3, с.323; Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1. Махачкала, 1940, с.52, 66, 70-73, 75-78, 82-83). Рустам-хан в 1776 г. был уже уцмием (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с.144; История Дагестана, т.1, с.169). В 1799 г. уцмий Рустам был принят в подданство России (Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, с.58).

В родословной кайтагских уцмиев имя уцмий Рустам-хана не упомянуто. Там указано, что уцмием после Али-бека стал его брат Ради-бек, а после него - другой брат – Мама-бек (там же, л.66).

Последнее упоминание имени Рустама сына Али-бека Л.И. Лавров относит к 1800 г. (Эпиграфические

памятники Северного Кавказа, ч.2, с.158). Видимо, имеется в виду посольство к Павлу I от имени Рустам-хана в 1800 г (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 151). Однако, как сообщает П.Г.Бутков, "Для поздравления императора Александра со вступлением на престол", т.е. в 1801 г. присланы были... посланцы", в том числе "уцмия Рустам-хана и правителя той области Радый-хана" (Бутков П.Г. Материалы ч.2, с.504-505). Рустам-кади был лишен уцмийского достоинства (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с.243, со ссылкой на "прошение каракайтакского народа императору Александру I от 12 июля 1801 г. об утверждении вновь избранного уцмия Ради-хана" - Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, с.72-73).

Правление Амир-Ради-уцмия (усуми) сына Амир-Хамза-уцмия сына Хан-Мухаммада было недолгим (1800-1801) (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с.157-158). По мнению Р.М.Магомедова, Ради-хан был назначен уцмием в 1801 г. (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй..., с.243, 307). Ради-хан уцмий скончался, судя по надписи на могильном камне, в 1218/1803-1804 г. ("Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с.89). Если учесть сообщение местной хроники о том, что Ради-хан скончался в месяце зу-л-хиджа, то это падает на время между 13 марта и 11 апреля 1804 г.

В 1801 г. на коронации Александра I были послы как Рустам-уцмия, так и Ради-уцмия. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с. 157). Последующие сообщения свидетельствуют о том, что Рустам-уцмий вскоре опять стал уцмием. По сообщению родословной кайтакских уцмиев (л.66), после смерти Ради-хана уцмием стал сын Султан-бека и брат Амир-Хамзы Мама-бек.

В 1801-1804 гг. уцмийство перешло (уже вторично) в руки Рустам-хана, сына Али-бека (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с. 158). Как пишет Х.О. Хашаев, Рустам-хан скончался в 1804 г. (Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961, с.39). Дата эта не подтверждена ссылкой на источник. С.Броневский пишет: "По смерти коварного Уцмия Омир-Омзы наследовал Рустам-хан, умерший в 1802 г." (Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч.2, с.312). А.-К. Бакиханов после сообщения о событиях "3 сентября 1219 г." (1805) пишет, что "около этого времени умер Рустам-хан-уцмий" (Аббас-Кули-Ага Бакиханиов. Гюлистан-Ирам, с.153). Однако 1805 год написан ошибочно, ибо "3 сентября 1219 г." соответствует 1804 г. (Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М.-Л., 1961, с.250). Г. Алкадари считает, что Рустам-хан сын Султана, сына Мухаммед-хана, сына Охмад-хана умер в 1290/1805 г. (а уцмием после него стал Али-хан сын Устар-хана (Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан, с. 107).

В 1804-1809 гг. уцмием был Али-хан сын Устар-хана. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с. 158). В июле 1906 г. "Кирхляр-Кули-Масум и Магомед-кадий табасаранские и Али-хан усмий кайтагский, находились... в повиновении" России (Аббас-Кули-Ага Бакиханов. Гюлистан-Ирам, с. 157-158). Как утверждает Х.О. Хашаев, Али-хан управлял Кайтагом до 1809 г. (Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с.39). Ни у Л.И. Лаврова, ни у Х.О. Хашаева ссылка на источники не дается.

Другой сын Устар-хана, Адил-хан (1809-1819) наследовал Али-хану. (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч.2, с. 158).

20 января 1820 г. Ермолов объявил об упразднении уцмийства, но в 1838 году генерал-лейтенант Фези восстановил уцмийство, поручив управление Верхним Кайтаком Джамав-беку сыну Адил-хана (Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с.39). Согласно хронике, обнаруженной нами в Цудахарской мечети, Адил-хан был убит в 1237/1821-1822 г. Джамав-бек с 1838 г. правил в Верхнем Кайтаке, а в 1843-1857 г. ему подчинился весь Кайтак (Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с.39).

Последним правящим уцмием стал Ахмад-хан-бек сын Джамав-бека (1856-1860).

В 1860 г. образована Дагестанская область, а в ее составе Кайтаго-Табасаранский округ. 1865 г. - ликвидация ханской власти в Дагестане. (Хашаев Х.-М. Общественный строй..., с. 67).

Примечания

1. Шихсаидов А.Р. Материалы по хронологии кайтакских уцмиев. - В кн.: Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986, с. 135-146.

МАХМУД ИЗ ХИНАЛУГА
СОБЫТИЯ В ДАГЕСТАНЕ И ШИРВАНЕ
XIV - XV вв.

(Перевод с арабского, комментарии
А. Р. Шихсаидова. Махачкала, 1997)

Он – Аллах всевышний. Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Скажи: Он, Аллах – един.

Копия, верная с подлинным.

Хвала Аллаху, творцу...

Это – заслуживающий доверия аргумент и доказательство на будущее, рассказывающее о причинах возникновения конфликта между Илчав Ахмад-беком¹ и Алибек Киши-ханом² сыном Султан Мухаммадхана³, усуми⁴ вилайата Кайтаг⁵ и о выходе Илчав Ахмада не по своей воле из крепости Курайш⁶ и Кайтага в область (иклим) Ширван⁷. Потомки его и поныне остались в этом государстве.

Алибек-хан и Илчав-бек – сыновья Султана, сына Султан Мухаммад-хан-усуми, а Султан Мухаммад – сын Беккиши-хана; Алибек-хан – сын Илчав Ахмадхана; Илчав Ахмад-хан – сын Улубекхан-усуми из рода в род наследственно вплоть до сегодняшнего дня управляют вилайатом Кайтаг в Дагестане. По отцу они происходят от Аббаса⁸, по матери – от Хамзы⁹.

Это рассказ о том, как произошел конфликт между двумя братьями. Конфликт между эмиром эмиров (эмир ал-умара)¹⁰ Беккиши-ханом и опорой великих эмиров Илчав Ахмад бахадуром¹¹ начался в день, когда скончался их отец Султан Мухаммад-усуми. С одной стороны, собралась большая группа людей, чтобы поддержать Илчав Ахмад-бахадур в вопросе о взятии управления в свои руки. Другие роды (кабаил)¹² поддерживали Беккиши-хана. Между ними возник спор по вопросу об управлении, произошло несколько столкновений (китал). Войска Илчав Ахмад-бека одержали победу над войсками Беккиши-хана. Упомянутый Беккиши-хан отправился в поисках поддержки к шамхалу¹³, дяде со стороны матери, учитывая родственные с ним отношения со стороны своей матери, прося у него войска, чтобы утвердиться во власти надежно (фи-л-хал ва-л-мал).

Вместе с ним (Беккиши-ханом) пришла большая группа людей из людей (кабаил) шамхала. Эмир Илчав-бахадур нашел, что сопротивление - дело тщетное, и вышел этот эмир, выводя вместе с собой своих слуг (хадама)¹⁴ и рабов (абаид)¹⁵ из крепости Курайш (в) Кайтаге, и явился к славному дяде по матери (хал) Султану Гершаспу (Кершасиб)¹⁶, вали Ширвана. Султан Гершасп возгордился тем, что предоставил убежище Бахадур-хану, оказал ему почет (и уважение). Султан Гершасп отдал ему на содержание махалл Акда¹⁷ вилайата Ширван, исключая только селение Вардан, Йакублу и Сукутлу, которые и раньше до выхода из Кайтага были в его распоряжении (тасарруф).

Эмир Илчав решил поселиться в селении (карйа) Салар-арди, в одном из селений своего владения (амал)¹⁸. Он купил еще раньше земли этого селения от его владельцев, имена которых можно перечислить в таком порядке: имя первого владельца (сахиб)¹⁹ Тад-

жахмад, второго – Нурали, третьего – Салих, (а также) Наркули Махаммадхусейн и другие жители указанного селения. Все это он купил законным путем (бибайсахих), чтобы заселиться там с охотой, благоустроил его, обосновался в нем.

У Илчав Ахмад-бахадур было четверо сыновей.

Рассказ о потомках Илчав Ахмад-бахадур и об их должностях, и о причине представления (такдим) этих мест.

Аллах - к нему обращаются за помощью.

Имя первого сына – Мухаммад-бек, у него сын – Орудж; от Оруджа – Ибрахим, и сын Алибек; от второго (то есть Ибрахима) – Афрасим-бек; (от) третьего (то есть Афрасим-бека) – Йасуф-бек; от четвертого (то есть Йусуф-бека) – Касим-бек. Мухаммад-бек отправился по приказу Султан Гершаспа и с согласия своего отца эмира Илчав Ахмад-бека править крепостью Ихир²⁰ в области (нахийа) крепости (!) Дакузпара.

Имя второго сына – Тимур-бек, прозванный Тимур-султаном, (а) Гершасп назвал его Тулу-беком. У него не было детей и скончался он, управляя одной крепостью области Ширван. Он был красивой внешности, но жесток. Однажды темной ночью он был убит выстрелом из лука - мир (ему). У него была сломана спина и род прекратился. А Аллах знает лучше.

Имя третьего сына Илчав Ахмад-бахадур Хамза-бек. У него было двое сыновей. Имя первого сына – Амир-бек, второго – Абдалхалил-бахадур. Их обоих род остался в Калхане, потому что Султан Гершасп отдал ему три селения (карийа) и Калхане: Исбик, Кр.дж. (К. х. р. дж.; Ф. х. р. дж.), Тулакаран. Хамза-бек отправился со своими детьми в этот район (махалл), где род его остался до наших дней.

Имя четвертого сына Илчав Ахмад-багадур – Абдалкадир-бахадур, у него родилось трое детей. Имя первого сына Кала-бек, второго сына – Кардаш-бек, третьего – Фарман-бек. Род его остался в городе (балда) Рустау, потому что Султан Гершасп отдал ему в управление район (махалл) Рустау. Другой сын Илчава, Абдал-кидир отправился вместе с детьми в это владение (мулк), поселился там. Потомки его продолжают управлять этим местом и поныне.

Рассказ о выступлении эмира сахибкирана эмира Тимур Гургана из области Ирак в Азербайджан и торжественном шествии во владение (мулк) Карабага и Ганджа²¹ и о добровольном, без принуждения прибытии султана, сына Султан Гершасп-бахадур-хана к нему вместе с эмиром эмиров благородных, причисленных к роду высокопочитаемого дяди пророка Илчав Ахмад-бахадур вместе со слугами, и о походе (таваджжух) сахибкирана вместе с ними и о возвращении их обоих с разрешения благородного эмира во владения Ширван. Аллах - к нему обращаются за помощью.

Тимур, прозванный Тулу-беком, один из детей эмира благородных эмиров, эмира Илчавбека, отправился, по приказу Султан Гершаспа, в крепость Кабала (в) Ширване. Хамза-бек отправился в селение Исбик (в) Калхане, чтобы поселиться в нем, а Абдалкадир-бахадур отправился управлять участком (махалл) Рустау и остался при славном эмире Мухаммад-беке, и так продолжалось некоторое время.

Затем пришло известие о походе эмира эмиров сахибкирана эмира Тимур Гургана из Ирака в Азербайджан с целью завоевать земли Рума и торжественном приходе во владения (мулк) Карабага и Ганджа (и) в Чухур-ас-сул. Султан Гершасп²² был озабочен этим известием, потребовал Илчав-бахадур без промедления

явиться и посоветоваться. Когда тот явился, Гершасп рассказал о сути дела. Сын дяди, Султан Гершасп, ответил: "Тебе следует добровольно пойти к Тимуру в услужение". Тот сказал: "Я боюсь". И в продолжение сказал: "Я (тоже) пойду с тобой, если Аллаху будет угодно".

Они оба отправились вместе к эмиру сахибкирану на службу, предстали перед великим эмиром. Тот благосклонно принял их за то, что они прибыли на службу к нему добровольно, без всяких постов и посланий. Эмир сахибкиран сказал Султан Гершаспу:

"Я отдаю тебе управление твоим вилайатом, как это было и раньше, учитывая, что ты пришел на службу ко мне и в поисках убежища, без принуждения, без посылки послания". Затем он обратился к эмиру Илчав Ахмад-бахадuru, нашел его красивым, высокого роста юношей приятной наружности, редкой среди этих людей.

Тимур спросил Султан Гершаспа: "Кто этот молодой человек?" Султан Гершасп ответил: "Эмир сахибкиран! Это сын великого эмира Султан Мухаммад-хана, усуми вилайата Кайтак. У него был брат от сестры шамхала Кумука²³. У них из-за смерти отца возник конфликт из-за власти, а владение утвердилось при содействии шамхала за его братом. Тогда этот молодой человек ушел из привычного места жительства, крепости Курайш в Кайтаке ко мне, как к родственнику со своими слугами и рабами, а имущество его, мулки, земли (акарат) – все осталось у упомянутого брата". "А как его зовут?", –спросил Тимур. Тот ответил "Его имя Илчав Ахмад-бек". Тимур тогда сказал: "Я назову его Илчав-бахадур". Потом, обращаясь к нему, Тимур добавил: "Илчав-бахадур! Потерпи. Если Аллаху будет угодно, я вернусь из похода в Рум, тогда я позабочусь о тебе". Илчав-бахадур на это ответил: "О эмир сахиб-

киран. Я не хочу козней по отношению к своему брату, ибо козни – это деяния сатаны. Моя совесть подобна повести Йусуфа, сына Йакуба, что ниспослана о нем и о его братьях. И предпочитаю, чтобы Аллах рассудил между нами, ибо он – лучший из судей”. Тимур сказал: Да благословит тебя Аллах, о Илчав-бахадур”. Самое достойное дело – прощение”.

Эмир сахибкиран пошел на Константинополь и на владения его. Султан Гершасп же вместе с Илчав-бахадуром ушли с позволения Тимура в царство (мамлака) Ширван. И юноши жили вместе и (в) добром согласии вели дела владения и веры.

Это рассказ о мире между братьями Беккиши-ханом и Илчав-бахадуром по совету Султан Гершаспа и о назначении им великого эмира Мухаммад-бека сына Илчав-бахадура, при содействии его дяди вали Кайтака, – в крепость Ихир в Дакузпара и другие земли Дагестана, перечисление которых будет дано ниже в родословной – для охраны перевалов (кулал)²⁴, через которые своевольники (аджабира) Кумука и других земель Дагестана проникают (в Ширван) и (рассказ о том, что) его дети по сей день остались управлять этой крепостью. А Аллах знает лучше.

Во времена ширванских султанов жители Ширвана в летние дни боялись и тряслись от страха из-за своевольников Кумука и других разбойников (кутта ал-кафил), пока область не перешла к Султану Гершаспу, но и при нем значительное время прошло в упомянутом состоянии из-за тех же разбойников (кутта).

Однажды Султан Гершасп пригласил к себе Илчава и сказал ему: “О Илчав-бахадур, что ты скажешь о делах, если этот народ будет продолжать поступать подобным образом. Область же будет разрушена!” Илчав ответил: “Мой дядя Султан Гершасп! Как ты при-

кажешь (ал-амр амрука), как ты считаешь, так и будет”.

Султан заявил: “Упомянутые своевольники прибывают преимущественно по горным тропинкам (шавари ал-кулам) на глазах у жителей селений Ф.ва (Фия)²⁵, Мада²⁶, Ихир, Куруш, Хиналук²⁷. Поэтому я хочу послать в сторону врага (?) твоего сына Мухаммад-бека, чтобы, он управлял и установил справедливый порядок – в крепость Ихир, чтобы его помощники защитили указанные перевалы. Вот тогда перекрыватели проходов (кутта) будут наверняка сломлены и подчинены. Его слуги и рабы тогда будут сильной защитой жителей Ширвана. Дело за твоим согласием, о Илчав-бахадур”.

Илчав ответил: “Я согласен. Только нет гарантий от козней моего брата, правителя (вали) области Кай-так из-за вражды между нами”. Султан Гершасп сказал ему: “Не бойся? Если ты хочешь мира между вами вместо вражды, то я пошлю надежного посла с письмом с предложением о мире и забыть вражду”. Бахадур ответил: “Твоя воля, о Султан Гершасп”.

Тогда Султан Гершасп послал к Беккиши-хану доверенных послов с посланием следующего содержания:

“Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах, к нему обращаются за помощью. Ахмад-бахадур писал после слов, написанных по приказу Султан Гершаспа доброжелательно. Он сказал: “Брат мой, ты отдалил меня от себя, изгнал меня насильно на чужбину.

Мое сердце осталось при мне, моя любовь осталась на родной (в тексте: малуф) родине. Мое пожелание – чтобы ты и твой дядя шамхал согласились послать сына твоего Мухаммада, по приказу Султана Гершаспа управлять крепостью Ихир (в) Дакузпара, что в соседстве с твоей областью, чтобы охранять гор-

ные проходы, по которым своевольники (из) Дагестана проникают в страну. Мир тем, кто следует правильному пути”.

Письмо такого же содержания Султан Гершасп отправил с надежными послами (и) шамхалу. От Беккиши-хана прибыл ответ следующего содержания: “Брат мой, свет очей моих, свет в моих очах был в день, когда я взгляделся в твое лицо. Мое сердце обрело покой в тот день, когда был в услужении у тебя. Все это ушло в тот день, когда ты покинул меня.

Упущение во всем - мое, а прощение твое, о свет моих глаз. А затем. Что касается твоего известия, которое ты послал мне относительно Мухаммад-бека, чтобы послать его управлять крепостью Ихир - (в) Дакузпара для охраны горных проходов - то это благая весть для меня. Я принимаю все это, но при соблюдении следующих условий. Первое чтобы он послал своего сына ко мне на некоторое время; второе - чтобы издержки (хардж) по благоустройству крепости и (с) ее водами принадлежали мне для откупа из-за упущений мною по отношению к тебе. Третье - чтобы грамота содержала проклятие Аллаха тому, кто посягнет на управление этой крепостью и областью”.

Вскоре пришел ответ Беккиши-хана, и Султан Гершасп, ознакомившись с ним, приказал срочно составить грамоту о (правах) Мухаммад-бека на управление на условиях, предложенных Беккиши-ханом. Содержание послания:

“Во имя Аллаха милостивого, милосердного, Аллаха всевышнего. А затем. Я отдаю управление областью Дагестан, особенно Ахти²⁸, Дакузпара, Мискинджи²⁹, Микрах³⁰, Кура (Кюре)³¹, крепостью Хаккал-мака, Хиналук, Ф. ва (Фия), Мада, вместе с управлением крепостью Ихир, находящейся в этой области, эмиру благородных эмиров Мухаммад-беку, сыну великого

эмира, потомку рода славного дяди пророка, Омейяда, хашимита - молитва Аллаха над ними всеми - Илчав - бахадура с условием, пусть настигнет проклятие Аллаха, ангелов и всех людей того, кто отнимет после меня у него или у его потомков управление этой крепостью Ихир и упомянутой областью, так как я отдал ему и его потомкам управление этим участком (махалл) по наследству, из рода в род - мир тем, кто следует правильному пути, - и я посылаю его на службу к дяде в Кайтак".³²

Тот прибыл к своему дяде, который оказал ему почет и держал его при себе долго. Затем Беккиши-хан отправился с ним в крепость и упомянутую область для управления, чтобы склонить их жителей упомянутой области к службе своему племяннику (букв.: сыну брата) и проявить решительную политику, если они не подчинятся ему.

Они вместе отправились в указанные крепости, а жители этой области приветливо встретили их, подчинились их власти. Эмир, упомянутый (Мухаммад-бек), обосновался в крепости спокойно, наказал своевольников, и жители Ширвана стали жить в безопасности. С его согласия вернулся его дядя Султан Беккиши-хан-усуми в область Кайтак и крепость Курайш. Затем Мухаммад-бек женился в крепости Ихир на дочери одного из раисов этой крепости. Потомки его и по сей день управляют и главенствуют там. С Аллахом (и) удача и наказание.

Рассказ об именах потомков эмира благородных эмиров... (Мухаммад-бека) и об их (постоянном) пребывании в крепости Ихир и в других дагестанских землях

Имя первого сына Мухаммад-бека... Касим-бек.
(У) Касим-бека - трое сыновей, имя первого - Мухам-

мад-бек, второго – Амирхамза-бек, третьего – Хасан-бек; Хасан-бек отправился в селение Ахты, где жил с согласия своего отца. Аллах знает лучше.

Имя второго сына Мухаммад-бека – Алибек. У него – двое сыновей. Первый сын Махмуд-бек, второй – Аббас, Махмуд-бек отправился в селение Хина и стал эмиром этого селения. А Аббас отправился в Хиналук, его потомкам понравилось это селение и они остались в нем.

Имя третьего сына Мухаммад-бека – Афрасим-бек. Он был сильным, храбрым юношей, выдающимся человеком. У него было две дочери, а сына у него не было. Аллах лучше знает.

Имя четвертого сына Мухаммад-бека – Илчав Ахмад-бек. Управление крепостью было поручено ему. У него был один сын, имя его – Ибн йа'ин, прозванный Байджкун-бек еще при жизни (фи сиххат) отца, который назвал его этим известным именем, но тому что он был еще при жизни отца обладателем огромной, безграничной силы, полный благоразумия, храбрости – который отдал ему (то есть) сыну крепость. Народ полностью принял правление, то есть правление крепости (в) области, отданное еще при жизни упомянутого отца. Он построил в стороне крепости Ихир селение для невольников, из которых одного назначил раисом (над остальными) невольникам. А этот раис по имени Джакук был умным и красивым.

Рассказ о Байджкуме, сыне великого эмира из рода славного дяди пророка - Илчав Ахмад-бахадур

Имя первого сына Байджкун-бека – Али-бек. У Али-бека было трое сыновей. Имя первого – Хамза-бек, второго – Йусуф-бек, третьего – Йакуб-бек. Управление крепостью и областью утвердил за Хамза-бе-

ком; он (Хамза-бек) построил близ крепости селение из невольников, назвал его Х.к.дж.к. и отдал своим детям по мужской линии.

Имя второго сына Байджкум-бека – Тахмаз-бек. У него четверо сыновей, имя первого – Сарханг-бек, второго – Мухаммед-бек, третьего – Х.сур, четвертого – Аббас. Аббас-бек отпарвился в селение Мада, потомки его остались в этом месте управлять. Аллах к нему обращаются за помощью.

Имя третьего сына Байджкум-бека – Илчав Ахмад-бек, у которого было двое сыновей: Махрван-бек и Мухаммад-бек. Ахмад-бек направился со своими детьми в Мискинджа. Он стал из этого народа. Потомки его остались в этой местности. Аллах – (тот) к кому обращаются за помощью.

У Султан-бека, пятого сына Хамза-бека, было двое детей мужского пола: первый – Али-бек, второй – Марадж-бек. Упомянутый Али-бек попросил у вали Ширвана позволение переехать из вилайата Кура (Кюра) в Курах и стал жить в Курахе, а Мамрадж-бек построил селение в местности, известной под названием Мамрадж, во владениях Табасарана. Это селение до сих пор называется его именем.

Вышеуказанный Афрашим-бек, сын Байджкум-бека, остался жить в селениях, в крепостях, принадлежащих ему с правом передачи из рода в род.

Эти сведения взяты из родословной детей уцмия. Эту родословную утвердил шах Ширвана Султан Мухаммад в “Дополнение” к родословной.

Рассказ о потомках великого эмира...

Амирхамза-бека, сына Байджкум-бека, Хашимита, Курайшита

Имя первого сына Хамза-бека – Йусуф-бек, у которого двое сыновей: имя первого – Султан Мухам-

мад, второго – Бахадур-бек. Между братьями, сыновьями Йусуф-бека, начался конфликт, но потом они согласны отправились жить в Кайтаг, их обычную (букв. привычную) родину и их оба потомка остались (жить) в М. н. д. р.

Имя второго сына – Ахмад-бек. Управление крепостью вилайата было поручено (ему) после смерти отца. У него – двое сыновей, имя первого – Байджкум-бек, другого – Нураддин. У Нураддина не было сына, а у Байджкум-бека был один сын – Афрасим-бек. К нему (Афрасим-беку) перешло управление после Ахмад-бека.

Имя третьего сына – Манзур-бек, у которого семеро сыновей – Аббас, Тимур, Курхмас, Забин, Мухаммад-бек, Нураддин, Абдалкадир, Манзур-бек – отправился со своими детьми в Хачмаз Ширвана, обосновался там, где потомки его остались навсегда.

Имя четвертого сына – Афрасим-бек, его сын – Ибрахим, а у него – двое сыновей – Дервиш-бек и Мирза-бек. Они оба отправились в Куба, обратились с просьбой к правителю (вали) Ширвана выделить им место близ селения Ихир, обосновали там селение, назвав его Зихур, (стали) жить там. Потомки обоих остались в этом (селении).

Имя пятого сына – Султан-бек, у которого было двое сыновей – Али-бек и Мамрадж-бек. Али-бек обратился к правителю Ширвана с просьбой дать ему в управление Курах и Кура (Кюре) и, получив такое разрешение, он отправился в Курах. Что касается Мамрадж-бека, то он отправился в Куваджук Табасарана. Так они оба и жили каждый в своем месте (букв.: в этом месте). Род их обоих в обоих этих местах.

Афрасим-бек продолжал управлять крепостью Ихир и упомянутой областью у упомянутой крепости. (И) потомки его по сей день в этой крепости и на этой местности держат управление и главенство.

Я перенес все это с надеждой древней родословной, которая была у Касим-бека, сына Мухаммад-бека, сына Афрасим-бека, после пятничной молитвы, в крепости Ихир (в) Дакузпара в присутствии большого числа людей суфи Султанали ал-Куруши, суфи Дервиш Мухаммад Ихир, суфи Ахмад Мази, суфи Пир-мухаммад ал-Чик ал-Чики, Мавлана Мухаммад ал-Курахи, Мавлана Йунус ар-Рутули – число этих людей доходило до двухсот. Я – ничтожный, добывающийся милости всевышнего Аллаха Махмуд ал-Хиналуки, да простит его Аллах – в восемьсот шестьдесят первом году хиджры пророка.”

861 г.х. соответствует. 1456 - 57 г.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

КОММЕНТАРИИ

1) Илчав Ахмад-бек. Сын уцмийа Султан Мухаммадхана, который скончался в конце XIV в. Илчав Ахмад-бек вступил в тяжбу со своим старшим братом Бек Киши-ханом по вопросу о наследовании власти уцмийа, но вынужден был уступить законным требованиям своего старшего брата, покинул Кайтаг, нашел убежище в Ширване и поддержку ширваншаха Гершаспа (Ибрахим I Дербенди) и Тимура, который отдал ему, возможно, на правах сююргала, ряд населенных пунктов в Северном Азербайджане и Южном Дагестане. Потомки его, будучи наследственными владельцами, создали династию южнодагестанской фамильной ветви кайтагских правителей уцмиев. Сведения об Илчав Ахмад-беке по другим источникам нам не известны. Илчав Ахмад-бек, как член уцмийского дома, был богатым и влиятельным феодалом, имел "имущества, владения, земли", "прислугу и невольников".

2) Алибек Киши-хан. Сын уцмийа Султан Мухаммадхана, унаследовал должность уцмийа в борьбе со своим братом Илчав Ахмад-беком (Илчав-бахадур) при активной поддержке шамхала. В литературе существует мнение о том, что к 1396 г., т.е. походу Ти-

мура, уже в течение почти 200 лет на территории Кайтага существовал “вакуум власти” (Айтберов Т.М. Два кайтагских документа XV-XVI вв. – Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987, с. 147). Как явствует из сведений нашей хроники, в 80-х гг. XIV в. упоминается Султан Мухаммадхан-уцмий, сын Бек Киши-хана, сын которого Илчав находился в 1386 г. при ширваншахе Ибрахиме I. Борьба за престол между сыновьями покойного уцмий, свидетельствует об отсутствии “вакуума власти”. “Династийные” браки (уцмий Султан-Мухаммадхан был женат как на дочери ширваншаха, так и на дочери шамхала) говорят о месте уцмий в системе феодальной власти на Восточном Кавказе.

3) Султан Мухаммадхан. Правитель Кайтага, носивший титул уцмий. О его деятельности в качестве кайтагского правителя мы никакими сведениями не располагаем. Из текста ясно, что он обосновался в Калакорейше и возглавлял довольно сильное государство, игравшее важную роль во внутри- и внешнеполитической жизни Дагестана. События, описанные в хронике, дают возможность датировать время правления Султан Мухаммада последней четвертью XIV в. А.Е. Криштопа считает, что он скончался в начале XIV в. Предпринята также попытка (Т.М. Айтберов) обнаружить противоречие в источниках, исходя из следующих соображений, с одной стороны, Султан Мухаммад был предком Ханмухаммада (ум. в 1596-7 г.) в десятом поколении, а с другой -современником ширваншаха Гершаспа, а Гершасп б. Фаррухзад и Гершасп II правили соответственно в начале и в конце XIII в.

4) Уцмий – титул феодального правителя Кайтага (Хайдак, Кайтак). Происхождение термина точно не установлено, но выдвинуто несколько предположений. Многие версии о происхождении должности и

звания и о его судьбе кратко резюмировал Е.И. Козубский: "Владелец Кайтага, поставленный арабами, носил титул исми (именитый), откуда уцмий, власть и достоинство которого уничтожены в 1620 г. (Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. 1, с. 18). С. Броневский в своей книге "Новейшие географические и исторические известия о Кавказе" (М., 1823, с. 310) подчеркивает: "достоинство Усмия есть второе по старшинству, поставленное в Дагестане аравитянами. Усмий на арабском языке означает начальника, повелителя". В противоположность этому выдвинуто иное мнение, которое приводится здесь полностью: "В загадочном термине, интересующем нас, мы склонны видеть иудейское слово "оцум" (мн. число ацагим), означающее "сильный, мощный". Кто сколько-нибудь знаком с вопросами распространения иудаизма в прошлом в районе Южного Дагестана и Дербента, и в частности в ущелье Хайдака, носящем у даргинцев название "Джуфутгата" "еврейское ущелье", тот не отвергнет без внимания мое впервые высказываемое в литературе предположение, что вождь Хайдака мог для вящего почета носить звание, почерпнутое из лексикона иудейского языка, языка священных книг древней религии, господствовавшей на значительной части территории доисламского Дагестана. При этом не лишено вероятия то, что иудейское "оцум" (сильный, мощный) и арабское усама (синоним льва) родственно тождественны по своей общесемитической этимологической природе. Так или иначе мы увидим, что титулы "нуцал" и "уцми" не пользуются в арабо-мусульманской среде Дагестана богобоязненным расположением" (Малачиханов Б.К. вопросу о хазарском Семендере "Ученые записки" Институт ИЯЛ. Махачкала, т. XIV, с. 179). Р.М. Магомедов подробно остановился на прерогати-

вах уцмийской власти, отметив, что “уцмий самый крупный землевладелец Кайтага. Звание это также древнее, как и наименование шамхал” (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-начале XIX веков. Махачкала, 1957, с.222). Звание уцмий переходило к старшему в роде. Процесс перехода звания сопровождался избранием его и провозглашением на общем сходе (в сел. Башлы) представителей от всех свободных обществ. Одновременно избирался преемник (гаттин), к нему переходила власть в случае смерти уцмий (Магомедов Р. М. Указ соч., с. 222; Феодальные отношения в Дагестане. XIX-начало XX вв. Состав., предис. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.,1969, с. 182-183). Как зафиксировано в “Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге” (1901 г.), при избрании уцмий “на него возлагали шапку, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчамуль” (Феодальные отношения в Дагестане..., с. 183).

Зафиксированное в XVIII-XIX вв. в Кайтаге право майората функционировало, как можно судить, по данным Махмуда из Хиналуга, и в XIV -XV вв. Так, например, после смерти уцмий Султан Мухаммадхана в конце XIV в. уцмием был избран его сын Беккишихан (“по причине того, что Беккиши-хан по возрасту был старше, население и область кайтаков подчинились последнему”). Но обычай этот не всегда соблюдался, о чем красноречиво свидетельствуют зафиксированные в хронике Махмуда из Хиналуга события. Так, после смерти Султан Мухаммадхан-уцмий (конец XIV в.), “в день, когда скончался их отец”, начался “конфликт между эмиром (эмир ал-умара) Беккишиханом и опорой великих эмиров Илчав Ахмад-бахадуром”. Население (столицы или же Кайтага) разделилось на два лагеря. Между претендентами произошло

несколько вооруженных столкновений (китал). Победил младший Илчав Ахмад-бек. Старший брат обратился к своему дяде со стороны матери шамхалу (имя не названо) с просьбой поддержать идею легитимной власти уцмий, что и было сделано, очевидно, дипломатическим путем, ибо “незаконный” уцмий “нашел, что сопротивление дело тщетное” и вместе со слугами и рабами ушел в Ширван, к своему дяде (со стороны матери) Султану Гершаспу (Ибрахим I Дербенди). Другой случай относится к более позднему времени: как сообщает “Родословная книга кайтагских эмиров”, после смерти Амирхамзы (1788 г.) “его сын Али-бек должен был сделаться уцмием на его место в Кайтаке, дядя (со стороны отца) Али-бека – Устархан, брат Амирхамзы-уцмий как старший, по обычаю Кайтага, говорил, что противно обычаю стать уцмием другому”. Как и четыреста лет тому назад, население Кайтака разделилось на два лагеря. Устархан-бек обратился за помощью к шамхалу, который прибыл с войсками, утвердил в должности уцмий Устархана (т. е. брата уцмий, а не сына), заявив при этом: “не следует поступать противно обычаю, уцмием должен быть старший по возрасту”.

“Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге” так же отмечает, что “хотя достоинство уцмий, по установившемуся обычаю, и переходило к старшему в роде и всегда сопровождалось народным признанием, но в памяти народа сохранился случай узурпаторства: после смерти Устархана-уцмий “по народному избранию” уцмием был избран племянник умершего уцмий Мамма, но “сын Амир-Гамзы с помощью акушинцев и своих подвластных вытеснили Мамму и сделался уцмием” (Феодальные отношения в Дагестане..., с. 183).

Арабская историческая и географическая литература (ал-Йакуби, ал-Балазури, Ибн ал-Хаййат, ал-Куфи,

Ибн Хордадбех, Ибн Русте, Ибн Хаукал, ал-Масуди, Абу Хамид ал-Гарнати, Закария ал-Казвини, Йакут и др.) не фиксировала, как правило, местную социальную терминологию. Все местные правители обозначались терминами, обычными в халифате: эмир, султан, малик, сахиб. Местная же социальная номенклатура не отмечена. Поэтому термин уцмий по арабским источникам нам не известен, термин этот не известен также авторам или составителям дагестанских исторических сочинений (“История Ширвана и Дербенда”, “История Абу Муслима”, “Тарих Дагестан”, “Ахты наме”, “История Каракайтага”, “Дербенд наме”).

Только в надписи из сел. Цахур, датированной в 77/1278 г., встречается имя Исми (уцмий): “Это есть время основания Цахура по уничтожению селения Хиц Исми-шамхалом” (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 1. Надписи X-XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л. И. Лаврова. М., 1966, с. 85). Хроника Махмуда из Хиналуга это первое в дагестанской исторической литературе сочинение, где встречается термин уцмий. Он связан с именем Султан Мухаммадхана, уцмийа Кайтага в конце XIV в. О более раннем времени хроника не сообщает, но можно уверенно предположить, что термин уцмий был известен и в более раннее время. Хроника косвенным образом подтверждает существование звания уцмийа до XIV в.: “Илчав Ахмадхан сын Уллубекхан усуми из рода в род наследственно вплоть до сегодняшнего дня управляют вилайатом Кайтаг в Дагестане”. Далее отмечается, что по отцу они происходят от Аббаса, а по матери от Хамзы, также дяди пророка.

Указанная выше “Записка”, опираясь, очевидно, на сведения “Дербенд наме”, приводит предание “о происхождении уцмийа как главы или правителя Кайтага”: арабский военачальник Абумуслим, завоевав

Дагестан, “назначил в каждую из отдельных частей его... своих правителей. В число поставленных им правителей, по имени Амир-Чобан... Впоследствии один из потомков Амир Чобана, Рустам-хан, стал называться уцмием (Феодальные отношения в Дагестане..., с. 182). Таким образом, появление термина отнесено, вопреки фактам, к XVII в.

Дагестанские ученые (Р.М. Магомедов, Х.О. Хашаев) предполагают местное, дагестанское происхождение звания уцмий, и это предположение кажется наиболее верным. Составитель “Родословной книги кайтагских эмиров” считает, что слово уцмий (усми) взято от слова самави, по-арабски в смысле высокий (али). Слово это означает высокий, в смысле высокий по чину и должности. По отношению к уцмию этот титул употребляется в смысле высокий по своему родству и до сих пор их называют уцмиями”. Это высказывание не добавляет ничего нового к традиционной концепции, но свидетельствует о ее живучести и важности с точки зрения местной историографии.

Эпиграфический материал XII-XV вв. также не зафиксировал специального термина уцмий, следуя обычной арабской литературной традиции. Так, например, в надписи из Калакорейша упоминается, “обладатель” или “владелец” (сахиб) Калакорейша Ах. с. б. р., сын Хиздана (вар.: Хиздар). Как заметил Л.И. Лавров, “владелец Каракурайша Ах. с. б. р. Хиздан” это самый ранний, неизвестный по другим источникам, предшественник и, возможно, предок усмиев, однако, как видим, еще не носивший титула усми” (Эпиграфические памятники Северного Кавказа, ч. 1, с. 193)

Здесь следует отметить, что из арабского текста эпитафии нельзя заключить, что правитель Калакорейша не носил еще титула уцмий. Вернее было бы заключить, что автор текста, следуя уже сложившейся в арабских исторических сочинениях “жанра завоева-

ний” или в ранних исторических хрониках местного происхождения традиции, не учитывал и не передавал сложившуюся в дагестанских владениях титулатуру социальных верхов.

Таким образом, наиболее ранняя фиксация термина уцмий (усми) относится к последней четверти XIV в. (Султан Мухаммадхан-уцмий), но можно предположить, что этот термин имел к этому времени уже многовековую историю. Как писал Р.М. Магомедов “Шамхал, уцмий, майсум титулы правителей Дагестана, ставшие известными в более поздние времена, видимо, существовали в народе в иной транскрипции и являются названиями местного происхождения” (Магомедов Р.М. Указ. соч., с. 145). Что касается, семантической сущности термина, то еще не выдвинуто, как нам кажется, ни одного убедительного предположения.

Социальный термин со временем стал также личным именем, к примеру, как заметил Ш.И.Микаилов, среди аварцев, в частности у жителей селения Согратль, встречается имя Ицум. В северных диалектах аварского языка известна форма Ицуми, у лезгин же Цми (Микаилов Ш.И. Очерки аварской диалектологии. М.-Л., 1959, с. 292). В первой половине XVII в. в Кумухе зафиксировано имя Уцуми, сын Хан-Уцуми.

5) К а й т а к. В связи с военно-политическими событиями VI-VII вв. в Дагестане в арабской исторической литературе IX-X вв. (помимо Дербента и Табасарана сведения, которые относятся к более раннему времени) впервые упоминаются такие политические, государственные образования, как Лакз, Гумик, Карах, Зирихгеран, Филан, Хайдак и др.

Как писал Р.М. Магомедов, в XVIII в. “территория, населенная даргинцами была разбита на одиннадцать частей. Одна часть вместе с Гамри-Даргой составляла

уцмийство Каракайтакское, а остальные восемь частей считались территориями Акушинского, Цудахарского, Урахинского, Мекегинского, Сюргинского, Усишинского, Мугинского, Каба-Даргинского вольных обществ. Вуркун-Дарга находилась в составе Казикумухского ханства" (Магомедов Р.М. Указ. соч.). Названные здесь "вольные общества" зафиксированы и в конце XIX в. П.К. Услар называет следующие союзы сельских общин: Акушала хлуреба, Цлудирила хлуреба, Хлуркила хлуреба, Усила хлуреба, Мухлела хлуреба, Сирглала хлуреба, Микхлила хлуреба (Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюкрилинский язык, с. 5). Многие из них входили в XVII-XVIII вв. в состав суперсоюза Акуша-Дарго (Б.Г.Алиев).

Что касается феодального владения, то оно составляло Кайтагское уцмийство. Собственно даргинцы, входившие в состав уцмийства, назывались "Уцуми-Дарга", т.е. "даргинцы уцмийства". Уцмийство составляло несколько союзов сельских обществ (некоторые авторы называют их магалами): Гапш (главное селение Калакорейш, затем Уркарах), Ганк, Муйре, Хемур-Дарго, Каба-Дарго, Вуркун-Дарго, Маджалис-Катта, часть магала Верхнее Терекеме, т.е. в основном в бассейнах верховьев рек Чирахчай, Буган, Уллучай, Дживус (Бутаев Д.Б. Дагестанские народности, их языки, занятия, численность и местонахождение. Рук. фонд Института ИАЭ, ф. 3, оп 3, д. 8, с. 35; Комаров А. Народонаселение дагестанской области. Тифлис, 1873, с. 17-19; Алиев Б.Г. Акуша-Дарго в XVIII-XIX вв.: Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1966, с. 19; Османов М.-З. Расселение и численность даргинцев в XVIII-XIX вв. Дагестанский этнографический сборник. Махачкала, 1974, вып. 1, с. 146.

Что касается собственно кайтагцев, то среди этнополитических объединений они занимают особое ме-

сто. Дело в том, что ни они, ни соседи “не называли их даргинцами. В источниках мы постоянно находим раздельное упоминание о даргинах и кайтагах” (Османов М.-З. Указ. соч., с. 146). Кайтагцы подразделялись на союзы сельских обществ: Маджалис-кадта, Шуркант, Ирчамул, Каттаган, Кара-Кайтаг, Ицари (Османов М.-З. Указ. соч., с. 146).

Территория Кайтагского уцмийства (Кайтаг-Дарго) была шире земель собственно Кайтага. Р.М. Магомедов писал, что “до арабского нашествия под Кайтагом подразумевалась верхняя территория, занятая населением Шурканти, Ирчамула, Каттагана и нижняя территория, где проживали сами кайтагцы... При арабах Кайтаг-Дарго охватывал территорию Сюрга, Муйра, Гапш, Ганк, Каба-Дарго, Верхний и Нижний Кайтаг, Терекеме и Гамринский магал” (Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 83).

Перечисленные здесь названия населенных пунктов и обществ зафиксированы в источниках XVIII-XIX вв., но для более ранних этапов в местных источниках эти наименования не встречаются. Исключение составляет только Кайтаг (Хайдак). Он известен в арабских источниках в связи с военнополитическими событиями VI-VIII вв. и был расположен северо-западнее Дербента, занимая бассейн рек Буган и Уллучай, на территории современного Кайтагского и частично Дахадаевского районов. Название Кайтаг в описываемое время в арабских источниках не употреблялось. Наиболее известная форма, применяемая в арабских, а позже в дагестанских источниках это Хайдак. Применялись и другие формы земля Хайзан, крепость Хайзан, укрепление Хамзин, земля Хамзин, крепость Хайзадж, область Дж. ндан, замин (земля) Кайтак, город Хандан, Джидан, Хайда, Джанда. Все эти разно-

чтения можно рассматривать как неточные формы названия Хайдак, вполне допустимые при особенностях арабской графики. В литературе существует мнение о том, что Джидан, о котором пишет ал-Масуди (X в.), это не Хайдак, а отдельное самостоятельное государство со столицей в Семендере (Магомедов М. Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994, с. 153-161). Однако убедительных данных для подобного рода утверждений нет. Ал-Масуди действительно писал, что для ал-Баба (т.е. Дербента) "вреднейшим из таких соседних народов является царство Джидан" и что на границе с Джиданом живут арабы, обосновавшиеся в селениях, в 6 км от Дербента. Он же сообщает, что Джидан имеет со стороны Серира границу с Карахом (т.е. Уркарахом). Даже из этих данных видно, что речь идет о Кайтаге (Хайдаке), но имеются и другие данные: дело в том ал-Масуди несколько раз пишет о Джидане, а упоминания о Хайдаке у него нет. Другие же арабские авторы все без исключения пишут о Хайдаке (или же дают упомянутые выше формы), но им неизвестен Джидан. Это взаимное исключение дало ученым возможность утверждать, что Хайдак и Джидан идентичны (D'Ohsson. *Les Peuples du Causcase* Paris, 1828; Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 126-127, прим. 55; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1991, с. 40). По мнению Р. М. Магомедова, под Джиданом следует понимать Нижний Кайтаг, т. е. часть Кайтага. Таким образом, если в тексте встречается слово Джидан, то мы имеем в виду владение Хайдак (Кайтаг)*.

Сведения арабских авторов X в. о Хайдаке отрывочны, не всегда ясны. Ибн Русте писал, что "направо

* Один из авторов придерживается иного мнения, а именно о существовании самостоятельного царства Джидан (см.: М.Г. Магомедов. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.)

от крепости правителя Серира (в данном случае к югу или востоку. — А. Ш.) находится “город, называемый Хандан, царь которого называется Адзар-Нарса” (Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 220). Арабский географ ал-Истахри называет правителя Хайдака хайдакан-шах (в тексте: хандакан-шах), т. е. практически речь идет о независимом малике. В то же время “Худуд ал-алам” отмечает, что Хандан является резиденцией сипахсаларов (военачальников) царя Сарира” (Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 220).

Приведенные выше противоречивые сведения породили и противоречивые заключения о политическом статусе Хайдака (Минорский В.Ф. Указ. соч., с. 218; Айтберов Т. М. Центральная часть Восточного Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986, с. 26-27). Однако сообщения о последующих событиях свидетельствуют о том, что Хайдак в X-XII вв. сильное, независимое государство. В 938 г. “конный отряд из жителей ал-Баба и жителей Хайдака” совершает “успешное” нападение на Шандан. (Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 66). 332/ 943-944 г. “народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Джидан” (там же, с. 192). В 1040 г. хайдакцы захватывают цитадель Дербента и берут в плен эмира. В 1040 г. дербентский правитель Мансур получает поддержку от правителя Хайдака в борьбе против раисов. В 1065 г. свергнутый эмир Абдалмалик находит убежище в Хайдаке, а в 1068 г. жители Дербента и Хайдака совместно отражают нападение Ширвана. В этом же году дербентский эмир, свергнутый раисами города, дважды находит убежище в Хайдаке. В 463/1070 г. “народ ал-Баба призвал эмира Абд ал-Малика из Хайдака; его привезли в город (балад), вручили ему власть и он стал сражаться с ширванцами” А когда жители Дербента в 468 г./1075 г. изгнали Абдалмалика, то “он отправился в Хайдак искать подкрепление, чтобы вернуться к власти...” (там же, с. 79).

Таким образом, в конце X-XI вв. в Дагестане сложилась такая расстановка сил, что во взаимоотношениях Дербента, Серира и Хайдака прослеживается определенная стабильность: дербентские эмиры всегда ищут опору в Хайдаке, а раисы Дербента, наоборот, находят всегда поддержку у правителя Серира.

Зафиксированы и другие виды дружеских контактов Дербента и Хайдака: в 446/1055 г. в Хайдаке родился племянник эмира ал-Баба, а дочь эмира Хайдака была женой известного раиса ал-Баба Али Хасана ибн Анака (ум. 1064).

К середине X в. относятся и сведения о происхождении правителя Хайдака. "Его царь мусульманин, который заявляет, будто он араб из племени Кахтан. В настоящее время, а именно в 332/943 году, он известен как Салифан, а в его государстве нет других мусульман, кроме него, его сына и семьи. Я думаю, что этим прозвищем зовутся все цари этой страны" (Минорский В.Ф. Указ. соч., с. 103), - так писал ал-Масуди. Возможно, действительно, салифан, этот древнетюркский термин является не собственным именем, а титулом, во всяком случае этот термин встречается еще в 916 г. в этом году салифан двинулся совместно с хазарским войском в помощь дербентскому правителю. В X в. упомянут хайдакан-шах. В связи с событиями 1064 г. упомянут правитель Хайдака Р. в. м., он впервые назван эмиром.

Впоследствии, вплоть до конца XIV в., мы не встречаем имени или титула правителя всего Кайтага. Возможно, процесс децентрализации коснулся также и Кайтага, из состава которого выделились отдельные союзы сельских общин.

Пока еще нет точных данных о первой столице Кайтага. Согласно устной традиции, сохранившейся в даргинских районах до наших дней, ранней столицей

был город Джалаги (Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 40) – ныне крупное городище в Кайтагском районе близ селений Варсит и Бажлук, входивших в Ирчамульский магал, один из значительных в Кайтаге (Козубский Е. И. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, с. 300-305). Здесь обнаружено большое число раннесредневековых поселений (Исаев А. И. Из истории освободительного движения в средневековом Кайтаге. - В кн: Освободительное движение в эпоху средневековья. Махачкала, 1986, с. 49). Употребляются обе формы Урчамил (Урч1амил) и Ирчамул (Ирч1амул). На старых поселениях Ирчамула обнаружены куфические надписи XII-XIV вв. Древность жалаги фиксируется и в “Истории Каракайтага”: потомок Хамзы, дяди пророка, в целях распространения ислама прибывает в Хайдак (дата этого события не указана), где “...он построил многочисленные селения, а до того на горе был громадный город, называемый Джалаги.

Из текста можно заключить, что история Калакорейша связана с арабами. Калакорейш назван городом, в то время как остальные населенные пункты селениями. Традиция также приписывает городу арабское происхождение и соответственно этой традиции дается объяснение обоим названиям столицы Кара Курайш и Кала Курайш. Первое это “Селение курайшитов”, второе “Крепость курайшитов” (Гасан-Эфенди Алкадари. Асари Дагестан. Пер. и комм. А. Гасанова. Махачкала, 1929 с. 25).

Калакорейш действительно был один из влиятельных и сильных населенных пунктов. Здесь в XI или XII вв. была построена превосходная мечеть со шtukовым михрабом (Дебиров П. М. Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966, с. 17-57; Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана X- XVII вв. М., 1984,

с. 138-146). Это был один из старинных идеологических и политических центров Кайтага, столица этого крупного владения вплоть до XVI в., до перенесения в Маджалис. В селении сохранились также полуцилиндрические ("саркофагообразные") надгробия с куфическими надписями (Башкиров А. С. Средневековый памятник аула Калакорейш. М., 1926, с. 53, 63; Кильчевская Э. В. От изобразительности к орнаменту. М., 1968, с. 53, 57; Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966, ч. I, с. 274; Маммаев М. М. Изучение памятников декоративно-прикладного искусства в 1976-77 гг. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976-1977 гг. Махачкала, 1978; Алиев Б. Г., Шихсаидов А. Р. Калакорейш древняя столица Кайтага "Дружба". 1973. № 3 (на дарг. яз.).

Ибн Русте писал, что от крепости царя Серира "проходит дорога, по которой можно выехать из Серира по высоким горам и многочисленным лесам и на расстоянии двенадцати перегонов (манзил) достичь города, называемого Хайдан... царь которого зовется Адзар-Нарса" (Минорский В. Ф. Указ. соч., с. 220). Вполне возможно, что в данном случае речь идет о Калакорейше. Один из местных правителей назывался "владелец Кала Курайша Ах. с. б. р., сын Хиздана", как об этом сообщает надпись конца XIII-начала XIV в. (Лавров Л. И. Указ. соч., с. 193) на плите внутри здания мечети. Возможно, что арабская надпись, вырезанная на одном полуцилиндрическом надгробии из Калакорейша, читается так: "это Хиздан" (Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 129). В таком случае здесь речь идет об отце упомянутого "владельца Кала Курайша". Территория, населенная даргинцами, не представляла в раннем средневековье единого целого, а делилась на ряд са-

мостоятельных владений. Поэтому и сложилась богатая этническая номенклатура, когда речь идет о наименованиях даргинцев, данных им соседними народами: лакцы называют их "даргал, акуши, цахар, хайдакул, акъуши, цахъар, хайдакъул - то есть даргинцы, акушинцы, цудахарцы, кайтагцы); кумыки-даргилар и акушали; аварцы-акуш и цедех (акъушали, ахъуш, цедех), (Алиев Б. Материалы по истории даргинцев. Рук. фонд Институт ИАЭ, ф. 3, оп. 1, д. 360, с. 68); лезгины - дарги, даргиви.

Это было отражением того обстоятельства, что за пределами собственно Хайдака (Кайтага) был ряд самостоятельных политических единиц. К их числу в XII-XIII вв. относились: Зирихгеран, Шандан-Филан, Зуклан, Карах (Уркарах).

В начале XIII в. ряд факторов (монгольские походы) содействовал укреплению Хайдака. Примерно в середине XIII-начале XIV в. земли Зерехгерана, Шандана, Уркараха вошли в состав Хайдака, к началу XIV в. это было уже сильное владение, имеющее значительный вес на территории Дагестана и за его пределами. К числу уцмийских владений, кроме собственно Хайдака "относилась обширная полоса предгорий к северу от него. Это позволяло уцмиям контролировать торговый путь, соединявший Дербент и Закавказье с северокавказскими городами и итальянскими городами-колониями на Черном море, а также с центром Золотой Орды на нижней Волге" (Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 59).

Международная обстановка в XIV-XV вв. также содействовала усилению ряда дагестанских владений, в частности Кайтагского уцмийства и Газикумухского шамхальства. В хозяйственной жизни Дагестана XIII-XV вв. в процессе развития политических и социальных отношений огромную роль играла внешняя и

внутренняя торговля. Как известно, до XIII в. шел процесс интенсификации связей Запада с Востоком через Восточную Европу. Европейские купцы стремились закрепиться в Крыму и на Северном Кавказе, прибирая к своим рукам торговые пути из Азии в Европу. (Удальцова З. В., Шапов Я. Н., Гутнова Е. В., Новосельцев А. П. Древняя Русь зона встречи цивилизаций "Вопросы истории". 1980, № 7, с. 56).

Во второй половине XIV в., генуэзские города-колонии занимали весь южный берег Крыма. Наблюдается оживление внешней и транзитной торговли между Западом и Востоком (в том числе и Золотой Ордой). В конце XIV в. генуэзские купцы уже хорошо знали Дербент и западное побережье Каспийского моря, часто бывали здесь. На картах, составленных во второй половине XIV в. итальянскими купцами, отмечено несколько пунктов, торговых центров на Западном побережье Каспийского моря (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний в XIII и XIV вв. – Исторические записки, 1938, т. III, с. 90; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985, с. 47-48, 135-138).

Походы монголов 1222 и 1239 гг. и войны Хулагуидов и Золотой Орды мало коснулись Кайтага. Однако походы Тимура нанесли огромный урон кайтагским землям. В 1395 г. они подверглись страшному погрому. Войска Тимура "прошли через Дербент и дошли до иля и областей кайтагов... Обратив внимание на уничтожение и искоренение тех, он так напал на их стороны и края, что из множества спаслись (даже) немногие, из тысячи один" (Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941, т. II, с. 119). В следующем же году земли Кайтага не подверглись подобному погрому. "Кайтагский народ также покорился и просил помилования (там же, с. 185). Более

того, Тимур поддерживал дипломатическую переписку с кайтагским уцмием, как это видно из сообщения Махмуда из Ханалуга, активно поддерживал представителей южнодагестанской ветви кайтагских уцмиев. В середине XV в. потомки кайтагского правителя управляли крепостями и селениями в Южном Дагестане, конкретнее в Табасаране и Докузпаре, и находились в родственных связях с правителями Ширвана.

В середине XV в. Кайтаг включал как собственно кайтагские, так и часть собственно даргинских, кумыкских и лезгинских земель. В середине XVI в. уцмий Кайтага (“Алильбек, князь Кайтагский”, шурин ширваншаха) распоряжается землями вплоть до Тарки.

Усиление Кайтага нашло отражение в письменных источниках. Так, например, знаменитый арабский историк Абу-л-Фида (1273-1331) в своем сочинении “Таквим ал-булдан” (“Перечень стран”) уже не видит разницы между географическими понятиями Кайтаг и Кавказ, тем более, что арабская графика позволяет “не заметить” эту замену, т.е. вместо “горы Кабк”, как называли многие авторы Кавказ, написано “гора Кайтаг”. Среди других крупных областей Абу-л-Фида дается и такое описание: “Гора ал-Кайтак. Тянется она от берегов Хазарского моря близ города Баб ал-абваб к югу. Сказал ал-Азизи: эту гору называют горой языков, в ней (различные) народы, у которых различные языки. Говорят, что у них триста языков. К северу от нас расположен ал-Кайтак, а это племя (джинс), а в южную сторону ал-Лакз, а это тоже племя. Она (гора ал-Кайтак) тянется от Баб ал-абваба до страны ар-Рум на расстоянии месячного пути...(Geographie d'Aboulfeda. Texte arabe, buplie... par Reinaud et de Slane. Paris, 1840, с. 71 (араб. яз.).

Здесь очевидно, что “гора ал-Кайтак”, которая тянется до Рума, это Кавказские горы, а “племя ал-Кайтак” это действительно территория исторического

Кайтага. Название рядом “племя ал-Лакз” лишь подтверждает это предположение.

Абу-л-Фида не единственный автор, который не делал различия между Кабком и Кайтагом. Итальянский путешественник Барбаро писал в 1437 г., что кайтаки занимают территорию между Мингрелией и Каспийским морем (Барбаро и Контарини о России. Л., 1971, с. 153). Нетрудно понять, что здесь речь идет не только о кайтаках, а почти о всех горцах, расположенных на территории Восточной Грузии и Дагестана.

В папской булле 1401 г. территория католического епископства “Каспийских гор” названы “страной хайдакской”, где уже функционировали пять епископских центров: Кумух (Ghomes), Тума (Thuma), Тарки, Дургели, Мекеги (Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1963, т. III, с. 607).

На основе этой информации и сообщения о захвате Кумуха кайтагским князем Чупаном I сыном Алибека во второй половине XIV в. делается вывод о том, что до разгрома Кайтага Тимуром в 1395 г. это “княжество” в течение некоторого времени обладало верховной властью над Кумухом (Криштопа А. Е. Политическое развитие Дагестана в XIII-XV вв. Автореф. канд. дисс. Махачкала, 1981, с. 12-13).

Быстрое усиление Кайтагского уцмийства после разгрома, учиненного Тимуром в 1395 г., - следствие благоприятных внутри- и внешнеполитических факторов. Династия кайтагских уцмиев сумела опереться на центростремительные силы, как и газикумухские шамхалы, восстановить сильную государственную власть.

Любопытно сообщение Абдалхусейна Навои, относящееся к 20 гг. XV в. Согласно этому известию, ширваншах Халиллуллах I (1417-1465), находившийся в союзе с сыном Тимура Шахрухом (1405-1447), задумывался о...

мал подключить к этому союзу турецкого султана Мухаммеда Гази (Мехмед I 1413-1431), но последний не считал нужным войти в этот союз и ответил ширваншаху: "... каждый хаким хорошо знает свое дело и отношение к своим соседям. Как, например, хакимы Шеки, Кумуха, Гайтага и Лавенда знают свое положение лучше, чем другие. И если Кара Юсуф нападает на Турцию, то Султан ему ответит" (Ашурбейли С. Государство Ширваншахов. Баку, 1983, с. 146). В этой цитате упомянуты самые сильные в то время дагестанские владения.

Афанасий Никитин (середина XV в.) свидетельствует об этом усилении. Когда корабль Афанасия Никитина потерпел крушение близ Тарков и вынужден был высадиться на берег, где его ограбили "кайтакты". Правитель Ширвана обращается к шурина своему "Алильбегу, Кайтагскому князю" с предложением вернуть пленных и товары ("судно ся мое разграбили под Тарки и твои люди примут людей го имени, а товар их пограбили"). Алильбег удовлетворил просьбу Ширваншаха (Афанасий Никитин. "Хождение за три моря". М., 1950, с. 53). Стало быть, кайтагский уцмий распоряжался также землями, что близ Тарки (или имел сильное политическое влияние на эти земли).

Таким образом, Кайтаг в XV в. охватил территорию севернее Табасарана, в бассейнах рек Уллучай, Буган, Артозень, Гамри-озень, Инчих-озень, Джанга-Кулачай, т. е. кайтагские, часть даргинских и кумыкских (южные кумыки) земель.

6) К у р а й ш. Калакорейш один из древнейших населенных пунктов Дагестана, столица одного из сильных феодальных владений Дагестана. Кайтагское уцмийство было расположено между современными Кубачи и Уркарахом, на правом берегу реки Буган (Хулахларк). Согласно устной традиции, первоначаль-

чально на месте селения стояла крепость, построенная арабами из племени курайш, из которого происходил пророк Мухаммад и потому селение стало называться Калакорейш, т.е. Крепость курайшитов. Дагестанская историческая хроника XIV в. "Тарих Дагестан" относит возникновение первой столицы уцмийства к IX-X вв. ("после двухсот лет хиджры"): "Знайте, передают, что по прошествии двухсот лет с момента хиджры чистой, пророческой, вечной и бесконечной группа лиц из потомков двух дядей по линии отца пророка Мухаммада" Хамзы и Аббаса "покинула благословенную Мекку и светлую Медину и благородный Шам с двумя тысячами воинов из своих соплеменников и родичей ... С целью совершить священную войну (джихад и гават) и распространить по мере своих сил ислам в некоторых государствах и отдельных их частях, из земель неверных они обошли много земель вилайатов и их краев... Они разорили Хайдак, предали смерти эмиров неверных и эмира вилайата Хайдак. Они убили из числа храбрых и сильных эмиров неверных эмира их вилайата, султана по имени Гаданфар ал-Гаррар... Престол Гандафара с гордостью и достоинством занял один из потомков шейха Ибрахима Абу Исхака - эмир Чуфан, сын Султанали-бека... Он был первым, кто занял престол вилайат Хайдак; он основал в Хайдаке большое число многолюдных селений и избрал своей резиденцией (дар ассалтана) город Кала Курейш, расположенный на скале, над ущельем, при реке" (Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993, с. 100-101).

На территории древней столицы кайтагских уцмиев сохранились замечательные памятники архитектуры и монументально-декоративного искусства (они изучены Б.А. Дорном, А.С. Башкировым, Л.И. Лавровым, П.М. Дебировым, Э.В. Кильчевской, А.Ф. Гольд-

штейном, М.М. Маммаевым, А.А. Ивановым, А.Р. Шихсаидовым. В 1995-1996 гг. памятники Калакорейша изучала историко-археологическая экспедиция М.Г. Магомедова и А.Р. Шихсаидова.

В их числе мечеть XI-XII вв. со штуковым михрабом, группа полуцилиндрических (“саркофагообразных”) надгробий, древние кладбища), в том числе и “арабское”, большое число мемориальных плит XIV-XIX вв., кладбище кайтагских уцмиев, старые сельские кварталы, токи для молотбы зерна, древняя “уцмийская дорога” и много других памятников. Недавно нами обнаружены (в 1 км к западу от селения) остатки круглой башни (диаметр 6 м, высота ок. 2 м), входящих в систему сигнальных башен региона (башни в три санджи джурмачи Бухъаначибил “башня” в Калакорейше). Общее описание Калакорейша и его памятников см.: Шихсаидов А.Р., Алиев Б.Г. Калакорейш древняя столица Кайтага // “Гъалмагъдеш”, 1973, № 13, с. 90-100 (на даргинском языке).

7) Ш и р в а н. Одно из крупных государств Закавказья, просуществовавшее около тысячи лет, начиная с VI века. Ширван занимал значительную территорию современной Республики Азербайджан. Наиболее крупные города Ширвана в раннем средневековье – Кабала, Партав, Баку, Шемаха, Байлакан, Шабран, Шеки.

В XI-XII вв. в Ширване зародилась блестящая городская культура, представителями которой были гениальные поэты Хагани, Низами, Абдул-Ала, Фалеки, Ширвани и др. Дагестанские владения и Ширван в течение своей тысячелетней истории поддерживали взаимовыгодные политические, культурные, торгово-экономические связи. Контакты эти поддерживались как через знаменитый Дербент, так и через горные перевалы, которые были хорошо известны местному населению. В XI в. прослеживается сильное влияние

Ширвана на Дербент, а в конце XIV-XVI вв. — на район бассейна р. Самур. Особо тесные контакты Ширвана и Дагестана и сильное политическое влияние Ширвана прослеживаются при ширваншахах династии Дербенди Ибрахиме I ибн Султан Мухаммаде (1382-1417), Халилуттахе I ибн Шейх Ибрахим (1417-1465) и Фаррух Йасаре ибн Халилуттахе (1465-1560). Наиболее обстоятельно история Ширвана (в том числе и ширвано-дагестанских взаимоотношений) освещена в сочинениях: Dorn B. Versuch einer Geschichte der Schirw anschache. Mem. de l'Acad. de sc. de St. - Petersburg. VI. Ser. Sc. polit., hist., philol. t. IV, livr. 6, 1841, pp. 26. 602; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963; Бунятов Зия. Азербайджан в VII-IX вв. Баку, 1965; Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов. Баку, 1983.

8) Аббас б. Абдалмутталиб б. Хашим (ум. в 653 г.) — дядя пророка Мухаммада (брат отца Мухаммада Абдаллаха). Его прямые потомки представители династии халифов Аббасидов (750-1258).

9) Хамза б. Абдалмутталиб — дядя пророка Мухаммада (брат Абдаллаха, отца пророка).

10) Эмир (араб. амир, буквально: повелитель). Этот термин широко распространен в мусульманских странах в значении военачальник, правитель, князь. Пророк Мухаммад как глава мусульманской общины “был не только эмиром” (военным начальником), но и имамом (руководителем богослужения) для своих единоверцев (В.В.Бартольд). Начиная с халифа Умара (634 - 644), халифы титуловались “эмир ал-муминин” (“повелитель верующих”). Еще в 631 г. пророк Мухаммад установил обычай возглавлять паломничество, и тогда возник термин “эмир хаджжа” (глава хаджжа, руководитель каравана). При первых халифах и Омейядах (до 750 г.) эмирами назывались командующие

армиями, становившиеся обычно наместниками завоеванных областей.

При Аббасидах (750-1258) в IX-X вв. эмирами назывались правители отдельных областей, полузависимых или зависимых от халифата. В государстве сельджуков “с конца X-начала XI в. эмирами стали называть феодальных владетелей и начальников разных рангов... Оба эти значения термина эмир сохранились до XIX в. В Золотой Орде и затем в Средней Азии и Иране после монгольского завоевания эмирами стали называть глав монгольских и тюркских племенных объединений улусов (в том же значении, что бег или нойон). Этот титул носил Тимур”. (Советская историческая энциклопедия. М., 1976, т. 16, с. 513).

У сельджуков число эмиров было значительным, так как титул этот носили представители отдельных племен. В Ширване в первой половине XII в. при ширваншахе Минучихре II (ум. в 1156 г.) военное командование возглавлял “величайший эмир сипахсалар, отважный военачальник” Абу Йакуб Йусуф. “Во время монгольского владычества эмирами назывались, за редкими исключениями, те представители военной знати монгольских, тюркских и курдских племен, которые командовали ополчениями или их подразделениями” (И.П.Петрушевский).

В “Ахты-наме” упоминается эмир Шахбани в связи с событиями VI в. и его взаимоотношениями с шахиншахом Ануширваном (531-579). Нам кажется, что Шахбани назван “эмиром” только впоследствии, более поздними переписчиками, так как в государстве Сасанидов в VI в. к местным правителям термин “эмир” не применялся. В сасанидском Иране наместник отдельной области имел титул “испахбед” (“глава войск”).

В дагестанских исторических сочинениях слово “эмир” зафиксировано в IX-XI вв. В “Истории Шир-

вана и Дербенда” правитель Дербента назван эмиром. В 1131 г. в Дербенте и правитель, и военачальник оба имеют титул эмир.

В надписях на камне, относящихся к XIII – первой половине XIV в., неоднократно находим этот термин: “эмир преславный, великий” Адам, сын Абдалмалика из сел. Рича (1247 г.), “эмир Сададдин” из Рукела (1304 г.). Термин этот, встречающийся в дагестанских надписях, всегда относится к высшим слоям общества, обычно к правителям и владельцам, независимо от того, насколько велико было это владение – одно селение, союз селений или же феодальное владение.

При Хулагуидах или же Джучидах термин эмир был широко распространен. Тарамтаз, которому было поручено “охранение этой окраины” (т.е. Железных “ворот” или Дербента) “с личной тысячей”, был эмиром. “Чупан с 10 туманами войска” также назван эмиром. В походе 725/1324-25 гг. большинство эмиров сопровождали и сопровождали Чупана. Ибрахим I Дербенди также назван эмиром. В связи с походом Тимура в горные районы Дагестана историограф Тимура Шами упоминает “эмиров газикумуков”, хотя, возможно, у местного населения они эмирами и не назывались.

В памятниках эпиграфики и нарративных источниках XV в. термин “эмир” также зафиксирован: Надпись 1446 г. на полуцилиндрическом надгробии из Дербента (“эмир великий, величайший, борец за правое дело, мученик за веру Ифтихар...”); надпись 1421 г. на одной из башен Дербентской стены (“это благословенное здание построено во время эмира Эсфандиайара”). Сводку сообщений об эмирах и о термине эмир с указанием соответствующей литературы см.: Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 378-387.

11) Бахадур (“герой, богатырь, отважный, мужественный, доблестный”). В настоящее время существует две различные версии о первичности древнетюркского батур (батыр) или персидского бахадур (баһадур). Но большинство ученых склоняется к мнению о монгольском происхождении того и другого. Слово заимствовано во многих языках. “Обе формы рассматриваемого слова и полная тюрко-монг. бахатур, и стяженная тюрк. форма батыр были известны на Кавказе в первые века нашей эры” (Осетия). В памятниках русской письменности слово богатырь в первый раз встречается около 1425 г. в Ипатьевской летописи. Все указанные выше сведения взяты из книги: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978, с. 82-85. В Дагестане, насколько нам известно, имя Б. г тар (Багъатур) впервые встречается в надписи из селения Худуц, датируемой 1318-1319 гг. (Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984, с. 85).

12) Кабила (араб.: племя). В дагестанских источниках в конкретных случаях переводится также: племя, род, тухум.

✓ 13. Шамхал. Титул шамхал впервые упоминается в надписи 677/1278 г. из Цахура – это сообщение о “разрушении селения Хиц Исми-шамхалом (Лавров Л.И. Указ. соч., с. 85). Т.М. Айтберов предлагает иное чтение даты 776/1374 г.), этот вариант кажется более предпочтительным. Сама надпись не сохранилась, и точность перевода, сделанного в свое время трудно проверить.

В надписи из селения Ашты Дахадаевского района, обнаруженной и изданной Л.И. Лавровым (Лавров Л.И. Указ. соч., с. 217), упоминается имя шамхала. Л.И. Лавров прочитал это имя как Бадр-шамхал, но ознакомление с надписью на месте показало, что та-

кое чтение не убедительно. Текст читается следующим образом: "Построил эту мечеть Б. з. р. (вар. Б. з. ц.) - шамхал, сын Т. з. (?) с разрешения общины (аскар) для людей зирихгеранских, когда они перешли в ислам от неверия" (Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана, с. 376). Надпись не имеет даты, но Л.И. Лавров датирует ее XIV в., опираясь на палеографические данные. Самая ранняя датированная надпись с упоминанием термина шамхал относится к началу XIV в. Это уникальная надпись из селения Худуц (также Дахадаевского р-на), датированная 718/1318-19 гг., упоминает шамхала Ахсибара, который присутствовал при составлении дарственной грамоты о передаче земель жителям селения Анжибак, или Анчибачи (Шихсаидов А.Р. Указ. соч., с. 82-83).

В XIV в. титул шамхал был, очевидно, широко известен. Историографы Тимура Низаматдин Шами и Шарафатдин Йезди сообщают о правителе "области Гази Кумуклук и войске Аухара" (по другому списку: "области кумуков и войска аваров") шавкала (по другому списку шавхала), выступившего в 1396 г. против войска Тимура (Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941, т. II, с. 124, 186). В дагестанском историческом сочинении "Тарих Дагестан", составленном в основной своей части в начале XIV в., хорошо показана усилившаяся власть шамхала и крым-шамхала, т.е. наследника правителя. Таким образом, памятники эпиграфики и упомянутые выше историографы Тимура зафиксировали социальный термин шамхал в XIV в. Это отнюдь не означает, что термин отсутствовал в более раннее время. Дело в том, что, как уже отмечалось, вплоть до начала XIV в., памятники дагестанской эпиграфики не передают местную социальную терминологию, заслонив ее всеохватывающим

арабским термином сахиб(владелец, хозяин) и т.д. В одном из вариантов "Завещания Андуника", составленном в 1485 г., правитель Хунзаха назвал шамхала падишахом и самым могучим князем в Дагестане (РФ ИИАЭ, ф. 14, оп. 3, д. 220, л. 9) Махмуд из Хиналуга упоминает шамхала, "вали Дагестана". В хронике Абдалхая в связи с событиями конца XV в. шамхал также назван "вали Дагестана". В хронографе Абдалхая рассказывается о том большом весе, которым шамхал обладал в Южном Дагестане, в частности в лезгинских селениях. Жители Хурюга сообщают в записи о событиях 900/1494-95 гг. о столкновении хурюгцев и рутульцев с эмирами Элису: "И было убито из нас много мужчин. Затем мы отправились к шамхалу (букв.: "к воротам шамхала"), а он вали Дагестана... Он принял нашу жалобу. Затем он пришел в наше селение, говорил с жителями Ахты и водворил дружбу и братство между нами и ахтынцами. Он сказал жителям селения Ахты: "оказывайте помощь и содействие обществу Хурюга до судного дня, а я далек от них" (Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей. В кн.: Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1963, т. XI, серия историческая, с. 178-179). По вопросу о происхождении термина шамхал существуют различные мнения (Маршаев Р.Г. О термине "шамхал" и резиденции шамхалов. - Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. IV Махачкала, 1958, с. 168). Традиционным является мнение (оно зафиксировано в "Дербендаме" и "Тарих Дагестане") о том, что этот термин произошел от названия страны Шам (Сирия) и селения Хал в Сирии. Р.Г. Маршаев считает, что лакский аффикс "хъал", который "является показателем принадлежности лица к определенному роду, племени и

месту", в сочетании с арабским Шам и составляет основу термина (Маршаев Р.Г. Указ. соч., с. 168).

Б.Г. Малачиханов, отрицая роль арабского элемента в возникновении категории феодальных правителей, возводит, тем не менее, термин шамхал к арабскому слову шейх (мн. ч. шуйух): (Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере, с. 287.) Р. М. Магомедов и Х.О. Хашаев утверждают, что термин шамхал не связан с арабским языком и возник до прихода арабов (Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана, с. 144-145; Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в., с. 158). Мнение о местном, возможно, доарабском происхождении термина нам кажется наиболее точным. Важно также то обстоятельство, что заимствованная социальная терминология дошла до нас в неизменном виде (тархан, хан, бек, эмир, вали, раис, хаким, нукер, мюрид, букавул и т.д.).

В целом же вопрос происхождения социальной терминологии Дагестана требует дальнейших изысканий. В местных исторических хрониках термин шамхал встречается в связи с событиями VIII-IX вв., но сами хроники эти дошли до нас в более поздних списках (XVIII-XIX вв.), что позволяет говорить об их имевших, возможно, место поздних вставках.

Ученые давно обратили внимание на сообщение русской летописи о том, что во время восстания в Твери в 1237 г. против монголов в Твери был убит ханский посол шевкал. В связи с этим высказано два предположения: в Кумухе "установилась власть татар-шамхалов" (Каяев А. Материалы по истории лаков. Рук. фонд Института ИАЭ, ф.1, оп.1, д. 1642, с. 269. Взято из: Гаджиев В.Г. Шамхальство (история образования и государственное управление) – В кн.: Государство и государственные учреждения в дореволюционном Да-

гестане. Махачкала, 1989, с. 108). Или же: в период господства монголо-татар в равнинных районах Дагестана “правитель кумыков” мог быть возведен в сан шамхала (Магомедов Р.М. Указ. соч., с.145).

В целом же вопрос о социальных терминах в Дагестане, их происхождении и семантическом и практическом содержании требует дальнейших изысканий.

Обращает на себя внимание богатый “репертуар” социальной терминологии в “Хронике Махмуда из Хиналуга”: бек, хан, эмир, эмир эмиров, сахибкиран, бахадур, хадам, абд, султан, вали.

14) **Х а д а м а** — слуги, прислуга (ед. ч. хаддам). В данном случае речь идет, очевидно, о домашних слугах. Запись о землетрясении 1652 г. также упоминает этот термин:

“Разрушились дома и строения в вилайате Дагестан, в частности, дома Амирхан-уцмия. И погибло под развалинами семь человек из его семьи жена, дочери и служанки” (Шихсаидов А.Р., Исмаилов А.Ш. Анализ исторических данных о разрушительных землетрясениях середины XVII в. в Южном Дагестане В кн.: Геодинамика и сейсмичность территории Дагестана. Махачкала, 1979, № 3(21), с. 52.

15) **А б д** (араб.) — раб, невольник, слуга. В данном случае речь идет о слугах. При переводе текста Абу Хамид ал-Гарнати (ум. в 1170 г.) о зерехгеранах термин этот переведен как “рабы и рабыни” (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971, с. 50). Для характеристики социальных отношений зерехгеранов в XII в. предпочтительнее было бы передать термины словами “слуги и служанки”.

16) **С у л т а н Г е р ш а с п** (К е р ш а с и б). Среди ширваншахов известны Гершасп I ибн Фаррухзад, правление которого падает на 1204-1225 гг. (Али-Заде

А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана. Баку, 1956, с. 358; Ашурбейли С. Указ. соч., с. 146-151). В хронике Махмуда из Хиналу-га под именем Гершасп (Кершасиб) имеется в виду именно Ибрахим I Дербенди, основоположник династии ширваншахов Дербенди. Именно он был ширваншахом в конце XIV в. с 1382 г.), когда Тимур совершал свои разорительные походы на Дагестан и Северный Кавказ. О жизни и государственной деятельности Ибрахима I ибн Султан Мухаммад существует значительная литература (Очерки по истории Азербайджана. Баку, 1946, с. 59-61; Петрушевский И.П. Великий патриот ширваншах Ибрагим. Баку, 1942; Али-Заде А.А. Указ. соч., с. 382-399; История Азербайджана. Баку, 1958, с. 197-200; Ашурбейли С. Указ. соч., с. 235-244). Благодаря своей гибкой политике Ибрахиму I Дербенди удалось обеспечить внутреннюю самостоятельность Ширвана, а также избавить Ширван от разорительных походов Тимура. Ибрахим I принимал в составе войск Тимура участие в походах Тохтамыша и турецкого султана Баязида I (История Азербайджана. Баку, 1979, с. 70).

Хроника Махмуда из Ханалуга рассказывает новые, неизвестные по другим источникам аспекты дагестано-ширванских взаимоотношений, в которых Ибрахим I Дербенди сыграл значительную роль.

17а) А к д а ш, м а х а л л. И.-Г. Гербер в 1728 г. дает интересные сведения об "уезде" Агдаш: "От Кабалы далее к весту и к реке Куры... Языки. Турецкой с татарским помешанной... Каждая деревня имеет своего старшину, которые несколько юзбашам подчинены, а юзбаши стоят под наипом в Кабале, которому они доходы вручают" (История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М., 1958, с. 97). Ихор со 120 семействами (Шнитников Ф.А. Описание Кубинской

провинции. 1832 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. М., 1958, с. 331).

17) А м а л ы (ед. - а м а л). Среди множества значений имеется также область, владение. Термин редкий в дагестанских арабоязычных текстах. Впервые в связи с событиями в Дагестане этот термин встречается в “Истории Ширвана и Дербенда”, где сообщается, что арабский халиф Мутаваккил пожаловал в 237/851 г. Мухаммаду б. Халиду в качестве икта город Баб ал-абваб и его амалы, т. е. принадлежащие ему земли (Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 5 (араб. текст), 46 (рус. пер.).

18) С а х и б (араб.) — хозяин, владелец. В исторических текстах о Дагестане этот термин встречается еще в связи с событиями VIII в. (сахиб Зирикарана, сахиб Бухха). В эпиграфических памятниках Дагестана этот термин несет широкую нагрузку (“сахиб Калакорейша”, “сахиб этой стены”, “сахиб этой могилы”, “сахиб крепости”), т. е. речь идет как о социальных верхах, так и о рядовом члене общины.

19) Б е к. “Бег/вег.. В последовательности вышеприведенных форм выражены их фонетические отношения (бег-бей-биг-бий, но возможно также бей-бий; бий-би; би) древнейшие среди них бек, (бег) и бег“, кажется, впервые отмечается в среднеазиатском “Тафсире”. Достаточно рано (в самом начале XIV в. в куманском “Кодексе”) уже встречаются формы бей и бий и даже би.

Иначе говоря, полная фонетическая эволюция рассматриваемой лексической основы совершалась рано (вероятно, XIII в.)” (см.: Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков, с. 97-100). В старейших текстах имеет значение: представитель класса эксплуататоров, вождь, предводитель племени, глава рода, правитель города, области, князь, господин, принц и т.д. (там же, с. 98).

В дагестанской социальной терминологии бек (бег) – представитель правящей семьи или же местный правитель. В местной эпиграфике впервые зафиксировано под 1377 г. Это шахид Чакун, сын Кадир-бека из Цахура (Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана, с. 208-211).

Далее хронологически идет сообщение Махмуда из Хиналуга, относящееся к концу XIV в. (Беккишихан, Ахмед-бек). В XIV в. правители Рутула и Цахура титулуются беками. У Махмуда из Хиналуга титулы хан и бек иногда идентичны.

В Кайтаге беки находились в вассальной зависимости от уцмий. Учитывая проявившиеся особенно в XIV в. сепаратистские тенденции кайтагских беков, можно предположить, что на своих землях беки пользовались налоговым и административным иммунитетом (Шихсаидов А. Р. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала, 1975, с. 129).

20) И х и р. Крепость в Южном Дагестана, южнее р. Самур. Ныне урочище в Докузпаринском районе. История селения, сыгравшего важную роль, совершенно не изучена. В 1832 г. еще упоминается селение Ихор со 120 семействами (Шнитников Ф.А. Описание Кубинской провинции. 1832 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII- XIX вв. М. 1958, с. 331).

21) Г а н д ж а. Один из крупных торговых культурных центров Аррана, расположен к северо-западу от его столицы Бардаа.

Как сообщает “История Ширвана и Дербенда”, Мухаммад б. Халид, получивший в 851 г. в качестве икта Баб ал-абваб и соседние земли, в 245/859 г. “построил город Джанза (Ганджа) в области (кура) Арран”. Позже Мухаммад “сложил с себя правление в Армении и удовольствовался городом Джанзой и до-

ходами с поместий” (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 46-47). О времени возникновения Гянджи имеются различные мнения (Их обзор см.: Бартольд В. В. Сочинения т. III. М., 1965, с. 405; Гейдаров М. Х. Города и городское ремесло Азербайджана XII-XVII вв. Баку, 1981, с. 32). По мнению академика В. В. Бартольда, город был основан в 853 г. М. М. Альтман в своей книге “Исторический очерк города Гянджи” (Баку, 1949, с. 12-17) придерживался этого же мнения. Существует также предположение об основании города арабами в середине VII в. (Джафарзаде И. М. Историко-археологический очерк старой Гянджи., Баку, 1949, с. 102) или же наличии в VII в. на этом месте поселений городского типа (Гейдаров М.Х. Указ. соч., с. 32).

В XII в. один из важнейших культурных центров Азербайджана, столица ряда феодальных правителей. С городом связаны и творчество великого Низами Гянджеви. Автор XIII в. Йакут ал-Хамиви писал о Гяндже, что “из него вышло много людей науки”.

Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку в XIV-XV вв., в Гянджа продолжала оставаться крупным торгово-ремесленным центром.

22) К е р ш а с и б (Г е р ш а с п). Выше уже указывалось, что речь идет об основателе дербентской династии ширваншахов Ибрахиме I Дербенди (ум. в 1417 г.).

23) К у м у к (К у м у к ъ) — название одного из сильных и влиятельных раннефеодальных владений (впоследствии Кумухское или Газикумухское-Казикумухское шамхальство) и столицы этого владения (Кумух, Газикумух-Казикумух). Что касается названия Газикумух и Газикумухское шамхальство, то исторически и семантически эти формы наиболее правильны, но в русской официальной и исторической литературе XIX в. сложилась традиция передавать их через Казикумух

и Казикумухское шамхальство. Мы пользуемся обоими вариантами, но предпочтение отдаем первому.

В арабских текстах дагестанского происхождения встречаются различные формы (Газигумик, Газигумук, Кимук, Куймук, Гумик, Кумук и др.). Сами лакцы называют селение Гьумучи, Гьазигьумучи, кумыки - Кьумукъ, Гьазикьумукъ, аварцы - Гьумейк. Арабские же авторы IX-X вв. упоминают Гумик, редко Амик. Во время арабских походов в Дагестан (вторая половина VII-начало IX вв.) Кумух предстает перед нами как одно из сильных дагестанских владений, самостоятельность которого прослеживается вплоть до середины X в. Но судя по сообщению арабского автора ал-Масуди (ум. в 956 г.), жители Гумика "не подчиняются никакому царю, но имеют начальников (руаса)", т. е. наблюдается, вероятно, процесс политической децентрализации.

Сохранилось мало сведений о Кумухе XI в. В "Истории Ширвана и Дербенда" он упоминается лишь единственный раз, но уже видно, что владение восстанавливает свои силы и централизованную власть: в 1064 г. "гумикские неверные" "напали на селения ал-Баба и убили много мусульман, разграбили их имущество; затем, наложив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой" (Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 202).

Ширван предпринимает энергичные меры к тому, чтобы держать Гумик в сфере своего влияния. Это видно из писем, адресованных ширваншахом Ферибурзом (конец XI в.) "некоторой части страны Лакз" и "жителям пограничной области Гумик". Ширван выступает здесь духовным наставником гумиков, он предлагает гумикам дать клятву жителям Фува (в качестве посредника) в том, что они будут верны и не изменят. Ширваншах посылает к гумикам эмира сына эмира ал-Аду-

да в качестве своего представителя. Были посланы также хатиб и имам для наставления в исламе. Ширваншах извещает гумиков: "для того, чтобы он защищал ваши интересы, чтобы он старался ради вашего успеха. Мы вернем вам детей ваших и удовлетворим ваши желания... Мы пошлем к вам хатиба, чтобы он научил вас исламу должным образом и имама, чтобы он облагородил вас посредством чтения Корана и очистил вас посредством обрезания" (Minorsky V. et Cahen Cl. *Le resuel transcaucasien de Masud b. Namdar.* - *Journal Asiatique*, t CCXXXVII. Paris, 1949, № 1, p. 131-132, 138-140; Мас'уд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Предисловие и указатели В. М. Бейлиса. М., 1970, с. 40-41; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, с. 171-174).

События первой половины XIII в., когда Кумух активно выступает против монгольских отрядов, показывает, что в XII в. шел процесс становления политической самостоятельности государства, усилении укрепления власти селения Кумух в лакских землях (а позже и далеко за их пределами), становления его не только административно-политическим, но и культурным и идеологическим центром шамхальства. Монголы захватили в 1240 г. Кумух, разрушили его, уничтожили власть местных правителей. Кумух после монгольского погрома 1240 года сумел постепенно восстановить и укрепить свою власть, растет влияние шамхала на многие соседние земли, в том числе и на ряд союзов сельских общин, выделившихся из состава бывшего Серира. В XIV в. многие вносили харадж шамхалу и его наследнику (крым-шамхалу). Кумухское (или Газикумухское) шамхальство представляло собой в XIV-XV вв. сильнейшее в Дагестане полиэтническое государство. В состав его входили как собственно лакские, так и часть лезгинских, агульских, дар-

гинских, аварских, кумыкских земель. Выше уже отмечалось, что, согласно "Хронике Абдалхая", "вали Дагестана" улаживает конфликт между двумя лезгинскими селениями Хурюг и Ахты, расположенными в среднем течении реки Самур. Надпись на полях Корана из селения Тпиг сообщает о том, что в 1553 г. агульское селение Зулер отказалось платить харадж кумухскому шамхалу, что показывает конкретную форму экономической зависимости до этого события. Интересна также запись о переписке в 1501 г. сочинения знаменитого арабского ученого, философа ал-Газали "Ихйа улум ад-дин" Идрисом, сыном Ахмада "в селении Акуша, одного из селений Газикумика".

Во время вторжения в горные районы в 1396 г. Тимур столкнулся с владением, правитель которого шамхал (шаукал), возглавивший войска "области Газикумуклук и войска Аухара", оказал сильное сопротивление, но после убийства шамхала знать изменила тактику, поддержала завоевателя, получив за это в качестве поощрения подарки и земельные участки. (Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941, т. II, с. 124, 185-186). Поход Тимура фактически содействовал утверждению власти газикумукских феодалов.

Иоанн де Галонифонтибус в своей "Книге познания мира", написанной в 1404 г., рассказывает о народах Кавказа, в том числе и дагестанских: в одном месте сообщает о туригах, лазах, лагги, которых исследователи отождествляют с даргинцами, лезгинами и лакцами. В другом же месте сочинения упоминаются авары и казикумухи (Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа. (1404 г.). Баку, 1980, с. 15. 25). Здесь мы встречаемся с одним из самых ранних упоминаний лакцев под названием "казикумухи".

24) Значение перевалов в истории торгово-экономических, культурных и политических связей Дагестана и Азербайджана огромно. Хроника Махмуда из Хиналуга показывает, какое огромное значение придавал в конце XIV в. ширваншах обеспечению безопасности передвижения через перевалы. Количество этих перевалов, сравнительно большое, их значение плохо изучено. Так, например, в селении Шиназ нами было записано три основных перевала, по которым рутулы попадают в Северный Азербайджан:

1. Шиназ - Рутул - Цайлакан - Борч - Салаватский перевал - Нуха. Зимой этот путь труден и опасен и поэтому маршрут менялся: Шиназ - Рутул - Ахты - Хнов - Салаватский перевал - Нуха.

2. Шиназ - Амсар - Лучек - Кина - Гельмец - Курдул - Билакадинский перевал - Сарибаш - Кахи.

3. Шиназ - Амсар - Лучек - Микик - Мишлеш - Кальял - Диндинский перевал - Мухах - Закаталы (Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 83).

Значение перевалов было оценено еще Ильханами, или Хулагуидами(1256-1353), влияние которых на лезгинские земли иногда было ощутимым. Так, например, Абака-хан (1265-1282) принимал серьезные меры к укреплению северных границ государства, послал своего брата Юшмута "в Дербент, Ширван и Муган до Алтана, чтобы он охранял те пределы от врага" (Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III. Пер. с перс. А. К. Арендса. М.-Л., 1946, с. 308).

По сообщению знаменитого историка Рашид ад-дина, Газан-хан (1295-1304), "государь ислама", назначил в горные проходы и малодоступные пограничные области "тазикские войска и всех снабдил одеждой и раздал им икта" (Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. III, с.285).

25) **Ф в а**. Имеется в виду, вероятно, селение Фий ныне Ахтынского района. Кстати, еще в конце XI в. в письме ширваншаха "жителям пограничной области Гумик" упоминается селение **Ф. ва** (Масуд ибн Намдар. Указ. соч., с. 122 а). В. Ф. Минорский и Кл. Каэн полагают, что **Ф. ва** (Фува), упоминаемый в XI в., соответствует нынешнему городу Куба в Северном Азербайджане, но это только предположение.

26) **Ма за** (**Ма да**, лезг. **Ма цар**) — одно из древнейших лезгинских селений, ныне урочище в Ахтынском районе. Как известно, в конце X в. ширваншахи аннексировали Кабалинское княжество (Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда, с. 115-116), расположенное близко к селению Маза, южнее его. Возможно, к этому времени и относится захват Маза мусульманским войском, пришедшим из Ширвана (Айтберов Т. М. К истории Ширвана и Кабалы (сел. Маза в X-XVII, вв.) ПП и ПИКНВ, 1986, вып. , ч. 1, с. 60-61).

27) **Х и н а л у г** — селение в Северном Азербайджане, обитаемое хиналугами, представителями одного из лезгинских языков. Один из древних населенных пунктов. Подробно см. выше.

28) **А х т ы** — ныне центр Ахтынского района. Один из древних населенных пунктов Дагестана расположен у слияния двух рек Самура (Къулан-вацI) и Ахты-чая. Просочившееся в периодическую печать мнение об идентичности Ахты и Арцаха не обосновано, не научно. Раннесредневековая история селения, начиная с VI в., зафиксирована в местной хронике "Ахты наме".

Арабский историк X в. ал-Куфи писал, что в 30-х г. VIII в. арабский полководец Мерван, установив свою власть в Дербенте, начал разорять земли Южного Дагестана, "достиг села под названием Билистан, расположенного в среднем течении Самура. После этого он

разрешил своим воинам совершать набеги по стране Лакзов..." Вполне возможно, что речь здесь идет о селении Ахты.

Арабские надписи XI -XV вв., сохранившиеся в селении, свидетельствуют о значительных позициях ислама, о распространении арабской грамоты, строительной деятельности. Ахтынская надпись ("Владелец этой крепости ширваншах Халилаллах") свидетельствует о сильном политическом влиянии Ширвана в течении Самура в середине XV в. (Лавров Л.И. Указ. соч., с. 204). Хроника Абдалхайя зафиксировала сообщение о растущем весе шамхала в районе Ахты к концу XV в (Баркуев К., Ахмедов М.-К., Шихсаидов А.Р. Исторические сведения о Дагестане из арабских рукописей ("Ученые записки Института ИЯЛ", т. XI. Серия историческая. Махачкала, 1963, с. 178-179). Из сообщений хроники Махмуда из Хиналуга можно заключить, что Ахты, как и Докузпара, Мискинджи, представляет собой союз сельских общин, находившихся к концу XIV в. в зависимости от ширваншаха.

29) М и с к и н д ж и — одно из древних лезгинских селений, на правом берегу реки Самур, близ селения Ахты. А.-К. Бакиханов и Гасан-эфенди Алкадари указывают, что жители селения шииты. Существует мнение о том, что селение основано сефевидским шахом Тахмасибом I (Тахмаспом, ум. в 1576 г.) из переселенных туда жителей иранской области Гилян. Согласно преданию, селение было основано переселенцами из Ирана, шиитами, "выведенными Аббасом в XVI в." (Козубский Е.И. Памятная книга Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, с. 374-375). Однако хроника Махмуда из Хиналуга свидетельствует о существовании селения еще в конце XV в.

Раннее функционирование селения зафиксировано еще в одной рукописи. В 1975 г. археографическая

экспедиция Института истории, языка и литературы обнаружила и приобрела сборную рукопись, в составе которой имеется текст, переписанный в 1409 г. Каламом, сыном Исфендийара, сына Махмуда, сына Исфендийара, сына Калама, сына Басиршаха ал-Бурзи аш-Ширвани “для великого устаза... достойнейшего из ученых и факихов... Шинази... а он известный в области (дийар) Лезгистан ученый... Книга переписана в селении Мискинджа” (Гамзатов Г.Г., Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Арабо-мусульманская литературная традиция. В кн.: Гамзатов Г.Г. Дагестан: историко-литературный процесс. М., 1990, с. 223).

30) М и к р а х, М и к р а г (по-лезгински Миграгъ) – селение ныне Ахтынского района. Наиболее ранние сведения о Миграгъе дает именно “Ахты-наме”. На старом кладбище сохранились надписи только XVII-XIX вв.

Рядом с селением древнее укрепление, археологически не исследованное. Согласно “Ахты-наме”, каза-ры, овладев Ширваном, назначили правителем Микрага эмира Самсама с его визиром эмир Каги. После длительных боев с местным населением Самсам был убит. Версию о гибели Самсама повторяет и “История Абу Муслима” В других сочинениях, в частности арабских, имя Самсам не встречается. Что касается слова Микрагъ, то значение его точно не устанавливается, хотя, согласно “Ахты-наме”, название Микрагъ это искаженное название эмира Каги.

31) К у р а (К ю р е). Речь идет о левобережном Самуре в среднем и нижнем течении, части земель между Самуром и Гюльгеричаем. По названию территории часть лезгин стали называть кюринцами куъревияр, ед. ч. куъреви (Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896, с. 4). Наиболее раннее упоминание принадлежит исторической

хронике “Тарих Дагестан” (“Общество Куралал”). Кюре представлял собой, очевидно, союз сельских обществ – один из большого числа самостоятельных “потомков”, образовавшихся на территории бывшего раннефеодального общества Лакз. Образование его можно отнести к XII в. В 1356 г. уже существовало селение Курах, стоявшее в это время во главе селений, занимавших небольшую территорию (“Горы Кураха”), а затем распространившее свою власть на более обширное пространство, на Кюре в целом. Надпись на плите из селения Гельхен сообщает о “разрушении селения Курах и Кюры Шейхшахом в 916 г.”, т. е. разрушении селения и области в 1511 г. ширваншахом Ибрахимом II Шейхшахом (1502-1524) см.: Лавров Л.И. Из эпиграфических находок дагестанской экспедиции. Сборник музея антропологии и этнографии 1957 г., т. XVII, с. 375. Что касается Кюринского округа (XIX в.), то он включал также земли, не составлявшие исторический Кюре (Козубский Е. И. Указ. соч., с. 18).

32) Кайтагская ветвь правителей. Управляли в Северном Азербайджане и Южном Дагестане с конца XIV по XVII вв. История этой ветви совершенно не изучена. Махмуд из Хиналуга представляет в распоряжение исследователя очень ценный материал по этому вопросу.

33) Суфизм. “Мистико-аскетическое учение в исламе... Начало формирования аскетико-мистического течения в исламе... следует отнести примерно к середине VIII и началу IX в. Как правило, “к нему примыкали выходцы из среды собирателей хадисов (мухаддисун), странствующих сказителей и проповедников (куссас), чтецов корана (курра), участников джихада, благочестивых ремесленников и торговцев... Типичными чертами практики ранних суфиев... было размышление над смыслом коранического текста, строжайшее следование его предписаниям и сунне Пророка в повседневной жизни, многократные до-

полнительные молитвы, бдения и посты (навафил), отрешение от всего мирского... предание себя воле божьей..., стойкое перенесение страданий и лишений (сабр)... появились мотивы бескорыстной любви к богу (махабба, хубб), неизбывной тоски по нему, стремления сблизиться с ним. (Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991, с. 225).

В IX в. появился ряд суфийских школ (басрийская, багдадская, хорасанская). Внутренняя жизнь суфия должна состоять из отдельных "состояний" и "стоянок". Они являются частями "пути" (ат-тарик), проходя который суфий очищается от "мирской скверны" и сближается с божеством. Социальную базу суфизма составляли в основном горожане: мелкие торговцы, ремесленники. Важнейшим элементом суфизма "было овладение его теорией и практикой под руководством духовного наставника (шайх, муршид, пир), без которого начинающий суфий (мурид) рисковал потерять рассудок и здоровье". Передача суфийского знания и "благодати" (барака) от шайха к муриду осуществлялась в процессе длительного обучения, по окончании которого ученик получал из рук учителя суфийское рубище (хирка), служившее своего рода "дипломом" и дававшее право на самостоятельную проповедь (Ислам. Энциклопедический словарь, с. 228).

В Дагестане суфизм получил широкое распространение. Новейшими исследованиями показано (А. К. Аликберов), что широкое внедрение мусульманской идеологии на окраинах "дар ас-ислам" происходило в форме суфизма. В XI в. город Дербент представлял собой один из ведущих очагов суфизма на Кавказе. Уроженец Дербента Абу Бакр Мухаммад ад-Дербенди составил в конце XI-начале XII в. сочинение "Райхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик" ("Базилик истин и сад тонкостей") см.: Саидов М.-С. Дагестанская литература на арабском языке. Творчество дербентского уче-

ного XI в.: Абубакра б. Мусы б. ал-Фараджа. Рук. фонд Института ИАЭ, ф. 3, ед. хр. 94; Абдуллаев М. А. Важный источник средневекового суфизма // Вопросы философии. 1986. № 3); Саидов М.-С. Рукопись Абубакра Мухаммада, сына Мусы, сына ал-Фараджа ад-Дербенда. В кн.: Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991. Специальное изучение этой уникальной рукописи показало, что "Райхан ал-хакаик"... можно охарактеризовать как крупную энциклопедию суфийских терминов, морально-этических категорий, важнейших с точки зрения теософии и религиозно-правовых установок и ритуальных предписаний, а также общеисламских понятий с суфийской интерпретации" (Аликберов А. К. "Райхан ал-хакаик ва бустан аддакаик" Мухаммада ад-Дарбанди, как памятник мусульманской историографии (конец V-XI вв.)" Автореф. канд. дисс. СПб, 1991, с. 8). Город был полон суфиев, непосредственно связанных с ремесленными организациями, среди суфиев нередко были имена типа Бумагоделатель (или Продавец бумаги), Шелковод, Мыловар, Рыболов и т.д.

Конечно, районы Дагестана, особенно близко прилегающие к городу могли не испытать на себе влияние центра, переполненного суфиями и муридами. Огромно было влияние Азербайджана, где суфизм был сильно распространен. Именно под влиянием странствующих шейхов было построено в 1150 г. общежитие суфиев в Рутуле. Е.Э. Бертельс дает такое описание ханаки и его обитателей: "Муриды обычно жили при шейхах, в своего рода общежитиях (рибат, завийа, ханака, текке), строившихся при известных гробницах, больших мечетях или других аналогичных зданиях... Муриды, жившие под руководством шейха в ханаке, обычно носили название факир (араб. нищий) или дервиш (перс. в том же значении) (Бертельс Е. Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, с. 40-41.).

يتحدث هذا الكتاب عن إحدى أقدم مدن داغستان وهي كالاقریش (قلعة قريش) عاصمة حكام ولاية قيتاغ (خيداق). أسس هذه المدينة العرب من قبيلة قريش الذين قدموا إلى هنا حسب الأسطورة التاريخية منذ اثنا عشر قرناً لنشر الإسلام في هذه المنطقة.

إهتم العلماء منذ زمن بعيد العاصمة القديمة حيث درسوا الكثير من آثارها التاريخية والثقافية القديمة. لكن الدراسة الكاملة لهذه الآثار تحققت بعد البعثات التاريخية الأثرية التي أجريت خلال السنوات الثلاث الأخيرة. يعتبر هذه الكتاب خلاصة أبحاث هذه البعثات حيث درست جميع الآثار من قبل رئيس البعثة باحث الآثار البروفيسور مراد محمدوف والمستشرق البروفيسور عمري شيخسعيدوف.

سيعرف القارئ أشياء كثيرة وممتعة عن معالم وآثار كالاقریش كواحد من أهم المراكز السياسية والإدارية والإيديولوجية في داغستان. المقبرة العربية والمسجد الجامع في القرنين الثاني عشر والثالث مع المحراب الرائع المزخرف بالجصين والأعمدة الحجرية ومقبرة حكام قيداق المشهورة والبيوت القديمة والأحياء والينابيع والمطاحن وورشة تحضير النقوش الحجرية وغيرها من الآثار التي تعتبر شاهدين صامتين على هذا التاريخ.

كالاقریش اليوم عبارة عن أطلال. ولكن الذي بقي من المدينة حتى الآن يدل بشكل قاطع على الماضي القوي والعظيم لهذه المدينة.

This book is about Kalaqoreish – “Fortress of Quraysh”, one of the ancient cities of Daghestan, the capital of Kaitagh, the residence of rulers-*utsmiies*. According to the historical tradition this city was founded by the Arabs of famous tribe of Quraysh, having arrived here approximately twelve centuries ago with the aim of Islam spreading.

Scientists long ago took notice of this ancient capital and studied many of its important historical and cultural monuments. However fully they appeared only after conducting of the archaeological and archaeographical expedition last three years. This book is the sum of these expeditionary researches. The whole complex of monuments was studied by the Head of the Expedition, archaeologist, Prof. Murad G. Magomedov and the orientalist, Prof. Amri R. Shikhsaidov.

A reader will know many interesting about the objects of Kalaqoreish – one of the important political, administrative and ideological centers of medieval Daghestan. “Arab” cemetery, the cathedral mosque of XII-XIII centuries with a magnificent stucco mihrab and stone columns, the famous cemetery of Kaitagh rulers, Arab epigraphic inscriptions, ancient houses and blocks, springs and mills, workshop on manufacture of gravestones and other monuments – mute witnesses of history. Today Kalaqoreish is in the ruins. But even that which has been preserved is the convincing evidence of its past greatness and power.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
К истории изучения Калакорейша	6
Крепость Калакорейш	18
Джума-мечеть	33
Могильники Калакорейша	43
Кайтагское уцмийство и его столица Калакорейш ..	64
Приложение 1. Материалы по хронологии кайтагских уцмиев	87
Приложение 2. Махмуд из Ханалуга. События в Дагестане и Ширване XIV-XV вв.	106
Комментарии	119

**Мурад Гаджиевич Магомедов
Амри Рзаевич Шихсаидов**

**КАЛАКОРЕЙШ
(Крепость курейшитов)**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН**

instituteofhistory.ru

*Редактор С. Темирханова
Художник И. Хумаев
Худ. редактор И. Хумаев
Техн. редактор С. Манилова*

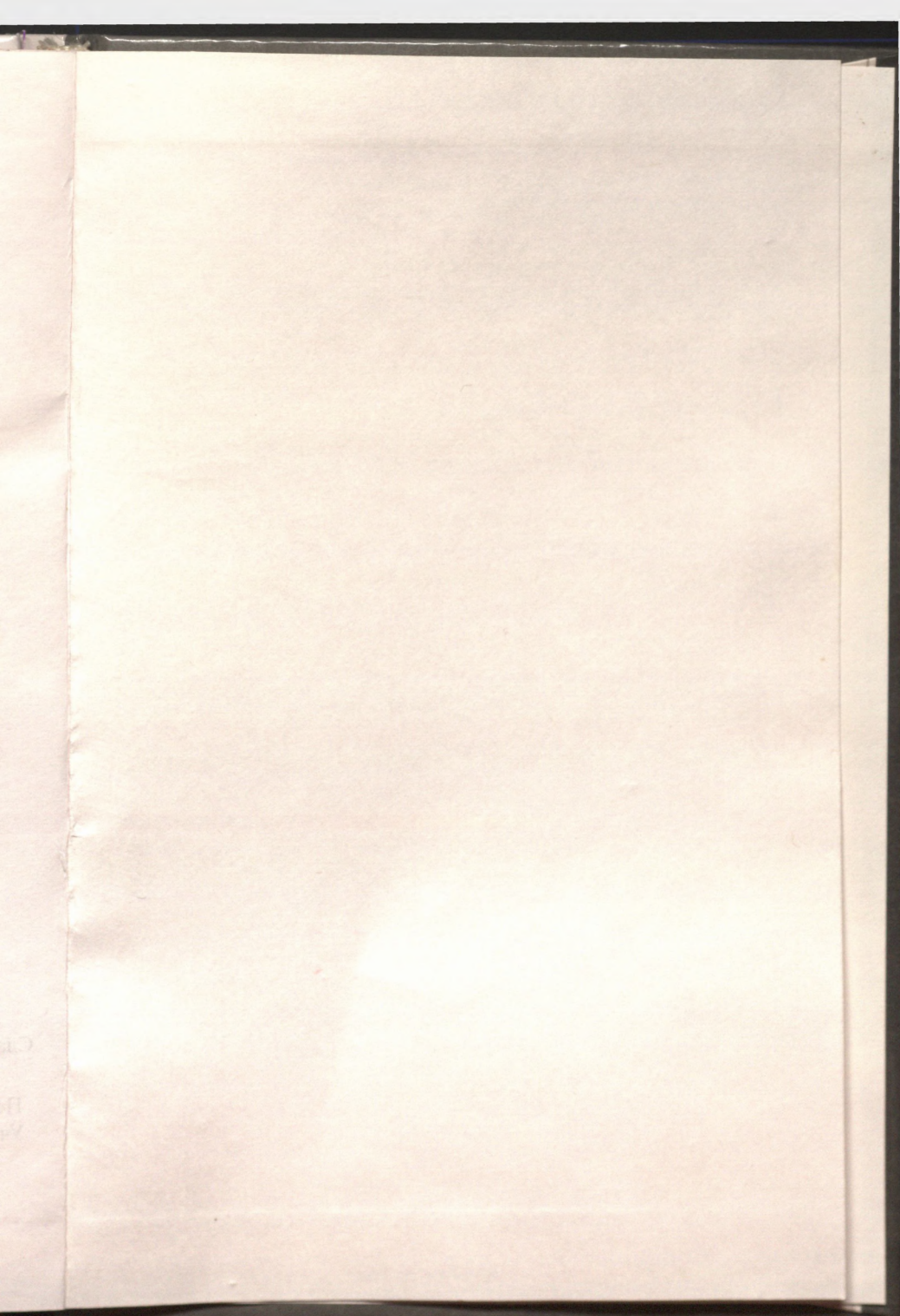
Сдано в набор 31.05.2000. Подписано в печать 28.06.2000.

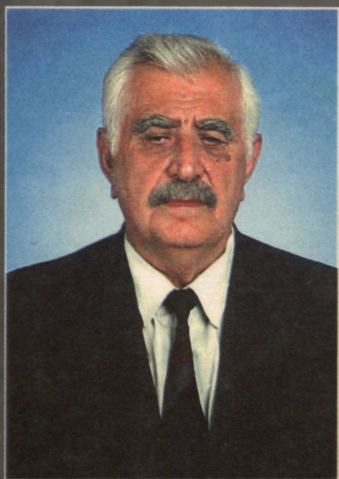
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.

Печать офсетная. Гарнитура "Ньютон". Усл. пл. л. 10,5.

Уч.-изд. л. 10,4. Заказ 42. Тираж 1000. Цена договорная.

АОЗТ Издательско-полиграфическое
объединение "Юпитер"
367029, Махачкала, ул. Пушкина, 6

МАГОМЕДОВ

Мурад Гаджиевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РД, автор более 150 научных трудов, в том числе монографий “Образование Хазарского каганата” (1983), разделов “Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.” (1988), “Живая связь эпох и культур” (1990), “Хазары на Кавказе” (1994), “История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века” (1997) и др.

ШИХСАИДОВ

Амри Рзаевич – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РД, автор более 200 научных трудов, в том числе монографий “Ислам в средневековом Дагестане” (1969), “Дагестан в X-XIV вв.” (1975), “Эпиграфические памятники Дагестана X-XIV вв.” (1984), разделов “Истории Дагестана с древнейших времен и до конца XV в.” (1997), “Дагестанские и исторические сочинения” (1993, в соавторстве).